

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

5 (2011)

Екатеринбург 2011

УДК 400
ББК Ш100.3
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Редакционная коллегия:

кандидат филол. наук, доцент М.Б. ВОРОШИЛОВА,

Л59	<p>ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ : ежегод. сб. науч. тр. / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — Вып. 5. — 175 с. ISBN 5-7186-0287-5</p> <p>Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.</p> <p>Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.</p> <p style="text-align: right;">УДК 400 ББК Ш100.3</p>
-----	--

Научное издание

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 5

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. Печ. Л. – _____. Уч.-изд. Л. _____ Тираж 100 экз. Заказ _____

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISBN 5-7186-0287-5

© ФГБОУ «УрГПУ», 2011

© Лингвокультурология, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Будаева Д. Р. (Нижний Тагил, Россия) ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	3
Волкова Т. А. (Челябинск, Россия) УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ И ЦЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ.....	34
Кондратьева О. Н. (Кемерово, Россия) КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (к истокам формирования концепта).....	43
Култышева И. В. (Нижний Тагил, Россия) СТРУКТУРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ.....	54
Полякова Л. С. (Магнитогорск, Россия) ГЕНДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКА.....	67
Русова И. А. (Сургут, Россия) ОРИЕНТАЦИОННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	73
Солопова О. А. (Челябинск, Россия) БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ.....	90
Степанова М. А. (Нижневартовск, Россия) СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ «RUSSIAN THREAT / РУССКАЯ УГРОЗА» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	115
Червиньски П. (Катовице, Польша) НОМИНАТИВЫ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА: КОММУНИКАЦИЯ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР МАРГИНАЛЬНОГО.....	132
Чудакова Н. М. (Нижний Тагил, Россия) АВГУСТ 1991-го: когда затих ветер, начался спектакль.....	160
Сведения об авторах.....	173

Т. А. Волкова

Челябинск, Россия

**УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ И ЦЕННОСТИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
КАК ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ**

АННОТАЦИЯ. *Представлены результаты сопоставительного исследования проявлений интердискурсивности дипломатического дискурса во взаимодействии с политическим, массовоинформационным и юридическим дискурсами. Предложена методика исследования интердискурсивности в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода, проведен анализ интердискурсивности дипломатического дискурса по отдельным параметрам (узловые точки и ценности дискурса).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дипломатический дискурс; интердискурсивность; дискурсивно-коммуникативная модель перевода; узловые точки дискурса; ценности дискурса.*

T.A.Volkova

Chelyabinsk, Russia

**KEY POINTS AND VALUES OF DIPLOMATIC
DISCOURSE AS PARAMETRES TO ANALYZE
INTERDISCOURSIVITY**

ABSTRACT. *Results of comparative research of signs of interdiscursivity in diplomatic discourse in interaction with political, Mass Media and legal discourses are presented. Methods of research of interdiscursivity within the frames of discursive-communicative model of translation is offered, analysis of interdiscursivity of diplomatic discourse on individual parameters (key points and values) is undertaken.*

KEY WORDS: *diplomatic discourse; interdiscursivity; discursive-communicative model of translation; key points of dis-*

course; values of discourse.

Интердискурс представляет собой «дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия» [Серио 2002: 45]. Исследователи отмечают, что интердискурсивность имеет ментально-языковую природу, предполагает «переключение» на другую систему знания, кодов, другой тип мышления в сознании реципиента [Сургай 2008], с точки зрения лексики и стилистики выражается в смешении разнородных лексических пластов не только в едином контексте, но даже внутри отдельных лексических единиц, смешении стилей [Павлова 2010]. Отмечается, что интердискурсивные взаимодействия актуализируются адресантом посредством использования в тексте особых эксплицитно выраженных языковых (лексических единиц, грамматических форм, синтаксических структур) и неязыковых (шрифта, схем, рисунков, фотографий, экстралингвистического контекста) маркеров, которые в своей совокупности актуализируют в сознании адресата иной тип текста/дискурса [Сачава 2009].

В данной статье интердискурсивность рассматривается в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода [подробнее см.: Волкова 2010] по следующим параметрам: поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, узловые точки дискурса, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики отражаемого дискурсом текста (форма дискурса), типовые свойства и функции коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии.

В работе изложены результаты сопоставительного исследования проявлений интердискурсивности дипломатического дискурса (во взаимодействии с политическим, массово-информационным и юридическим дискурсами как наиболее частотными и идентифицируемыми) по двум из указанных параметров: узловым точкам и ценностям дискурса. Отметим, что под узловыми точками дискурса здесь понимаются привилегированные знаки, частичной фиксацией значений вокруг которых сформирован соответствующий дискурс

[Laclau, Mouffe 1985].

В основу методики исследования ценностей могут быть положены различные показатели, например следующие при анализе языковых средств, репрезентирующих ценности в политическом дискурсе: количественная представленность обозначений соответствующих ценностей (антиценностей) в тезаурусе; вербальное представление соответствующего феномена как ценности (антиценности), указание на важность, значимость ценностей для общества и страны; представление ценностей в качестве цели, задачи или объекта борьбы; конкретизация представлений о ценностях; темпоральная характеристика ценностей; метафорическое обозначение ценностей; представление ценностей в качестве прецедентных феноменов; обращение в отдельных случаях к этимологической характеристике слов, обозначающих ту или иную ценность, к словарным определениям [Светонossoва 2006].

В данной статье для анализа узловых точек и ценностей дискурса использованы следующие лексико-семантические критерии [Чудинов 2006]: высокая частотность в текстах слов, обозначающих соответствующие узловые точки и ценности; представление узловых точек и ценностей в качестве объекта взаимодействия; конкретизация и толкование представлений о ценностях и узловых точках дискурса. Данные получены путем сплошной выборки лексико-семантических единиц в текстах на английском и русском языках и представлены в процентах относительно общего числа слов в текстах. С целью всестороннего анализа проявлений интердискурсивности дипломатического дискурса (далее — ДД) для исследования были выбраны тексты различных категорий: международные соглашения; конституционные акты международных организаций; резолюции и отчеты международных организаций; односторонние юридические акты; заключительные документы межправительственных визитов, переговоров, международных конференций; публикации в СМИ, освещающие международные события; стенограммы пресс-конференций и интервью официальных лиц в рамках внешнеполитической деятельности государства.

Узловые точки ДД представлены трехмерной интерреля-

цией понятий «мир», «война», «сотрудничество» [подробнее см.: Волкова 2007] и выражены в дипломатических текстах следующим образом:

«Сотрудничество»	32 %
«Мир»	13 %
«Война»	6 %

К базовым ценностям ДД мы относим суверенное равенство, добросовестное выполнение принятых на себя обязательств, разрешение международных споров мирными средствами, невмешательство во внутренние дела субъекта; динамику, устойчивое развитие, честность, лояльность, некатегоричность, тактичность, корректность, сдержанность [Волкова 2007]. Ввиду синонимичности лексико-семантических единиц, характеризующих ценности ДД, целесообразно объединить их в группы:

«Динамика, устойчивое развитие»	29 %
«Суверенное равенство, невмешательство»	9 %
«Честность, добросовестность, лояльность»	10 %
«Некатегоричность, тактичность, корректность...»	1 %

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов. Приоритетной в ДД является узловая точка «сотрудничество», вокруг которой иерархически строятся остальные узловые точки и ценности. Узловая точка «война» (6 %), традиционно признаваемая одной из опорных в дипломатическом коммуникативном взаимодействии, оказывается наименее выраженной в современном ДД, значительно уступая узловой точке «сотрудничество» (32 %). Приоритетная ценность ДД может быть сведена к формулировке «динамика, устойчивое развитие» (29 %), что соответствует специфическим институциональным характеристикам ДД (стремлению к сотрудничеству, интеграции, многостороннему, многовекторному характеру взаимодействия). Количественное распределение ценностей, определяемых формулировками «суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела субъекта» (9 %) и «честность, добросовестность, лояльность» (10 %), отражает, на наш взгляд, принципы взаимодействия субъектов ДД. Некатегоричность, тактичность, корректность и сдержанность как ценности ДД при подсчете эксплицитно выраженных лексико-семантических единиц представлены незначительно (1%)

и выражаются в ДД в основном имплицитно.

Взаимопроникновение ДД и политического дискурса является, на наш взгляд, одним из типичных примеров проявления интердискурсивности ДД, который во многом можно рассматривать как внешнеполитический дискурс. Многосторонний характер современной дипломатии предполагает участие субъектов внутренней политики государства в решении международных вопросов; в то же время в условиях глобализации взаимодействие государств на международной арене часто связано с решением их внутренних проблем. Рассмотрим отражение узловых точек и ценностей ДД в политическом дискурсе (ПД; табл. 1).

Таблица 1.

Узловые точки и ценности в дипломатическом
и политическом дискурсах, %

Узловые точки и ценности	ДД	ПД
«Сотрудничество»	32	31
«Мир»	13	13
«Война»	6	1
«Динамика, устойчивое развитие»	29	22
«Суверенное равенство, невмешательство»	9	19
«Честность, добросовестность, лояльность»	10	11
«Некатегоричность, тактичность, корректность...»	1	3

Общими узловыми точками ПД и ДД являются «сотрудничество» и «мир», общими ценностями выступают «динамика, устойчивое развитие» и «честность, добросовестность, лояльность». Интересным представляется несовпадение в дискурсах степени выраженности узловой точки «война», что в политическом дискурсе объясняется, вероятно, стремлением следовать нормам и принципам международного взаимодействия, целям дипломатического дискурса (надежное обеспечение безопасности государства, сохранение и укрепление его суверенитета и территориальной целостности; воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропо-

рядка; сотрудничество, поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами и межгосударственными объединениями, определяемых национальными приоритетами государства; всесторонняя защита прав и интересов соотечественников за рубежом; содействие позитивному восприятию государства в мире).

Полученные данные свидетельствуют о большей значимости в ПД ценности «суверенное равенство, невмешательство», определяемой, на наш взгляд, направленностью ПД на внутреннюю политику страны. «Некатегоричность, тактичность...» выражены в ПД в несколько большей степени, что позволяет предположить более эксплицитные формы манифестации данной ценности в названном дискурсе.

В тех случаях, когда обсуждение дипломатических вопросов выносится в СМИ, обнаруживается взаимопроникновение ДД и массовоинформационного дискурса (дискурса СМИ). Связующей точкой дискурсов является тема (например, информация о том, как протекает процесс урегулирования отношений между государствами), участники (направление) дискурса.

Таблица 2.

Узловые точки и ценности в дипломатическом и массовоинформационном дискурсах, %

Узловые точки и ценности	ДД	Дискурс СМИ
«Сотрудничество»	32	33
«Мир»	13	7
«Война»	6	7
«Динамика, устойчивое развитие»	29	29
«Суверенное равенство, невмешательство»	9	13
«Честность, добросовестность, лояльность»	10	9
«Некатегоричность, тактичность, корректность...»	1	2

О пересечении дискурсов свидетельствует примерно равная степень выраженности в ДД и дискурсе СМИ узловой точки «сотрудничество», ценностей «динамика, устойчивое развитие», «честность, добросовестность, лояльность». В дискурсе СМИ более выражена узловая точка «война» и менее

выражена узловая точка «мир», что обусловлено, на наш взгляд, присущими массовоинформационному дискурсу остротой и полемичностью. Выраженность ценности «суверенное равенство, невмешательство» подчеркивает стремление дискурса СМИ к непредвзятости, объективности. Группа ценностей «некатегоричность, тактичность, сдержанность» незначительно представлена в массовоинформационном дискурсе эксплицитными средствами и выражается имплицитно в большей или меньшей степени (в зависимости от стиля, статуса, качества информационного материала).

Фундаментальные принципы международного права, определяющие основы взаимодействия субъектов международных отношений, закрепляющие важнейшие права и обязанности государств, выражающие и охраняющие комплекс общечеловеческих ценностей и служащие концептуальной основой функционирования и развития международных отношений, позволяют говорить о пересечении узловых точек и ценностей ДД и юридического дискурса (далее — ЮД).

Таблица 2.

Узловые точки и ценности в дипломатическом и юридическом дискурсах, %

Узловые точки и ценности	ДД	ЮД
«Сотрудничество»	32	32
«Мир»	13	10
«Война»	6	7
«Динамика, устойчивое развитие»	29	16
«Суверенное равенство, невмешательство»	9	23
«Честность, добросовестность, лояльность»	10	10
«Некатегоричность, тактичность, корректность, сдержанность»	1	2

Совпадение частотности для узловой точки «сотрудничество» (32 %) и группы ценностей «честность, добросовестность, лояльность» (10 %) в рамках ДД и ЮД позволяет заключить, что данные категории составляют общую основу исследуемых дискурсов, что соответствует принципам международного права и международного взаимодействия. Интересным, на наш взгляд, является соотношение узловых точек

«война» и «мир» внутри каждого из дискурсов и между дискурсами. Условно объединив данные антиномии, получим, что значения для категории «мир — война» в рамках ДД и ЮД приблизительно равны, чем подтверждается интердискурсивность ДД и ЮД, однако внутри каждого из дискурсов обнаруживаются расхождения: узловая точка «мир» в юридическом дискурсе оказывается менее выраженной, чем узловая точка «война». Это подтверждает положение о большей императивности юридического дискурса (вербализации общепризнанных норм, от которых государства не вправе отступать в своих отношениях даже по взаимному согласию), но не противоречит установке ЮД на обеспечение справедливости путем мирного разрешения споров. Полученные данные свидетельствуют также о большей значимости в ЮД ценности «суверенное равенство, невмешательство» (23 %), определяемой принципами международного права.

Несовпадение в дипломатическом и юридическом дискурсах степени выраженности ценности «динамика, устойчивое развитие» (29 % и 16 % соответственно) свидетельствует, на наш взгляд, о большей статичности юридического документа. Отметим, что стремление к однозначному толкованию юридических текстов не противоречит общим для ДД и ЮД ценностям некатегоричности, тактичности, корректности и сдержанности (1 % и 2% соответственно).

Представленная интердискурсивная характеристика дипломатического дискурса служит, на наш взгляд, эффективным инструментом в процессе анализа и перевода дипломатических текстов. На основе алгоритма анализа узловых точек и ценностей дискурса и изучения интердискурсивности в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода может быть определен ряд перспективных направлений исследования: анализ ценностей и узловых точек отдельных видов институционального дискурса с привлечением дополнительных показателей; изучение интердискурсивности по отдельным параметрам или в комплексе в рамках дискурсивно-коммуникативной модели перевода; выявление интердискурсивных характеристик отдельных видов дискурса и определение стратегий перевода соответствующих текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007.

Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода : моногр. — М. : Флинта : Наука, 2010.

Павлова Е. К. Политический дискурс в глобальном коммуникативном пространстве (на материале английских и русских текстов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2010.

Сачава О. С. Textoобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.

Светоносова Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла : (Французская школа анализа дискурса) : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. — М. : Прогресс, 2002. С. 12-53.

Сургай Ю. В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2008.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие — М. : Флинта : Наука, 2006.

Laclau E. and Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — L. : Verso, 1985.

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

**КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(к истокам формирования концепта)**

АННОТАЦИЯ. *На примере текстов А. Курбского, посвященных Ивану Грозному, рассматривается специфика функционирования концепта «душа» в политическом дискурсе русского Средневековья. Превалирует метафорическая репрезентация концепта, описываются основные метафорические модели и сферы-источники, эмоциональная нагрузка метафор, отражающая авторское отношение к «великому князю Московскому».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептуальная метафора; политический дискурс; лингвокультура; Средневековье; внутренний мир.*

O.N. Kondratieva

Kemerovo, Russia

**CONCEPT "SOUL" IN POLITICAL DISCOURSE
(to the sources of concept formation)**

ABSTRACT. *On the basis of the texts by A. Kurbsky, devoted to Ivan the Terrible, specificity of the functioning of the concept "soul" in political discourse of Russian Middle Ages is discussed. Metaphoric representation of the concept prevails, central metaphorical models and source-spheres are described, as well as additional emotional meaning of the metaphors, that reveals the author's attitude to the "Grand Prince of Moscow".*

KEY WORDS: *conceptual metaphor; political discourse; linguo-culture; Middle Ages; inner world.*

К числу основных направлений политической лингвистики относится рассмотрение специфики функционирования ключе-

© Кондратьева О. Н., 2011

вых концептов русской культуры в рамках политической коммуникации. Значимые для определенной лингвокультуры концепты активно употребляются и в рамках политического дискурса, в котором они, помимо своего универсального содержания, обогащаются новыми красками и выполняют особые функции.

Бесспорно, одним из центральных для русской культуры является концепт «душа». Уже в работах Анны Вежбицкой было отмечено, что «особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры ... *душа, судьба и тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература» [Вежбицкая 1997: 33]. Не является исключением и политический дискурс, в котором концепт «душа» обогащается новым содержанием. Так, выдвигая те или иные концепции, политики зачастую обращают внимание избирателей на их созвучность национальному миросозерцанию, культурным традициям, духу народа и русской душе в частности, а на выборах призывают прислушиваться к голосу души и сердца (ср. призыв: *Голосуйте сердцем*). Особую роль теории русской души в политических стратегиях нашей страны отмечают и западные обозреватели [см. напр.: Пар 2010]

Не вызывает сомнений, что настоящее — это следствие прошлого, и поэтому вполне оправдан и закономерен интерес исследователей синхронного состояния языка к фактам его истории, определяющим современные векторы развития. Необходимо изучать историю формирования отдельных концептов, особенности их репрезентации в языке разных эпох. Как отмечает А. П. Чудинов, политическая лингвистика нуждается в работах, сосредоточенных на историческом изучении языкового материала, «только такой подход позволит правильно оценить современное состояние политического языка, проследить за динамикой метафоры, обнаружить истоки (они же корни) многих современных феноменов» [Чудинов 2001: 219].

Задача настоящего исследования — рассмотреть особенности языковой репрезентации концепта «душа» и основные функции данного концепта в средневековом политическом дискурсе. Материалом исследования послужили поли-

тические тексты XVI в., а именно произведения Андрея Курбского — его послания к Ивану Грозному и примыкающий к ним в идеологическом отношении политический памфлет «История о великом князе Московском».

Эпоха правления Ивана Грозного характеризовалась укреплением централизованного государства, реформами, появлением государственных деятелей широкого размаха. Это период авторитаризма: никто не смел высказывать суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный, только бежавший из России князь Курбский решился сформулировать свою позицию. Грозный и Курбский были крупнейшими фигурами на общественно-политической арене своего времени, выразителями характернейших политических взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения, и в первую очередь боярства.

Андрей Курбский был не только выдающимся политиком, но и писателем с ярким индивидуальным метафоричным стилем изложения. В его произведениях впервые в центре внимания русской литературы оказалась и государственная деятельность, и *личность* первого русского царя. Названные факты обусловили выбор произведений князя Курбского в качестве лингвистического источника.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что душа представляет собой объект «невидимого мира», и потому отображение ее свойств возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами, т. е. основным способом языковой репрезентации данного концепта является концептуальная метафора. Андрей Курбский, обращаясь к концепту «душа», также использует метафоры, чтобы выявить основные особенности данной идеальной сущности. Наиболее распространенными в изученном материале являлись концептуальные метафоры, восходящие к сферам-источникам «Человек», «Животный мир», «Религия».

1. СФЕРА-ИСТОЧНИК «ЧЕЛОВЕК». Процесс концептуализации внутреннего мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Человек запечатлел свой облик в языке, познавая мир, он наделяет его объ-

екты своими свойствами. Душа представляется в народном сознании неким живым существом, которое живет своей жизнью, обладает индивидуальным обликом и характером, что позволяет определить ее как некоего «внутреннего человека».

1.1. Фрейм «Жизнь/смерть». Лексика жизнедеятельности биологических организмов на протяжении всего периода развития языка становилась источником метафоризации самых разнообразных сфер действительности, в том числе и внутреннего мира человека. Как отмечает Л. В. Балашова, «в центре этой когнитивной модели лежит представление о жизни как о бытии чего-либо» [Балашова 1998: 122].

В древнерусской культуре 'жизнь' души связывается с Богом, вне Бога существование души невозможно. Также прослеживается четкое различие судьбы праведных и неправедных людей: не подвержены смерти только души праведников. Показательно, что Грозный, много рассуждая в своих посланиях к Курбскому о жизни и гибели души, воспринимает собственную душу как живую, действующую, цитируя при этом фрагмент Священного Писания: *аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимъ, много ложными словесы своими сплетаеши, яко воры ради избежалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя* (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Князь Курбский, напротив, уже с первого послания последовательно создает образ 'погибающей' души Грозного: *аще и тмами хвалишися в гордости своей и при временном сем скоротекущем веще умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, паче же наругаешися, попирающе аггелский образ, согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы, бесогласным твоим боляром и губителемъ души твоей и телу, и детми своими паче же Кроновых жерцов действуют* (А. Курбский «Первое послание Ивану Грозному»). Причиной 'гибели' души становится гордыня, неправедный образ жизни, прислушивание к словам коварных советников, нежелание покаяться в совершенном.

1.2. Фрейм «Питание». Для поддержания 'жизни' душу, как и любое живое существо, необходимо питать. Но если истинной 'пищей' души является молитва, слова святых отцов, то Грозный насыщает свою душу 'пищей' вредной, ядо-

витой — суетными развлечениями и пением скоморохов: **вместо богодухновенных книг и молитвъ священных, имже душа твоя безсмертная наслаждалася и слухи твои царские освящалися, — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бесовскими песнями, ко осквернению и затворению слуха входу ко феологии?** (А. Курбский «Третье послание Ивану Грозному»). Такая 'пища' разрушает душу, ведет к ее гибели.

1.3. Фрейм «Здоровье/болезнь» основан на представлениях о нормальной и нарушенной жизнедеятельности организма. В. В. Колесов отмечал, что «древний русич до XVI в. здоровьем считал не физическое, а душевное, моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, он понимал как благо, как дар и награду за душевное свое здоровье» [Колесов 2000: 103].

Душа Ивана Грозного страдает, с точки зрения Курбского, тяжелым кожным заболеванием — проказой. Уже в Библии существовала специфическая метафора 'нечистоты' как заболевания кожного покрова, своим возникновением обязанная евангельскому сюжету об исцелении (очищении кожи) прокаженного. Итоговое напутствие «Иди и больше не греши», «по существу, является метафорой нравственного очищения» [Яковлева 2000: 204].

В сознании верующего существовала устойчивая метафора «проказа → нравственная нечистота», и 'прокаженная' душа демонстрирует нравственную деградацию человека: *ему негли подобно и он блаженный, лстець истиннь, умыслил, яко и последовало дело, иже душу его от прокаженныхъ ран исцелил и очистилъ был и разращенный умъ исправил, темъ и овым наставляюще на стезю правую* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»); *и вкратце рекше, целит недужных, очищает прокаженных, не телесы, но душами, возвращает заблудших, подъемлюще на рамена и приводяща ко Христу, первому пастырю, уловивши воистину от сетей диявольских* (А. Курбский «История о великом князе Московском»).

Кроме того, душа Грозного страдает от другого, не менее страшного заболевания — 'чумы': *ибо того ради славные и нарочитые исправление великихъ мужей от мудрыхъ чело-*

*вековъ исторiями описавшеся, да ревнують им грядущие роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы, яко от смертоносныхъ ядовъ или поветрия (чумы — О. К.), не **токмо телесного, но и душевнаго** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).*

Показательно, что Курбский акцентирует внимание именно на 'заболеваниях' души у оппонента, деятельность которой скрыта от взгляда и непостижима, соответственно вылечить ее гораздо сложнее, а с учетом тех страшных болезней, которые приписываются душе (проказа и чума), и вовсе невозможно.

Основным средством избавления от болезни является искреннее покаяние в грехах и молитва — это лучшее 'лекарство' от недуга: *приими божественный антидот ... егда же кто того **лекарства внутренним человеком вкусит**, яко рече Златоустый, пишучи во первом слове страстном о Петра апостола покаянию: по вкушению того посылаются молитвы ко Богу умиленные „через послы слезные“* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Как уже было отмечено, в большинстве случаев 'заболевания' души политического противника являются крайне тяжелыми, они давно перешли в хроническую запущенную форму, и потому практически неизлечимы. У больного началась 'гангрена', поэтому попытки лечения, которые могут дать хоть какой-то шанс на положительный результат, должны быть только хирургическими, необходимо вырезать больные ткани: *то же воистинну и **врачеве премудрые творят: дикие мяса и неудобь целимые гагрины бритвами режутъ аж до живаго тела** и потомъ наводять помалу и исцеляють недужных. Тако же и он творилъ, презвитер блаженный Селивестръ, видяще **недуги твои душевные, многими леты застаревшия и неудобны ко исцелению*** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Таким образом, используемые А. Курбским морбиальные метафоры отличаются наиболее сильным воздействием, в результате перед нами предстает образ И. Грозного как человека не просто тяжелобольного, но обреченного, внутренний мир которого совершенно разрушен болезнью, а потому шансов на исцеление и адекватность руководства государством с его

стороны практически нет.

2. СФЕРА «МИР ЖИВОТНЫХ». Зооморфные метафоры Курбский использует для антонимической характеристики души Грозного в начальный период его правления и в более поздние годы. Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафору «душа Грозного — голубица»: *и царская душа в той церкви (теле — О. К.), яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистейши и пресветлейше злата, благодатию Духа Святого преукрашенна* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Апелляция к образу голубицы не случайна: голубь с древнейших времен выступал символом чистоты и непорочности.

Для характеристики позднего Грозного Курбский использует образ мифического зверя — дракона: *О сопоспешниче перваго зверя и самого великого дракона, якоже искони сопротивляется Богу и ангелом его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человеческое естество! Поколь такъ долго не насытишися крови християнские, попирающее совесть свою?* (А. Курбский. Третье послание Ивану Грозному).

В «Истории о великом князе Московском» Курбский развивает данный образ, говоря, что есть два дракона — внешний и внутренний, т. е. дракону уподобляется и Грозный, и его душа: *азъ же реку нечто поистинне деръзостнейши: положил бы некто два драконы ядовиитыхъ и видель ихъ единого вне, а другаго внутрь. Которого жъ бы удобнее было устрещися, внешнего или внутренняго?* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Поскольку дракон традиционно носитель злого, порою сатанинского начала, с помощью аналогии «Грозный (его душа) — дракон» Курбский акцентирует такие качества политического противника, как безжалостность, жестокость и кровожадность.

3. СФЕРА «РЕЛИГИЯ». Сознание средневекового человека, как известно, было сугубо религиозным. Церковь в те времена имела первостепенное значение в жизни людей. Как особый социальный институт церковь выполняла функцию жесткой регуляции всей жизни человека, его поведения, мыслей и чувств, и человек непременно оценивал окружающий мир с

позиций, предлагавшихся христианской религией.

3.1. Фрейм «Праведное/греховное». Не вызывает сомнений, что праведность — неотъемлемая характеристика истинного христианина, тем более обязательна праведность души и сердца для человека, стоящего во главе государства: *Царь, аще и почтень царствомъ, а даровании, которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советниковъ, но и у всеродныхъ человекъ, понеже дар духа даеця не по богатеству внешнему и по силе царства, но по правости душевной, ибо не зрит Богъ на мугутство и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сиречь елико хто вместит добрымъ произволениемъ* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Грозный не соответствует данному эталону. Его душа развращена советниками и приспешниками: *о безумие человеческое, наипаче же развращенные души от похлебников, или от любимых маньяков твоих!* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Именно как утрату праведности, отступление от православия, попрание Христовых заповедей трактовал Андрей Курбский злодеяния Ивана Грозного.

3.2. Фрейм «чистый/грязный». В средневековой культуре чистота являлась одной из наиболее значимых характеристик, ей придавалось сакральное значение. Чистота мыслилась в древности как «одна из конкретных реализаций „хороших“, „идеальных“, требуемых — эталонных, образцовых — качеств предмета, а именно как его „первозданность“: неиспорченность, незамутненность, незагрязненность посторонним — внешним — вмешательством. *Чистый X* — это X как он есть и как он должен быть по некоему идеальному замыслу: ...*чистое сердце, чистое житие* естественно могли быть проинтерпретированы по этому же типу ‘свободы от порчи’» [Яковлева 2000: 210].

В церковнославянском переводе Библии слово *чистота* употребляется не только в прямом значении, но для обозначения свободы от греха, праведности, а очищение связывается именно с избавлением от бремени грехов. Таким образом, первичное значение лексемы *чистый* ‘не имеющий пыли, грязи или пятен’ переносится на абстракт-

ные понятия и становится одним из наиболее значимых параметров в характеристике образа жизни человека и его внутреннего мира.

Андрей Курбский в ряде произведений сравнивает образ Грозного на начальном этапе его правления, в период завоевания Казани, и в позднейший период, используя для этого оппозицию «чистый/грязный». Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафоры «тело — это церковь» и «душа Грозного — голубица» (см. выше): **в нейже** (телесной церкви. — О. К.) **некогда Духъ Святой пребывал, яже по прехвальном покаянию была вычищена и чистыми слезами измыта, от неяже чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила; в нейже, яко на твердом основанию правоверные веры, благочестивые дела созидашася, и царская душа в той церкви, яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистейши и пресветлейше злата. ... Се такова твоя прежде бывала церковь телесная!** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

В дальнейшем Грозный, по мнению Курбского, попадает под влияние плохих советников, отдаляется от праведной жизни, увязает в пучине грехов, что приводит к 'загрязнению' бессмертной души и его телесной церкви нечистотами: **егда же развращенныи и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и по таковом покаянию возвратился еси на первую блевотину за советом и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятоградные гнусности пропастию и иными бесчисленными и неизреченными злодействы** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

'Очищение' души и ума возможно только после осознания собственной греховности и покаяния, возвращения на истинный путь: **и последовало дело, иже душу его от прокаженных ран исцелил и очистил был и развращенный умъ исправил, темъ и овим наставляюще на стезю правую** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Таким образом, именно внутренняя чистота становится

фактором, детерминирующим существование человека. 'Загрязненные' душа и ум являются нарушением нормы, отклонением от эталона, и соответственно создают отрицательный образ политического деятеля.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Основным способом репрезентации души в произведениях Андрея Курбского являлась концептуальная метафора, позволяющая выявить базовые свойства души через аналогии с объектами физического и идеального миров. Основными сферами метафорической экспансии в данный период служат три сферы: «Человек», «Мир животных» и «Религия», — каждая из которых реализует значительное количество метафорических переносов.

2. Андрей Курбский сопоставляет состояние души Грозного в начальный период его правления (метафоры чистоты, голубицы) и в последующие годы (метафоры дракона, грязи, болезни и духовной смерти).

3. В интерпретации Курбского, внутренний мир Грозного может быть охарактеризован преимущественно отрицательно маркированными метафорами, что создает негативный образ самодержца всея Руси.

4. Используемые А. Курбским метафоры вызывают эмоциональное отторжение, а значит, отрицательный образ правителя становится особенно действенным. Перед нами предстает образ И. Грозного как человека греховного, безумного, не просто больного, но обреченного, внутренний мир которого деформирован и совершенно разрушен болезнью, поэтому бесполезно ожидать от него разумных действий в управлении государством.

В заключение следует отметить, что метафорическая репрезентация концепта «душа» в политическом дискурсе Андрея Курбского становится важным средством создания образа его политического противника. А. Курбский описывает состояние души Ивана Грозного, оценивая его с точки зрения соответствия/несоответствия некоему эталону, обязательно для правителя Руси, избранного Богом и являющегося образцом для своих подданных. Создавая образ греховной, порочной, больной, погибающей души Грозного, Курбский

постоянно демонстрирует его несоответствие эталону истинного правителя.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М. : Русские словари, 1997.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филол. ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2000.

Рар А. Душа нараспашку: в том, что касается внешней политики, Россия хочет быть уникальной (“Russia Profile”, Россия). URL: <http://www.inosmi.ru /politic/20100712/161237299.html>.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Яковлева Е. С. О концепте *чистоты* в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки русской культуры, 2000. С. 200-216.

ИСТОЧНИКИ

Курбский А. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 310-480.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 14-102.

УДК 659.132.224

ББК Ф04.211

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

И. В. Култышева

Нижний Тагил, Россия

СТРУКТУРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛИСТОВКАХ

АННОТАЦИЯ. *На примере предвыборных листовок рассматривается доказательство как логический способ аргументации, который представляет собой последовательность аргументов и выводов в пользу соответствующих тезисов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *предвыборная листовка; аргументация; доказательство; тезис; аргумент; энтимема.*

I.V. Kultysheva

Nizhny Tagil, Russia

STRUCTURE OF PROOF IN ELECTION LEAFLETS

ABSTRACT. *On the basis of election leaflets, the proof is examined as a logical means of argumentation, which is a sequence of arguments and conclusions in favour of the corresponding theses.*

KEY WORDS: *election leaflet; argumentation; proof; thesis; argument; enthymeme.*

Продуктом предвыборного дискурса является совокупность текстов, которую в силу их смысловой целостности, общей прагматической направленности можно назвать сверткстом: для сверткста характерны тематическое единство, временные и пространственные рамки. Как определенного вида сверткст можно рассмотреть и совокупность агитационных предвыборных материалов, к числу которых относятся листовки. Совершенно очевидно локальное ограничение данного вида текста. Оно экстралингвистически задано предвыборной кампанией, протекающей в определенные сроки и на определенной территории, в масштабах государства или

© Култышева И. В., 2011

отдельных его регионов. Несмотря на то, что, по данным социологических опросов, всего 4,5 % электората доверяет листовкам полностью, а 60 % не доверяет абсолютно, наибольший процент наглядной агитации приходится, на наш взгляд, именно на листовки. Агитационная листовка — это текст, наиболее быстро находящий своего адресата. Современная предвыборная листовка — мощнейший инструмент воздействия на избирателей. Согласно другим социологическим опросам, более 50 % избирателей узнают об основных идеях предвыборных платформ кандидатов из листовок, расклеенных на подъездах или полученных по почте [Амелин, Федоркин 1999: 298]. С помощью одной только листовочной кампании совершенно неизвестный кандидат может получить до 5 % голосов.

Материалом данного исследования стали тексты предвыборных листовок, доставленных избирателям (размещены в подъездах, вручены на улице и т. п.), а также листовок, помещенных в сети Интернет, во время избирательных кампаний в Государственную думу Российской Федерации 2007 г., Городскую думу Нижнего Тагила 2008 г., на пост главы Нижнего Тагила 2008 г., в Законодательное собрание Свердловской области 2010 г. Объем выборки — 700 текстов.

С формальной точки зрения доказательство представляет собой последовательность аргументов и выводов в защиту или опровержение соответствующих тезисов. С содержательной точки зрения в политическом агитационном дискурсе аргументация — способ речевого воздействия с помощью тезисов и аргументов, в результате которых в модель мира электората вводятся новые знания с целью непосредственного или опосредованного влияния на процесс принятия им тех или иных решений [Баранов 2007: 250].

Общеизвестно, что в доказательстве различают три основные части: тезис, аргументы и вывод. Тезисом называют то положение, которое требуется доказать. Аргументами, или основаниями доказательства, называются те посылки, которые используются при логическом выводе заключения. Выводом называется совокупность тех умозаключений, с помощью которых тезис выводится из аргументов. Доказательство, в котором просматривается вся трехчастная структура,

называют структурой с *полной аргументацией*. В то же время формальная логика доказала, что аргументация не обязательно развертывается в форме полных доказательств. В практике повседневного общения *структура доказательства чаще сокращенная и предстает в виде энтимем*, в которых не выражены в явной форме *либо тезис, либо вывод*, как сами собой разумеющиеся. Эта «сокращенная» аргументация и называется энтимемой (в переводе с греческого 'в уме, в мыслях'), потому что в ней остается невыраженной, т. е. «в мыслях», часть всего рассуждения.

Примеры полного доказательства:

1. «Единая Россия»: (тезис) *Забота о материнстве и детстве — приоритетная задача партии „Единая Россия“*
(Аргументы)

1. *„Единая Россия“ добивается пересмотра порядка выплат на детей в зависимости от доходов семьи;*

2. *„Единая Россия“ добивается увеличения доплаты на каждого последующего ребенка: на второго — на 25 %, на третьего и далее — на 50% и больше;*

3. *„Единая Россия“ добивается повышения выплаты за рождение ребенка до 10000 рублей;*

4. *„Единая Россия“ добивается повышения пособия по рождению ребенка женщинам, уволенным в связи с ликвидацией предприятия и обучающимся с отрывом от производства, — до 500 рублей.*

(Вывод) *Голосуй за политическую партию „Единая Россия“* (Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация авторов предвыборных листовок.).

2. «Единая Россия»: (тезис) *Мы добились увеличения реальных доходов населения.*

1. (Аргументы) *Нами увеличен минимальный размер оплаты труда более чем в 7 раз — до 600 рублей (с 1.10.2003);*

2. *средняя месячная начисленная заработная плата возросла почти в 4 раза (с 1523 рублей в 1999 году до 5868 рублей на начало 2003 года);*

3. *с 1 октября 2003 года на 33 % будет индексирована заработная плата работников бюджетной сферы;*

4. *с 1 января 2002 года принято новое пенсионное законодательство (в том числе норма о выплате пенсии в полном*

объеме работающим пенсионерам);

5. увеличен — в 3 раза — размер надбавок к должностным окладам научно-педагогических работников высших учебных заведений за ученую степень кандидата наук и ученую степень доктора наук;

6. увеличен размер денежного содержания военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, повышен их социальный статус (они приравнены к федеральным государственным служащим), повышен уровень пенсионного обеспечения ветеранов военной службы и правоохранительных органов.

(Вывод) *Голосуй за политическую партию „Единая Россия“.*

В построении данных текстов с полной структурой доказательства важно наличие тех признанных обоснованными утверждений, которые способны быть убедительными аргументами для доказываемого положения (в тезисах четко указывается тема: *забота о материнстве и детстве, увеличение доходов населения*, а в качестве аргументов предлагаются или тезисы программы партии, связанные только с материнством и детством, или реальные факты, свидетельствующие о росте благосостояния). В выводах содержится призыв голосовать за партию, которая заботится о молодых матерях и их детях и старается устранить основные проблемы населения.

Однако следует признать, что в предвыборном агитационном дискурсе полное доказательство встречается достаточно редко. Чаще всего в предвыборной листовке эксплицируется не вся трехчастная структура доказательства, а лишь часть ее. Общие утверждения, о которых можно полагать, что они хорошо известны, как правило, опускаются:

1. «Единая Россия»: (тезис) *5 причин голосовать за «Единую Россию»:*

(Аргументы)

1. *Партия «Единая Россия» — это партия, реализующая курс Дмитрия Медведева и Владимира Путина.*

2. *Партия «Единая Россия» — это партия нашего губернатора Александра Мишарина.*

3. *Партия «Единая Россия» — это партия реальных*

дел.

4. *Партия «Единая Россия» — это партия, объединяющая все конструктивные силы нашей страны и области.*

5. *Только партия «Единая Россия» выполняет свои обещания.*

В данном случае вывод скрыт, имплицитен, он лишь подразумевается. Психологически каждому читающему листовку предоставляется возможность сделать самостоятельно вывод: «Голосуй именно за партию «Единая Россия»».

2. «Единая Россия»: (тезис) *«Единая Россия» — реальная политическая сила.*

(Аргументы)

С нашей партией Россия смогла пережить мировой экономический кризис без серьезных социальных потрясений.

Обновление экономики в Свердловской области произойдет не в результате какого-то чуда, а благодаря тяжелому ежедневному труду, к которому уже приступила партия «Единая Россия».

Возглавляет партию премьер-министр РФ В. В. Путин.

В данном случае вывод также выражен имплицитно, подразумевается, что каждый, читающий листовку, убедится в реальности «политической силы» партии.

В некоторых предвыборных листовках вывод может быть даже излишен:

2. КПРФ: (тезис): *10 шагов обновления Свердловской области:*

1. *Создание новой экономики с достойной зарплатой.*

2. *Систему ЖКХ — под государственный контроль.*

3. *Исполнение социальных обязательств перед пенсионерами и ветеранами даже в кризис.*

4. *Повышение качества медицинского обслуживания.*

5. *Действительно доступное жилье.*

6. *Забота о будущих поколениях.*

7. *Возрождение уральской деревни.*

8. *Кардинальное обновление транспортной системы региона.*

9. *Здоровый образ жизни.*

10. *Наведение порядка во власти.*

В данном примере четко сформулированный тезис, категоричные аргументы, раскрывающие заявленный тезис, по нашему мнению, не предполагают конкретного вывода.

Структура доказательства с имплицитно выраженным выводом в современной российской предвыборной листовке встречается достаточно часто: в 38% листовок вывод выражен скрыто. Как отмечает Е. Н. Зарецкая, «каждое умозаключение (вывод в доказательстве) носит своеобразный принудительный характер, заставляет принять заключение, логически вытекающее из предпосылок (аргументов)» [Зарецкая 2007: 155]. Таким образом, имплицитное выражение вывода позволяет решить ряд проблем: во-первых, не дублировать уже обозначенный тезис; во-вторых, избежать «принудительного» решения адресата, позволяет каждому читающему листовку самостоятельно сделать соответствующий вывод.

Чаще встречается ситуация, в которой скрыто выражается тезис (44%) Известный русский логик С. И. Поварнин сравнивал роль тезиса в доказательстве со значением фигуры «короля» в шахматной игре. Этой фигуре подчинен весь процесс игры, с ее «интересами» соотнобразуется каждое движение других шахматных фигур:

1. О. Цветков: (аргументы) *Усилиями Олега Цветкова была разработана в сентябре 2006 года городская программа бесплатного обучения детей плаванию. Во многом благодаря его поддержке наши спортсмены — одни из лучших в области и в стране. В олимпийские медали, которыми гордится город, вложены силы и знания Олега Цветкова.*

(Вывод) *Голосуя за Цветкова, выбираешь спортивные успехи города.*

2. ЛДПР:

(Аргументы) *ЛДПР выгрызает у власти деньги на детей!*

ЛДПР выбивает областную пенсию ветеранам!

ЛДПР защищает уральцев от произвола!

ЛДПР отстояла деньги на школы и больницы!

(Вывод) *ЛДПР действительно заботится об интересах простых уральцев! И будет защищать всегда!*

В данных примерах можно увидеть только аргументы и

вывод. Как отмечают исследователи, призыв «Голосуй за меня!» в рамках предвыборной кампании предписан агитационной листовке [Федотовских 2005: 16], а центральная смысловая категория, содержательный центр предвыборной листовки — категория обещания лучшего [Хазагеров 2008: 54].

Таким образом, основной тезис избирательной кампании в агитационной листовке обозначен самой ситуацией (предвыборная) и выбранным жанром (агитационная листовка) и звучит в рамках стратегий презентации и самопрезентации как «Именно эта партия (этот кандидат) лучше другой партии (кандидата)».

Во всех приведенных выше примерах тезис, аргументы и вывод репрезентированы отдельными предложениями. Однако текст доказательства в предвыборной листовке может быть представлен в форме одного предложения — сложной синтаксической конструкции. Ярким показателем наличия доказательства в предвыборной листовке являются сложноподчиненные предложения с придаточными причины, цели и условия.

Как известно, в основе аргументации, особенно логической, реже — риторической, лежат причинно-следственные связи. Становление причинно-следственных отношений — операция логического порядка, которая вскрывает семантические отношения между двумя предложениями, т.е. отношения, которые могут соответствовать реальной взаимосвязи объективных явлений, а могут и противоречить ей. В естественном языке существуют специальные средства выражения причинно-следственных отношений; самые частотные из них — сложноподчиненные предложения с придаточными причины и следствия, ср.:

1. «Единая Россия»: (тезис) *Наша главная цель на 2010 год — повысить реальные доходы населения, **поэтому** (аргументы) губернатор Свердловской области четко констатировал директорам крупных предприятий и заводов: «Заработная плата в Свердловской области должна быть не менее 20 тысяч 400 рублей». (Вывод) Мы понимаем, что это непростая задача, но при вашей поддержке мы сделаем все возможное для ее решения.*

2. Справедливая Россия: (тезис) *Последние опросы об-*

*щественного мнения показывают резкое обрушение рейтинга партии «Единая Россия». И это не мудрено, (аргументы) **ведь** в области повальная безработица, безудержный рост тарифов на ЖКХ.*

Пропуск одного из элементов в структуре доказательства позволяет значительно сократить текст, что важно для предвыборной листовки.

Впервые на тот факт, что сложноподчиненные предложения с **причинными союзами** *так как, потому что, оттого что, ведь, ибо* и др. выступают как показатель логических причинных отношений и сигнализируют о наличии энтимемы (сокращенного силлогизма), указал в 1954 году не кто иной, как А. Н. Мосейко, логик, занимающийся проблемами выражения умозаключений в русском языке. На роль причинных союзов в выражении причинных семантических связей указывают также лингвисты (Ляпон 1986, Кривоносов 1979), иногда прямо связывая их с функцией репрезентации умозаключений. «В сознании каждого человека имеется некоторая сумма накопленных знаний о связях между предметами, явлениями, которые, будучи закрепленными человеческой практикой, приобрели устойчивый характер. Эти устойчивые связи и позволяют нам открыто их не высказывать, но подразумевать, держать в уме. Благодаря языковым построениям с подчинительными союзами, мы получаем возможность придавать нашим рассуждениям чрезвычайно разнообразную, гибкую и изящную словесную форму» [Кривоносов 1979: 19], ср.:

1. «Единая Россия»: (аргумент) *Только партия «Единая Россия» разработала пакет антикризисных мер, которые и были реализованы Правительством РФ, **поэтому** (вывод) только у нас с коллегами по партии есть четкое понимание, в каком направлении двигаться дальше, как развиваться в период «после кризиса».*

2. КПРФ: (тезис) *Сдержать народный гнев в законных рамках сегодня способна только Коммунистическая партия, **так как** (аргументы) мы единственная политическая сила, которая открытыми парламентскими методами противоборствует антисоциальной политике власти, **так как** только у нас имеются на руках три народных законо-*

проекта, с которыми мы идем на выборы в Областную Думу.

Сложное предложение с союзом *так как*, по мнению логиков (Мосейко 1954; Свинцов 1998), выражает только умозаключение. Все причинные союзы — это логические маркеры, алгоритмически отсылающие нас к энтимеме (неполному силлогизму) с большей посылкой (первое суждение), в которой причинный союз вводит меньшую посылку (второе суждение). Об этом говорит А.Д. Гетманова: «Формальная логика сама позаботилась о том, чтобы воссоздать в сложноподчиненных предложениях с причинными союзами естественного языка то, что в ней разработано в течение веков. Формальная логика — это грамматика мышления» [Гетманова 1986: 223]. В предложениях с причинно аргументирующим значением ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения о том, что сообщается в главной части, ср.:

ЛДПР: (Тезис) *Сегодня единственная реальная оппозиционная сила в стране — ЛДПР. Так как* (аргумент) *только ЛДПР постоянно напоминает «слугам народа» «Единой России» о нуждах народа, так как* (аргумент) *только ЛДПР постоянно конфликтует с властью.*

Средством конкретизации в данном примере являются оценочные слова в составе главной части (*единственная реальная оппозиционная сила в стране*); они актуализируют причинное значение.

Как отмечает Г. М. Костюшкина, с формальной стороны имеются союз или союзное выражение, которые являются маркером подчинения, а с содержательной стороны — взаимная зависимость между компонентами сложного предложения. Данная зависимость носит причинно-следственный характер [Костюшкина 1991: 111].

Причинная обусловленность предполагает такую связь двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой (*Так как только ЛДПР постоянно напоминает «слугам народа» «Единой России» о нуждах народа, так как только ЛДПР постоянно конфликтует с властью*, это позволяет называть *ЛДПР единствен-*

ной реальной оппозиционной силой в стране).

В предложениях, выражающих причинную зависимость, носителем значения достаточного основания является придаточная часть: ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора (аргумента) по отношению к сообщаемому в главной части, которая информирует о следствии.

Кроме того, к сложноподчиненным предложениям с причинно-следственным характером мы относим сложноподчиненные предложения с *придаточными условия и цели*.

Характерный признак сложноподчиненных предложений с придаточными условия — гипотетичность: та часть, которая представлена как умозаключение (вывод), называет причину того, о чем сообщается в части, оформленной условным союзом, но эта причина в предвыборных листовках очень субъективна. В таких предложениях присутствует субъективно-оценочный момент: придаточная часть указывает на то, что представляется достаточным для оправдания, одобрения, положительной или отрицательной оценки ситуации — условия:

1. «Гражданская сила»: **Если** придете и проголосуете за партию, заботящуюся о регионах, а о не Москве, то станете жить лучше.

2. Листовка против В. Погудина: **«Если** мы сможем добиться четкого контроля за подсчетом голосов, Вячеслав Погудин точно потерпит крах на выборах».

В данных примерах предполагается, что что-то случится («Вячеслав Погудин потерпит крах на выборах», «станете жить лучше»), но лишь при осуществлении определенных условий.

В этих случаях союз «если» выступает как компонент двухместного союзного соединения («если — значит», «если — стало быть»). Такие предложения сообщают об основании (придаточная часть), достаточном для вывода, умозаключения (главная часть).

ЛДПР: **Только при условии** избрания представителей партии ЛДПР в Областную Думу, в Свердловской области создастся вертикаль ЛДПР от Москвы до каждого вашего города, поселка, деревни. Вертикаль ответственности, честности, открытости власти, которая будет забо-

тяться об интересах простого человека, а не олигархов и взяточников.

Практически всегда условное значение в современных российских предвыборных листовках относит ситуацию в план будущего.

Предложения со значениями цели выражают такую обусловленность, при которой одна из соотносимых ситуаций представлена как потенциальный или реальный результат другой ситуации.

Маслов А. В.: *Для того чтобы отстоять строительство нового спортивно-досугового комплекса на ГГМ, одного желания мало, необходим статус депутата Городской Думы.*

В данном примере сообщается о желательной ситуации (*строительство нового спортивно-досугового комплекса на ГГМ*), которая может быть осуществлена в случае избрания А. В. Маслова депутатом Городской Думы. Целевые отношения построены на соотношении ситуаций, каждая из которых включает в себе признак достаточного основания: главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет, обеспечивает ожидаемое следствие; придаточная часть сообщает о стимуле. Следует помнить, что обусловленность в целевых предложениях имеет взаимонаправленный характер. Так, с одной стороны, передается информация: статус депутата Городской Думы обеспечивает *строительство нового спортивно-досугового комплекса на ГГМ*, а с другой стороны, *строительство нового спортивно-досугового комплекса на ГГМ* мотивирует А. В. Маслова баллотироваться в депутаты.

В придаточных предложениях условия, как и придаточных предложениях цели, объединяется стимул и потенциальный результат.

Таким образом, доказательство как логический способ аргументации представляет собой последовательность аргументов и выводов в пользу соответствующих тезисов. В современной российской агитационной листовке полная аргументация встречается достаточно редко. Чаще всего тезис или вывод выражены имплицитно.

Язык выработал лексические единицы и синтаксические

построения, которые специально служат для выражения энтимем. Наиболее типичной языковой формой энтимем является сложноподчиненное предложение, а самые частотные в современной российской предвыборной листовке — сложноподчиненные предложения с придаточными причины, условия и цели. В сложноподчиненных предложениях с придаточными причины носителем значения достаточного основания является придаточная часть: ее содержание выполняет роль аргумента по отношению к сообщаемому в главной части. Характерный признак сложноподчиненных предложений с придаточными условия — гипотетичность: придаточная часть представляет собой умозаключение (вывод), называет причину того, о чем сообщается в главной части, но эта причина в предвыборных листовках очень субъективна. Предложения со значениями цели выражают такую обусловленность, при которой одна из соотносимых ситуаций представлена как потенциальный или реальный результат другой ситуации. Именно в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины, условия и цели реализуется субъективно-оценочный момент, объединяется стимул и потенциальный результат.

ЛИТЕРАТУРА

Амелин, В. Н. Стратегия избирательной кампании / В. Н. Амелин, Н. С. Федоркин. — М. : РЦОИТ, 1999. — 105 с. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 592 с.

Гетманова, А. Д. Логика. / А. Д. Гетманова — М. : Высш. школа, 1986. — 286 с.

Зарецкая, Е. Н. Логика речи / Е. Н. Зарецкая. — М. : Дело, 2007. — 424 с.

Костюшкина, Г. М. Формально-семантическое выделение некоторых видов придаточных предложений во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. М. Костюшкина. — Л. : ЛГПИ, 1981. — 24 с.

Кривонос, А. Т. О некоторых аспектах соотношения языка и логики / А. Т. Кривонос // Вопросы языкознания. — 1979. — № 1. — С. 17—31.

Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — М. : Наука, 1986. — 200 с.

Мосейко, А. Н. Способ выражения умозаключений в языке : автореф. дис ... канд. филол. наук / А. Н. Мосейко. — М., 1954. — 15 с.

Свинцов, В. И. Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей / В. И. Свинцов. — М. : Скорина, 1998. — С. 60—61.

Федотовских, Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Федотовских. — Екатеринбург, 2005. — 21 с.

Хазагеров, Г. Г. Риторика / Г. Г. Хазагеров, И. Б. Лобанов. — Ростов н/Д : Феникс, 2008. — 379 с.

УДК 81'42

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

Л. С. Полякова

Магнитогорск, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ. *Обосновывается термин «язык политика». Выделены и описаны основные гендерные стратегии языка политика: придание определенных черт речевому портрету за счет типичных феминных/маскулинных качеств речевого поведения и адресация непосредственно к мужской/женской аудитории.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация; гендерная стратегия; гендерная тактика; стереотип; язык политика; речевой портрет.*

L.S. Polyakova

Magnitogorsk, Russia

GENDER STRATEGIES AS A FACTOR OF REALIZATION OF A POLITICIAN'S LANGUAGE

ABSTRACT: *The term "language of a politician" is defined. Main gender strategies of a politician's language are singled out and described, among them: adding specific features to speech portrait with the help of typical feminine/masculine qualities of verbal behavior and direction of the message to male/female audience.*

KEY WORDS: *political communication, gender strategies, gender tactic, stereotype, language of a politician, speech portrait.*

В последнее время политический дискурс стал объектом междисциплинарных исследований и привлекает внимание широкого круга исследователей: лингвистов, психологов, философов, социологов, политологов, специалистов по теории коммуникации и многих других. Думается, что такой интерес со стороны ученых вызван огромной популяризацией полити-

ки во всем мире, а также тем, что она в той или иной степени присутствует в обыденной жизни каждого человека.

Средством реализации политического дискурса является политический язык, особенности которого давно привлекали внимание ученых. Несмотря на то, что политический язык является общепринятым термином в политической лингвистике, мы считаем, что для характеристики особенностей речевого поведения политиков требуется иной термин, а именно — язык политика. На основе анализа литературы и собственного исследования под **языком политика** мы понимаем *целенаправленно конструируемый на уровне отбора языковых средств созданный для политических деятелей язык, использующий феминные/маскулинные характеристики для быстрого установления контакта с целевой женской/мужской аудиториями и для целенаправленного воздействия на гендерные группы*. Кроме того, мы считаем, что язык политика в обязательном порядке конструируется с учетом целевых аудиторий, которые разделяются по социально-экономическому и демографическому факторам, при этом в настоящее время все большее значение приобретает последний фактор. На основе нашего исследования, мы пришли к выводу, что язык политика наделен **гендерными стратегиями**, под которыми мы понимаем *спланированные цели воздействия на мужскую/женскую аудитории, которые в свою очередь, направлены на создание или коррекцию речевого портрета политика и реализуются с помощью определенных гендерных тактик. Гендерные тактики — гендерно-окрашенные языковые приемы, использующиеся для реализации гендерных стратегий. При этом гендерные тактики осуществляются на уровне отбора языковых средств, которые направлены на достижение стратегических целей и задач*.

На основе проведенного анализа речей политических деятелей мы выделяем две основные гендерные стратегии.

1. *Использование типичных феминных/маскулинных качеств речевого поведения для придания нужных черт речевому портрету*. Мы пришли к выводу, что данная гендерная стратегия, применяемая в языке политиков, реализуются с помощью следующих гендерных тактик: *радикальной смены*

речевого поведения и корректирования речевого поведения.

2. *Адресация непосредственно к мужской или женской аудитории.* В данной гендерной стратегии мы выделяем гендерную тактику речевого «отзеркаливания» и гендерную тактику использования гендерных стереотипов и метафор.

Проиллюстрируем реализацию первой гендерной стратегии на примере выступлений В. Матвиенко. Объясняя причины коммунальных проблем, остро стоящих перед петербуржцами, она использует реальный цифровой материал с логическими выводами: *Чтобы привести в порядок жилищный фонд, включая внутридомовые коммуникации, нужна просто астрономическая сумма — 300 миллиардов рублей. Это весь бюджет Петербурга за 2 года ... если в 2003-м году на ремонт жилищного фонда и коммуникаций было выделено миллиард 700 миллионов рублей, то в 2005-м уже 4 миллиарда 700 миллионов. В бюджете текущего года мы прибавили еще почти миллиард* (из выступления на передаче "5 канал" 6.02.2006). С помощью такого построения речевой фразы: огромная, пугающая цифра 300 млрд., затем маленькая 1700 млн., в которой значимым является миллиард, затем он увеличивается в четыре раза и прибавляется еще один, которая, в сущности, является игрой с цифрами, достигается впечатление рачительного распоряжения бюджетом, надежности и уверенности в решении проблемы. При этом каждая последующая часть логически вытекает из предыдущей. В сочетании с экспрессивно-оценочным суждением *просто астрономическая*, являющимся перцепцией *просто ужасно — просто ужас*, образно логическое выражение: женское, но с мужскими качествами. Пример корректирования речевого поведения можно привести и из выступления Х. Клинтон, в котором политик призывает Дж. Буша согласовать свои действия по поводу решения вопроса распространения ядерного оружия Ираном с Конгрессом США. Подчеркивая, насколько важно для США остановить действия Ирана, Х. Клинтон корректирует присущее своему полу речевое поведение следующим образом: *As I have long said and will continue to say, U.S. policy must be clear and unequivocal: We cannot, we should not, we must not permit Iran to build or acquire nuclear weapons. And*

in dealing with this threat, as I've also said for a long time, no option can be taken off the table. (A Resolution to Authorize the Use of United States Armed Forces Against Iraq. October 10, 2002). На данном отрывке прослеживается категоричность высказывания, использование модальных глаголов придает выступлению приказной тон, повторы глаголов и местоимений создают эффект нагнетания опасности, простое построение предложений также способствует быстрому донесению прямого послания до реципиентов.

К гендерной тактике радикальной смены речевого поведения прибегала и экс-Гос. Секретарь США К. Райс, которая в своих выступлениях часто полностью меняла речевое поведение, присущее своему полу, на мужское. Так, на брифинге 16 октября 2006г., посвященном предстоящей поездке в Азию, К. Райс конструирует свою речь с мужской позиции. Сначала политик четко обозначает цель поездки: *The purpose of my trip is to rally the support of our friends and allies in North-east Asia for our comprehensive strategy.* Далее политик, четко по пунктам излагает план поездки, обосновывает цель визита: **First**, *we must strengthen our strategic relationships in the region. ... Second*, *as North Korea scorns the international community, we ... . Third*, *we and our partners must expand defensive measures to counter .... Fourth*, *we must ensure the continued vitality of the global regime ... . Finally*, *we must remind North Korea that a positive path remains open to it through the six-party talks.* (Briefing on Upcoming Trip to Asia, October 16, 2006). Таким образом, данный отрывок показывает, что речь К. Райс не обладает эмоциональной образностью, экспрессивностью либо иными языковыми средствами, традиционно приписываемыми женскому речевому поведению. Вместо этого речь политического деятеля характеризуется логическим порядком, структурированностью.

Гендерная стратегия адресации непосредственно к мужской или женской аудитории реализуется в языке политика иначе. Ярким примером может служить выступление Тони Блэра на третьей Генеральной Ассамблее, посвященной Женским Институтам. Заранее зная свою целевую аудиторию, состоящую из женщин, Т. Блэр строит свое выступление, ориентируясь на общепринятые характеристики женско-

го речевого портрета. Он поднимает важные для женщин проблемы семьи, детей, рака груди, дискриминации, унижения в семье, принижительного отношения к женщинам в обществе: ... *we all share the anxieties of today's world: the fear that our child will be bullied or worse offered drugs in the playground. The worry that children are exposed to too much sex and too much violence too young. The struggle of balancing work and family. ... On our own the majority of us are powerless. Together we can shape our destiny. To become the masters of this change, not its victims, we need an active community.* (Speech to the Women's Institutes' Triennial General Meeting. 07 June 2000). Политик ставит себя на место женщин, разделяет с ними их проблемы, и всю информацию передает эмоционально, экспрессивно, образно. Он также подчеркивает, что сейчас женщины беспомощны, показывая тем самым свою слабость как-то изменить ситуацию, и призывает объединяться во благо безопасного, чистого и морального будущего.

Эта же гендерная стратегия может осуществляться и при помощи других языковых приемов. Так, выступления бывшего Гос. Секретаря США М. Олбрайт часто построены на гендерном стереотипе «семья»: *I will always love and honor my parents and will always respect their decision, for that most painful of choices gave me life a second time.* (Remarks At Jewish Museum, Prague, Czech Republic. July 13, 1997). Почитание родителей не только апеллирует к старшему поколению, но и вызывает уважение у всех поколений, а также способствует созданию образа любящей дочери.

Таким образом, мы пришли к выводу, что точность выбора гендерных стратегий и тактик наделяет язык политика яркостью, запоминаемостью, что, в свою очередь, сказывается на эффективности воздействия выступления политического деятеля на электорат.

ИСТОЧНИКИ

Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Интернет-ресурс].- <http://www.gov.spb.ru>

Margaret Thatcher Foundation [Интернет-ресурс].- <http://www.margaretthatcher.org>

Senator Hilary Rodham Clinton, Senator from New York //URL:
[Интернет-ресурс].- www.clinton.senate.gov
Famous Speeches [Интернет-ресурс].-
<http://usinfo.state.gov/usa/infousa/facts/speeches.htm>
Prime Minister's Speeches. Archive [Интернет-ресурс].-
<http://www.number-10.gov.uk/output/Page5.asp>.

И. А. Русова

Сургут, Россия

**ОРИЕНТАЦИОННАЯ МЕТАФОРА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию ориентационной метафоры в политическом дискурсе на материале инаугурационных речей президентов США и содержит анализ метафор, созданных на основе пространственных концептов «низ», «верх», «вперед», «назад» и др.*

В работе сделана попытка когнитивного описания особенностей метафор пространственной ориентации, сложившихся в языковом сознании представителей англоязычной культуры и нашедших отражение в языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ориентационная метафора; концепт; метафорическая модель; политический дискурс.*

I. A. Rusova

Surgut, Russia

**ORIENTATION METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE
ON THE BASIS OF INAUGURATION POLITICAL
COMMUNICATION**

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the orientation metaphor in political discourse on the basis of inauguration speeches of the American presidents. It contains analysis of metaphors which are based on such spatial concepts as «down», «up», «forward», «backward» etc.*

The current research attempts to give the cognitive description of spatial metaphor peculiarities which are reflected in the mind of the English-speaking people and in the language itself.

KEY WORDS: *spatial (orientation) metaphor; concept; metaphor model; political discourse.*

Наиболее часто в поле зрения ученых попадают структурные метафоры, а ориентационные метафоры изучаются сравнительно реже, хотя ориентационная метафоризация также обусловлена физическим и духовным опытом человека и способствует созданию концептуальной картины мира. Особенностью ориентационной метафоры является то, что она представляет собой результат взаимодействия не отдельных концептов, а целых систем концептов, которые находятся в определенной пространственной оппозиции по отношению друг к другу, например: «верх — низ», «внутри — снаружи», «глубокий — мелкий», «передняя сторона — задняя сторона» и др. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что такого рода пространственные отношения продиктованы взаимодействием человека с материальным миром и определяются прежде всего особой формой человеческого тела и его размещением в пространстве [Лакофф, Джонсон 2004: 35].

Данная работа представляет собой исследование ориентационной метафоры в политическом дискурсе. Материалом исследования послужили 56 оригинальных текстов инаугурационных речей президентов США, в которых мы выявили 716 примеров ориентационных метафор. Следует отметить, что в это число входят как свежие и развернутые метафорические образы, выстроенные на основе определенных пространственных ориентаций, так и свойственные английскому языку фразовые глаголы, нередко тоже имеющие метафорическую природу.

Профессор Розамунда Мун в статье «Metaphor and Phrasal Verbs» говорит о том, что многие фразовые глаголы имеют как прямое, так и метафорическое значение, но существуют и фразовые глаголы, обладающие исключительно метафорическим значением. Примечательно, что данное значение может возникать не только вследствие метафорического употребления смыслового глагола: частица, входящая в состав фразового глагола, часто сама имеет метафорическое значение. Автор статьи пишет, что в английском языке частицы и наречия, являющиеся составной частью фразовых глаголов, как правило, указывают на расстояние, направление, протяженность, расположение в пространстве. Например, частица *up* используется для обозначения движе-

ния вверх, *down* — движения вниз, *ahead* указывает на положение впереди. Метафорические значения данных частиц возникли из буквальных и зафиксированы в словарях фразовых глаголов. Так, частица *up* метафорически указывает на увеличение размера, числа или силы (*prices went up*), *down* — на уменьшение размера, числа, силы (*the children quietened down*), *ahead* — на некоторый момент в будущем (*many problems lie ahead of us*) [Moon 2009: LS5].

В той же статье автор, касаясь вопроса концептуальных метафор, с опорой на идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона утверждает, что схожие метафорические идеи могут проявляться не только во фразовых глаголах, но и в иных лексических сочетаниях. Например, идея *движения вверх* и идея *нахождения в высоком положении* в английском языке может выражаться с помощью различных слов, которые образно передают увеличение количества (*to go up, to rise, to climb, to soar, to peak* и т. д.). То же самое мы наблюдаем при представлении противоположных явлений: использование глаголов *to go down, to fall, to drop, to slump, to dive* говорит о возможности передачи идеи *движения вниз* не только с помощью фразовых, но и смысловых глаголов.

Как концептуальная категория, пространство имеет бинарную структуру и строится на парах признаков, имеющих положительное и отрицательное значение. В работе «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004] ориентационная метафора рассматривается на примере оппозиции «*up — down*». Там представлены вероятностные объяснения природы возникновения метафорических концептов вследствие физического и культурного опыта человека.

В ходе исследования мы тоже выявили концепты, называющие противоположные направления. В подавляющем большинстве случаев это касается ориентаций «верх» (36,2 %) и «низ» (42,5 %), которые выражены широким рядом лексических единиц. Значительно реже метафоры выстроены на основе иных концептов.

Наибольшее количество выявленных нами метафор, а именно 304, базируется на идее движения вниз. При этом в 165 случаях используется предлог/наречие *under*. Метафоры этой группы имеют широкую сферу употребления и задей-

ствуются американскими спикерами при упоминании правительства, конституции, закона, Бога, различного рода обстоятельств.

С помощью лексемы *under* метафорически выражается нахождение человека в позиции подчинения, ограничения, пребывания под контролем более сильных лиц. В анализируемом материале граждане страны, к которым обращены речи президентов, чаще всего выступают субъектами, находящимися *под* влиянием государства, различных государственных институтов, политического строя или существующей формы правления. Авраам Линкольн, 16-й президент США, в своей первой инаугурационной речи (1861 г.) использует фразу *By the frame of the Government under which we live* — букв. *При существующей структуре правительства, под которым мы живем* (здесь и далее перевод наш — И. Р.), образно представляющую народ как группу людей, находящихся под государственным управлением [Inaugural Addresses: 124/pres31]. Франклин Рузвельт во время второго избрания на пост президента (1937 г.) произносит: *...under democratic methods of government national wealth can be translated into a spreading volume of human comforts hitherto unknown* — букв. *Под демократическими методами правления национальное богатство может стать источником растущего человеческого благосостояния, доселе неведанного* [Inaugural Addresses: 124/pres50].

Поскольку позиция подчинения, выражающаяся при помощи рассматриваемых метафор, как правило, не вызывает энтузиазма у населения, для характеристики правительства нередко используются эпитеты с положительными коннотациями, призванные создать позитивный образ и несколько сгладить идею подчинения. Подобное явление мы наблюдаем в речи Джеймса Монро (1817 г.): *...the happy Government under which we live*. В этом контексте лексема *happy* может переводиться как «приносящий счастье, благоприятный» [Inaugural Addresses: 124/pres20]. Аналогичным способом положительный эффект достигается в следующих метафорах: *under wise policy* — букв. *под мудрой политикой*; *under a most effective organization* — букв. *под наиболее эффективной организацией*; *under a free government* — букв. *под свободным*

правительством [Inaugural Addresses]. Для того чтобы подчеркнуть единство правительства и народа, общность их целей и интересов, в метафорические конструкции вводится притяжательное местоимение *our* или личное местоимение *we*: *under our system* — букв. *под нашей системой*; *under our Republic* — букв. *под нашей Республикой*; *under our institutions* — букв. *под нашими институтами*; *institutions under which we live* — букв. *институты, под которыми мы живем* [Там же].

Метафора подчинения нередко репрезентирует общественно-политические явления, которые вносят определенные установки в жизнь людей. Президенты в своих речах часто ссылаются на основной закон государства, что вербально проявляется в таких словосочетаниях, как *under the Constitution* — букв. *под Конституцией*; *under this Constitution* — букв. *под этой Конституцией*; *under our National Constitution* — букв. *под нашей Национальной Конституцией* [Там же]. Таким образом, Конституция воспринимается как верховный документ, свыше определяющий нормы общественного и государственного устройства, диктующий принципы организации и деятельности государственных органов и основные права и обязанности граждан. Как некая сила, контролирующая действия людей, могут рассматриваться и иные документы, обладающие юридической силой, что просматривается в следующих примерах: *under the Nebraska-Kansas act* — букв. *под актом Небраски и Канзаса*; *under the treaty of Paris* — букв. *под парижским соглашением*; *under the will of the law* — букв. *под волей закона*; *under this covenant of justice* — букв. *под этим юридическим соглашением* [Там же].

Отдельно следует отметить случаи, когда рассматриваемый пространственный концепт используется по отношению к Богу. Особенностью инаугурационных речей является то, что выступающие нередко возносят благодарности высшим силам, просят у них покровительства и защиты. Сверхъестественные существа часто представляются обитающими на небесах, поэтому земные обитатели по отношению к Богу находятся внизу, что и обуславливает использование наречия *under* в метафорах этой группы: *under the rule of a just God* — букв. *под правлением справедливого Бога*; *under*

God — букв. *под Богом*; *under Providence* — букв. *под Провидением* [Там же].

Сложные обстоятельства также рассматриваются как некий гнет, оказывающий давление на нормальное течение жизни. Человек как бы оказывается под прессом ситуации, которая не позволяет ему действовать с обыкновенной легкостью, сковывает поведение. Характерными метафорами можно считать встречающиеся в анализируемом материале словосочетания типа *under such conditions* — букв. *под такими условиями*, *under like circumstances* — букв. *под такими обстоятельствами*, *under great and peculiar difficulty* — букв. *под значительной и специфичной трудностью*, *to be under the influence of political hostility* — букв.: *находиться под влиянием политической враждебности*, *under the pressure of more than ordinary circumstances* — букв. *под давлением более чем заурядных обстоятельств* и т. д. [Там же]. Ответственность, которую принимает на себя глава государства, в инаугурационных речах также описывается с помощью наречия *under*: *the obligations I am under* — букв. *обязанности, под которыми я нахожусь*; *under my constitutional duty* — букв. *под моей конституционной обязанностью*; *under the pledge of these promises* — букв. *под обязательством этих обещаний* [Там же]. Обязанности воспринимаются говорящими как бремя ответственности, возложенной на их плечи.

Тем не менее можно обнаружить и оригинальные образы, например в речи Джеймса Мэдисона (1809 г.): *If I do not sink under the weight of this deep conviction it is because I find some support in a consciousness of the purposes* — букв. *Я не пойду ко дну под весом этого глубокого осуждения только потому, что я осознаю суть поставленных целей* [Inaugural Addresses: 124/pres18]. В данном примере мы наблюдаем развернутую метафору, в которой идея движения вниз выражается с помощью нескольких лексических единиц — *sink*, *deep*, *under*, — что делает метафору более запоминающейся и усиливает воздействие на аудиторию.

Президент США Вильям Гарри Харрисон (1841 г.) в своем обращении произносит: *the poor sinking deeper into penury* — букв. *бедняки глубже погружаются в нищету* [Inaugural Addresses: 124/pres26]. Обратим внимание, что лексема

deep вновь встречается в сочетании с лексемой *sink*, усиливая общий негативный эффект данного фрагмента. Крайне трудное финансовое положение метафорически воспринимается как водоем, куда погружается бедняк, постепенно достигая жизненного «дна».

При упоминании проблем не случайно используются образы, связанные с глубиной: *the Nation is deeply indebted* — букв. *Нация находится глубоко в долгах*; *needs and hurts are so deep* — букв. *нужда и раны такие глубокие*; *deep, persistent poverty* — букв. *глубокая непрекращающаяся нищета*; *deep divisions among our own people* — букв. *глубокие разделения между нашими людьми* [Inaugural Addresses]. С помощью подобных метафор выражается серьезность проблем, которые имеют глубокие истоки и трудноискоренимы.

Образы, основанные на ориентации *deep/deeply*, не всегда являются отрицательным. Для англоязычной культуры характерны такие идиоматические выражения, как *at the bottom of one's heart* (*в глубине души*), *form the bottom of one's heart* (*от всей души, от всего сердца*), которые развились в следующие метафоры: *deeply moved* — букв. *глубоко тронутый*; *deeply grateful* — букв. *глубоко благодарен*; *deep regret* — букв. *глубокое сожаление*; *deep solicitude* — букв. *глубокое волнение*; *deepest prayers* — букв.: *глубочайшие молитвы*; *the desire is deep and sincere* — букв. *желание глубокое и искреннее* [Там же]. Говорящий, заявляя, что его чувства являются глубокими, метафорически выражает свою искренность, подчеркивает, что его слова исходят из глубины души. Таким образом выступающий рассчитывает получить расположение и одобрение со стороны аудитории.

В ходе проведенного исследования установлено, что ориентационные метафоры, выражающие идею нахождения внизу с помощью лексем *deep* и *deeply*, занимают второе место по численности среди выявленных примеров, их количество составляет 61 единицу.

Идея движения вниз передается с помощью следующих лексических единиц: *decline* (*спускаться вниз*), *descend* (*спускаться*), *decrease* (*снижаться*), *depression* (*спад*), *lay* (*класть, заставляя падать*), *fall* (*падать*), *downfall* (*падение*), *down* (*вниз*); идея пребывания внизу выражается по-

средством лексем *low* (низкий), *beneath* (внизу, ниже), *below* (внизу, ниже). Таким образом, метафоры, отражающие идею движения вниз или нахождения внизу, чаще выстроены на основе глаголов, прилагательных, существительных, т. е. значимых частей речи, однако в исследуемом политическом дискурсе они встречаются крайне редко. Чаще пространственная метафоризация достигается за счет использования частиц или наречий, входящих в состав фразовых глаголов. При этом в большинстве случаев ориентационные метафоры, представленные в форме фразовых глаголов, являются стертыми и, вероятно, не воспринимаются реципиентами как метафоры. Это можно объяснить тем, что изобилие ярких образных средств на лексическом уровне способно привести к излишней эмфатичности инаугурационной речи, из-за чего она может быть негативно воспринята, может показаться несерьезной или непонятной существенному числу населения.

В исследуемом материале мы обнаружили 259 метафор, выражающих идею *движения вверх* или идею *пребывания наверху*, из которых наибольшее число (130) создается за счет использования прилагательного *high* и существительного *height*. Идея нахождения вверху часто становится основой для метафорического представления правительства, так как лица или институты, обладающие властью, традиционно воспринимаются как верховные, находящиеся на более высоком уровне по сравнению с обычным народом. Так, Томас Джефферсон в своей инаугурационной речи (1801 г.) произносит: *the presence of many whom I here see remind me that in the other high authorities provided by our Constitution I shall find resources of wisdom* — букв. *присутствие многих, кого я здесь вижу, напоминает мне, что в иных высших инстанциях, установленных нашей Конституцией, я найду источники мудрости* [Inaugural Addresses]. Пример подтверждает, что учреждения государственного уровня воспринимаются как «высокие» по своей значимости. Аналогично представляются и лица, занимающие руководящие должности. Мартин Ван Бурен во время инаугурационного выступления (1837 г.) говорит: *standing as I now do before my countrymen, in this high place of honor and of trust* — букв. *находясь, как я сейчас, перед своими соотечественниками на этом высоком посту*

чести и доверия [Inaugural Addresses: 124/pres25]. Можно предположить, что словосочетание *high place* представляет собой своеобразную игру слов, при которой лексема *high* одновременно реализует свое прямое значение (трибуна оратора) и переносное (высокий пост). Однако фразовые эпитеты «*place of honor*» и «*place of trust*» подчеркивают метафоричность данного фрагмента. Достаточно часто главы государства, вступая на должность, для обозначения поста используют близкие по значению словосочетания, такие как *the highest office* — букв. *высочайший пост*, *high office* — букв. *высокий пост*, *high place* — букв. *высокое место*, *high rank* — букв. *высокое звание*, *from the height of this place* — букв. *с высоты этого места* [Inaugural Addresses], тем самым подчеркивая свою авторитетность и высокопоставленность. Чрезвычайную значимость выполняемых служебных обязанностей ораторы выражают аналогичными метафорами: *high duty* — букв. *высокие обязанности*; *highest duty* — букв. *высочайшие обязанности*; *high responsibility* — букв. *высокая ответственность*; *high course of action* — букв. *высокий курс действий* и т. д. [Там же]. Политика государства, его интересы и цели тоже метафорически представляются с помощью концепта «высокий», что выражается в ряде однотипных метафор: *national property of the highest value* — букв. *национальная собственность высочайшей ценности*; *purposes of high national importance* — букв. *цели высокой национальной важности*; *interests of high importance* — букв. *интересы высокой важности* и т. д. [Там же].

Метафоры, в состав которых входит лексическая единица *high*, используются для выражения крайне позитивного отношения к чему-либо. Это может быть либо выражение самых благоприятных чувств к объекту обсуждения (*high respect* — букв. *высокое уважение*, *high trust* — букв. *высокая вера*, *high confidence* — букв. *высокая уверенность*, *the highest honor* — букв. *высшая честь*), либо указание на высокие моральные установки (*high moral principle* — букв. *высокие моральные принципы*, *high moral tone* — букв. *высокий моральный тон*, *in the highest degree honorable* — букв. *в высочайшей степени честный*, *higher motive* — букв. *высшие мотивы*) [Там же]. С помощью той же метафоры передается

выдающееся качество отдельных предметов и явлений: *the high degree of intelligence* — букв. *высшая степень интеллекта*; *a higher degree of comfort* — букв. *высшая степень комфорта*; *the highest standards* — букв. *высочайшие стандарты*; *the highest degree of perfection* — букв. *высочайшая степень совершенства*, — так же как и экономическое процветание: *the high state of prosperity* — букв. *высшее состояние процветания*; *the highest degree of economic efficiency* — букв. *высшая степень экономической эффективности* [Там же].

Эвфемизмы, обозначающие Бога, нередко создаются при помощи лексемы *high*, что проявляется в следующих примерах: *Lord Most High* — букв. *самый высокий повелитель*; *high will* — букв. *высокая воля* [Там же]. Посредством ориентационной метафоры выражается представление человека о том, что Бог обитает на небе, т. е. вверху.

Свобода, как известно, одна из наиболее значимых ценностей в американском обществе. Были выявлены случаи, когда в инаугурационных речах свобода представляется как высшее благо для человека, например в следующем фрагменте речи Джорджа Буша (1989 г.): *democracy belongs to us all, and freedom is like a beautiful kite that can go higher and higher with the breeze* — букв. *демократия принадлежит всем нам, и свобода подобна красивому воздушному змею, который под дуновением легкого ветра способен подниматься выше и выше* [Inaugural Addresses: 124/pres63].

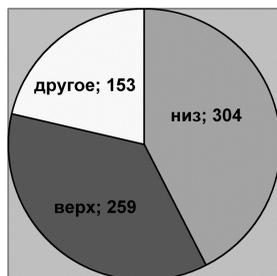
В ряде контекстов, в которых присутствуют яркие метафорические образы с идеей движения вверх, наблюдается сочетание лексемы *high* (или *height*) с глаголом *rise* (пониматься). Приведем ряд примеров развернутых ориентационных метафор. Американский президент Мартин Ван Бурен (1837 г.), подчеркивая значимую роль республиканской формы правления, произносит: *The power and influence of the Republic have arisen to a height obvious to all mankind* — букв. *Сила и влияние Республики поднялись на высоту, очевидную для всего человечества* [Inaugural Addresses: 124/pres25]. Говоря о непостоянном характере развития государства, Франклин Рузвельт в своем четвертом обращении при вступлении в должность произносит: *Sometimes we will be rising toward the heights — then all will seem to reverse*

itself and start downward — букв. Иногда мы будем подниматься на высоту, а потом покажется, что все идет в обратном направлении, и мы снова окажемся внизу [Inaugural Addresses: 124/pres52]. Идея движения вверх часто используется для представления положительных тенденций в развитии государства или жизни отдельных людей, что подтверждают метафорические словосочетания: *arising out of the present crisis* — букв. поднимаясь из настоящего кризиса; *raise substantially their standards of living* — букв. существенно поднять уровень их жизни; *to help others rise from misery* — букв. помочь другим подняться из нищеты; *rising tides of prosperity* — букв. поднимающиеся волны процветания; *raised us to the present happy state* — букв. подняло нас до нынешнего благоприятного положения [Inaugural Addresses]. Тем не менее во многих случаях метафора движения вверх используется для вербального обозначения возникающих трудностей, конфликтов, трудноразрешимых вопросов: *disputes have arisen* — букв. разногласия поднялись; *controversies that are likely to arise* — букв. споры, которые могут подняться; *a difference of opinion has arisen* — букв. разница во взглядах поднялась; *ever-rising problems* — букв. вечноподнимающиеся проблемы и т. д. [Там же]. В речи Джеймса А. Гартфилда (1881 г.) говорится о проблеме роста необразованности среди населения: *The census has already sounded the alarm in the appalling figures which mark how **dangerously high the tide of illiteracy has risen** among our voters and their children* — букв. Результаты переписи заставляют нас бить тревогу при виде ужасных цифр, свидетельствующих, на какую опасную высоту поднялась волна необразованности среди наших избирателей и их детей [Inaugural Addresses: 124/pres36]. В данном примере высота представляется в качестве негативной категории, так как рассматривается как нечто угрожающее жизни человека. Несчастья и трудности могут метафорически рассматриваться как самостоятельные явления, что заметно в следующем фрагменте речи Вильяма Ховарда Тафта (1909 г.): *I sincerely hope that we may continue to minimize **the evils likely to arise** from such immigration without unnecessary friction* — букв. Я искренне надеюсь, что мы сможем без лишних противоречий продолжить минимизиро-

вать несчастья, которые обещают подняться в результате такой иммиграции [Inaugural Addresses: 124/pres43]. В основу данных метафор легло следующее представление: когда проблема находится где-то глубоко — она незаметна, но стоит ей подняться на поверхность, как она проявляется, начинает привлекать внимание и требовать разрешения.

Наше исследование показало, что вербальная передача идеи пребывания наверху осуществляется за счет следующих лексических единиц: *up* (вверху), *above* (вверху), *over* (над), *high/height* (высокий/высота), *superior* (находящийся выше), а идея движения вверх выражается посредством таких глаголов (и их производных): *(a)rise* (подниматься), *elevate* (поднимать), *lift* (поднимать). Ориентационные метафоры, выражающие идею движения вверх и идею пребывания наверху, чаще создаются за счет активации переносных значений прилагательных, глаголов, причастий и т. д. Наречия и частицы (в самостоятельном употреблении или в составе фразовых глаголов) задействуются реже, чем при создании метафор с ориентацией «низ».

Исходя из общего количества выявленных ориентационных метафор (716), мы установили процент употребления метафор, образованных на основе концепта «низ», метафор, базирующихся на концепте «верх», и метафор, в основу которых легли иные пространственные концепты («вперед», «назад», «внутри», «наружу», «от», «к», «через» и др.). В результате мы построили диаграмму (см. диаг.).

Диаграмма. Доли ориентационных метафор, образованных на основе различных концептов
Диаграмма показывает, что большинство ориентацион-

ных метафор, представленных в инаугурационных речах американских президентов, созданы на основе концептов «верх» (36,2 %) и «низ» (42,5 %). Метафоры, базирующиеся на иных ориентационных концептах, составляют 21,3 %.

Приведем наиболее показательные примеры ориентационных метафор, входящих в третью группу. Вот один из примеров: *But to me, my fellow-citizens, **looking forward to the far-distant future** with ardent prayers and confiding hopes, this retrospect presents a ground for still deeper delight* — букв. *Во мне, мои соотечественники, взгляд в прошлое вызывает глубокий восторг, позволяя смотреть вперед, в будущее с пылкими молитвами и тайными надеждами* [Inaugural Addresses: 124/pres25], — из которого заметно, что будущее, являясь чем-то неизведанным, метафорически рассматривается как непройденный путь, а взгляд идущего устремлен вперед, на расстилающуюся перед ним дорогу. Соответственно обращение к прошлому метафорически может быть представлено как оглядывание назад, подтверждение чему находим в тексте второго инаугурационного выступления Рональда Рейгана (1985 г.): *Voices were raised saying we had to look to our past for the greatness and glory. But we, the present-day Americans, are not given **to looking backward*** — букв. *Возмущенные голоса убеждали нас искать величие и славу в нашем прошлом. Но нам, современным американцам, не дано оглядываться назад* [Inaugural Addresses: 124/pres62].

С помощью концептов «вперед» и «назад» может быть выражено направление развития государства и общества; положительная тенденция при этом рассматриваются как движение вперед, а деградация — как движение в обратном направлении. Джордж Буш младший (2005 г.) во втором обращении к населению произносит: *Americans **move forward** in every generation by reaffirming all that is good and true that came before — ideals of justice and conduct that are the same yesterday, today, and forever* — букв. *Каждое поколение американцев движется вперед, укрепляя все доброе и истинное, что было создано раньше — идеалы правосудия и нормы поведения, которые остаются неизменными вчера, сегодня и всегда* [Inaugural Addresses: 124/pres67]. Аналогичная идея развития нации неоднократно повторяется в речах Дж. Буша:

We go forward with complete confidence in the eventual triumph of freedom — букв. Мы все идем вперед с полной уверенностью в окончательном триумфе свободы [Inaugural Addresses: 124/pres67]; ***We are confident in principles that unite and lead us onward*** — букв.: Мы уверены в принципах, которые объединяют нас и ведут вперед [Inaugural Addresses: 124/pres66].

Отсутствие стремления развиваться метафорически представляется как движение по дороге, ведущей в противоположном направлении, пример чего мы находим в речи Кэлвина Кулиджа (1925 г.): *Those who disregard the rules of society are not exhibiting a superior intelligence, are not promoting freedom and independence, are not following the path of civilization, but are displaying the traits of ignorance, of servitude, of savagery, and treading **the way that leads back to the jungle*** — букв. Те, кто пренебрегают законами общества, не отличаются высоким интеллектом, не поддерживают идею свободы и независимости, не идут путем цивилизации, они проявляют свое невежество, поддерживают рабство и движутся по тропе, которая ведет назад в джунгли [Inaugural Addresses: 124/pres47].

Инаугурационное выступление Барака Обамы (2009 г.) завершается яркой метафорой, выражающей идею сохранения свободы как принципа дальнейшего позитивного развития государства и общества: *Let it be said by our children's children that when we were tested we refused to let this journey end, that **we did not turn back** nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God's grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations* — букв. Пусть дети наших детей рассказывают, что в моменты испытаний мы не позволили этому путешествию прекратиться, что мы не повернули назад и не споткнулись; уверенно глядя на горизонт и ощущая на себе Божье благословение, мы несли вперед великий дар свободы и доставили его будущим поколениям в целостности и сохранности [Inaugural Addresses: 124/pres68].

В инаугурационных речах часто звучит призыв устранить негативные явления жизни, мешающие развитию государства, что осуществляется с помощью концептов, выражаю-

щих пространственные отношения — «в сторону», «от», «из». Президент Герберт Гувер (1929 г.), говоря об экономическом развитии США, использует метафору: *The larger purpose of our economic thought should be to establish more firmly stability and security of business and employment and thereby **remove poverty still further from our borders*** — букв. Главная цель экономического развития должна заключаться в установлении более устойчивой стабильности и безопасности бизнеса, посредством чего удастся отодвинуть нищету еще дальше от наших границ [Inaugural Addresses: 124/pres48]. В данном примере бедность образно представлена как некоторый объект, который можно взять и вынести за пределы государства. В своем обращении Б. Обама (2009 г.) призывает население отказаться от инфантильности и серьезно взяться за решение проблем, что находит отражение в следующем контексте: *We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come **to set aside childish things*** — букв. Мы остаемся молодой нацией, но, как гласит Священное Писание, пришло время отложить в сторону детские забавы [Inaugural Addresses: 124/pres68]. Во второй инаугурационной речи Р. Никсона (1973 г.) содержится аналогичная по своей природе метафора: *building a new era of progress at home requires **turning away from old policies that have failed*** — букв. создавая в своей стране новую эпоху прогресса, мы должны отвернуться от старых установок, которые не привели к успеху [Inaugural Addresses: 124/pres59]. Во всех приведенных примерах ориентационные метафоры указывают на то, что явления, препятствующие развитию государства, тормозящие его укрепление, должны быть скрыты, отодвинуты на безопасное расстояние или устранены из поля зрения.

Преодоление трудностей метафорически выражается с помощью концепта «сквозь» — опасность представляется как некая преграда, которую невозможно обойти, и чтобы ее преодолеть, необходимо идти напролом: *During that period fifteen different and greatly distinguished citizens have in succession administered the executive branch of the Government. They **have conducted it through many perils**, and generally with great success* — букв. За этот период пятнадцать разных и

весьма выдающихся граждан по очереди возглавляли исполнительную власть Правительства. Они провели ее сквозь много опасностей и, в основном, делали это с большим успехом [Inaugural Addresses: 124/pres31]. С помощью рассматриваемого пространственного концепта в речи Дж. Буша-старшего (1989 г.) выражается идея развития государства: *Great nations of the world are moving toward democracy through the door to freedom. Men and women of the world move toward free markets through the door to prosperity.*— букв. *Великие нации мира движутся к демократии через дверь, ведущую к свободе. Мужчины и женщины мира движутся к свободным рынкам через дверь, ведущую к процветанию* [Inaugural Addresses: 124/pres63]. Примечательно, что дверь, через которую необходимо пройти, символизирует переход на новый уровень развития, она олицетворяет социальные изменения и экономические перемены.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что ориентационная метафора часто используется для выражения идеи движения, при этом движение *вперед* или *вверх* в большинстве примеров означает развитие, движение *назад* или *вниз* — деградацию, движение *сквозь* преграду — преодоление трудностей. В значительном количестве примеров с помощью ориентационной метафоры раскрывается идея статического пребывания *наверху* или *внизу*. Таким образом, исследование инаугурационных речей показало, что в политическом дискурсе наиболее широко представлены такие метафорические модели, как «РАЗВИТИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ», «ДЕГРАДАЦИЯ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ», «ВЛАСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА НАВЕРХ», «ПОДЧИНЕНИЕ ВЛАСТИ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ», «ВЫСОКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ», «НИЗКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СООТВЕТСТВУЕТ НИЗУ», «БУДУЩЕЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВПЕРЕД», «ПРОШЛОЕ ОРИЕНТИРОВАНО НАЗАД».

В ходе исследования было установлено, что количество свежих метафорических образов, выстроенных на основе пространственных концептов, в инаугурационных речах незначительно по сравнению с устоявшимися ориентационными метафорами, зафиксированными в словарях. Следова-

тельно, ориентационные метафоры прочно вошли в состав английского языка, активно используются говорящими и понятны для аудитории. При этом существование набора проверенных временем метафорических моделей позволяет создавать новые ориентационные образы на их основе.

ЛИТЕРАТУРА

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М. : Едиториал, 2004. — 256 с.

Inaugural Addresses of the Presidents of the United States. URL: <http://www.bartleby.com/124/>.

Moon R. Metaphor and Phrasal Verbs / Dr. Rosamund Moon // The Macmillan Phrasal Verbs Plus dictionary. 2009. Language Study 5—9.

О. А. Солопова

Челябинск, Россия

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭКСПОРТНОМ ИСПОЛНЕНИИ

АННОТАЦИЯ. *На материале текстов британско-американских СМИ анализируется гипотетический образ будущей России. Выделяются основные показатели, интересующие авторов, характеризуется степень детализации модели будущего.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *метамодель будущего; социология; тезаурус; показатель; политический прогноз; СМИ; когнитивно-дискурсивное прогнозирование.*

O.A. Solopova

Chelyabinsk, Russia

FUTURE OF RUSSIA IN EXPORT PRESENTATION

ABSTRACT. *On the basis of the texts of British and American Mass Media hypothetical image of Russia in future is analyzed. Significant elements, that the authors are interested in, are singled out, these elements characterize the degree of detailing of the model of future.*

KEY WORDS: *metamodel of future; sociology; thesaurus; element; political forecast; Mass Media; cognitive-discursive forecasting.*

Решение проблемы воздействия на будущее, стремление найти и понять движущие силы грядущего, научиться ими разумно распоряжаться и предвидеть результаты предпринимаемых действий — непреременная составляющая политического дискурса. Политические тексты в частности и средства массовой коммуникации в целом действуют в сознании человека как первопричина, наделяющая действительность своими свойствами.

В фокусе внимания настоящей статьи — образ будущего России сквозь призму модели статической матрицы в рамках

когнитивно-дискурсивного прогнозирования. Материал исследования был получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов СМИ Великобритании и США и составил более 2400 контекстов. Источниковая база представлена англоязычной прессой за период с января 2000 г. по май 2011 г. включительно. В ходе работы были использованы как печатные, так и электронные публикации следующих изданий: «London Evening Standard», «The Global Politician», «The New York Sun», «Foreign Affairs», «Harvard international review», «The Sun», «The Independent», «The American», «The American Conservative», «The Wall Street Journal», «The Washington Post», «The Time», «The American Spectator», «The Guardian», «The Heritage Foundation», «The National Review», «The Times» и др. Данная статья посвящена одному базовому параметру модели — «Внутренняя политика».

В качестве метамодели исследования предлагается матрица — «методология прогнозирования и ретроспективных моделей» [Мэтьюз 2003: 65], которая охватывает динамику различных параметров социально-политической системы. Сообразно цели и задачам исследования, а также в соответствии с данными, полученными в ходе анализа корпуса текстов, содержащих поисковый прогноз, остановимся на отраженных в рисунке показателях метамодели (рис. 1).

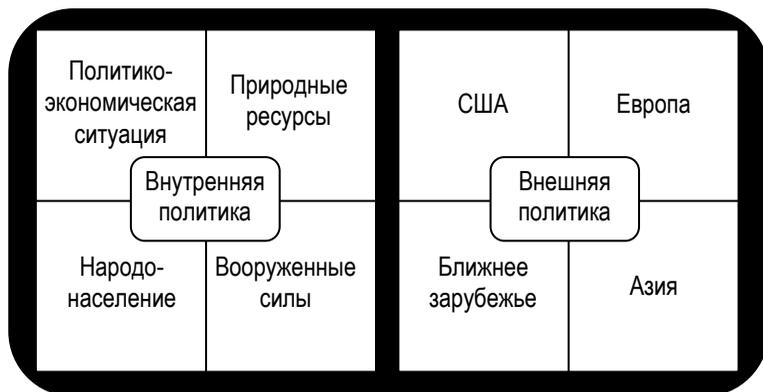

Рис. 1
Когнитивно-дискурсивная метамодель будущего

Поскольку когнитивно-дискурсивное прогнозирование исследует образ будущего в преломлении *политического текста* СМИ, основными параметрами, от которых зависит грядущий день политического мира, выступают *внутренняя и внешняя политика*. Базовые параметры *внутренняя и внешняя политика* в свою очередь могут быть разбиты на подмножества (факторы, наиболее активно востребованные в текстах СМИ при обращении к образу будущего).

Параметр «внутренняя политика» включает в себя следующие подпараметры:

- политико-экономическую ситуацию — индикатум, объединяющий в себе экономический и внутривнутриполитический аспекты;
- народонаселение — индикатум, включающий демографический, территориальный и социально-культурный факторы;
- природные ресурсы, а именно топливно-энергетическую и материально-сырьевую составляющие научно-технического аспекта;
- вооруженные силы — подпараметр, выделенный на основании регулярного обращения к нему авторов поисковых прогнозов при создании вероятного будущего России.

Параметр «внешняя политика» также разбит на несколько частных подмножеств:

- отношения с США;
- отношения со странами Европы;
- отношения со странами ближнего зарубежья;
- отношения со странами Азии [Солопова 2011: 174].

Для детальной интерпретации когнитивно-дискурсивной модели будущего, сконструированной на основе материала выбранного для анализа хронологического среза, составим предмодельный сценарий, предназначенный для содержательного исследования и описания прогнозируемых процессов. Сценарий как инструмент познания является актуальным и востребованным в прогностике и когнитивной лингвистике. В прогностике к сценарному методу прибегают в том случае, когда «прогноз невозможно или нецелесообразно выполнять статистическими методами или с использованием специаль-

ных экономико-математических моделей» [МРЭП 2007: 153]. В когнитивной лингвистике под сценариями понимаются структуры сознания, описывающие стереотипные сцены событий — «концептуальные структуры для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [Баранов 2001: 18]. Кроме того, сценарное представление будущих событий — характерная черта аналитических статей, являющихся материалом настоящего исследования. Сценарий содержит общие предварительные соображения о возможном состоянии объекта исследования в будущем с учетом данных прогнозного фона, в нашем случае — отобранных базовых параметров. Поскольку будущее всегда разнопланово, каждая частная модель «будущего России», представляющая собой сферу-мишень, не является однополюсной: вариантов развития событий — сценарных фреймов — может быть несколько. Вышеуказанные параметры модели выступают слотами сценарных фреймов.

Описание частной когнитивно-дискурсивной модели будущего, созданной для определенного хронологического среза в рамках той или иной лингвокультуры, включает следующие моменты:

- статистическая обработка образных и иных стилистических средств, нацеленных на создание модели грядущего, зафиксированных в политических текстах указанного хронологического среза, их систематизация;
- установление соотношения параметров «внутренняя» и «внешняя политика»; выделение самых частотных подмножеств в рамках указанных параметров — факторов, наиболее востребованных в политических текстах при апелляции к образу будущего;
- установление доминантных концептов, образных и иных стилистических средств, задействованных в конструировании модели грядущего;
- дискурсивная характеристика модели по следующим параметрам: концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, их взаимосвязь с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами, интенциями субъектов коммуникации и

др.;

- характеристика прагматического потенциала когнитивно-дискурсивной модели — способности продуцировать образы «темного» и «светлого» будущего.

Примечательно, что при моделировании будущего России в политических текстах британо-американских СМИ последнего десятилетия более востребованными являются параметры «внутренней политики», чем «внешней политики» (53,5 и 46,5 % соответственно).

Внутренняя и внешняя политика решают одну задачу — сохранение и упрочение существующей в государстве системы общественных отношений в будущем. Об этом свидетельствует незначительность доминирования (7 %) параметров «внутренней политики» над «внешней». Тем не менее полученные данные подтверждают, что внешняя политика, по мнению СМИ, является отображением и продолжением внутренних общественных отношений, т. е. внешнеполитический курс любого государства определяется главным образом характером его внутренней политики.

При создании модели вероятного будущего России параметр «Внутренняя политика» насчитывает 1302 единицы, что составляет 53,5 % от общего корпуса проанализированных текстов (рис. 2).

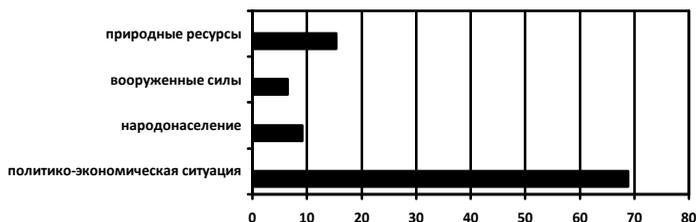

Рис. 2 Соотношение параметров внутренней политики

Среди подмножеств, составляющих указанный параметр, наиболее востребованным является «Политико-экономическая ситуация» (68,9 %). Наряду с данным подмножеством, на передний план в качестве главных факторов,

влияющих на формирование модели будущего страны, выдвигаются природные ресурсы (15,4%), демографический фактор (9,2%), военная мощь (6,5%)

Рассмотрим подпараметр «**Политико-экономическая ситуация**» (898 контекстов). Согласно СМИ, демократическая трансформация не доведена до конца; политическая инфраструктура и политическая культура очень слабы; политическая элита и бюрократия на всех уровнях контролирует политические процессы; коррупция и организованная преступность остаются существенными факторами в будущем России: *None of these changes affect the real challenges facing Russia that are crime, ideological disorientation, and demographic collapse. These problems are symptoms of a deep spiritual malaise* / Ни одно изменение не затрагивает реальных проблем, стоящих перед Россией — преступности, идеологической дезориентации и демографического кризиса. Эти проблемы — симптомы глубокого духовного недуга (The National Review. 30.04.02).

Для моделирования параметра «Политико-экономическая ситуация» в России будущего типичны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. По мнению журналистов британо-американских СМИ, причину «духовного недуга» нашей страны следует искать в ее прошлом. СМИ прогнозируют очередной виток возврата России назад: *The current Moscow power establishment is leading Russia back in time* / *Нынешняя московская власть возвращает страну назад во времени* (The Heritage Foundation. 14.01.2009). *But the country is still backward* / *Но страна все еще движется в обратном направлении* (The American Conservative. 16.06.2008). *The old Soviet Union, however, is long gone and Russia, despite its recent oil-and-gas driven revival, represents the past* / *Старого Советского Союза давно нет, а Россия, несмотря на недавнее нефтегазовое воскрешение, представляет собой прошлое* (The American Spectator. 12.14.06). Темпоральный схематизм в рамках моделирования рассматриваемого параметра обусловлен компрессией прошлого; ретроспективный взгляд, как правило, обращен к советской эпохе или монархии: *What Europe and the United*

*States now face is a revanchist Russian Federation, dysfunctional but flush with petro-dollars, that currently exhibits a **volatile admixture of neo-czarist imperial ambition and Soviet-era rhetoric and tactics** / Сейчас перед Европой и США — реваншистская Российская Федерация с качественной дисфункцией системы, наводненная нефtedолларами, которая в настоящий момент являет собой **неуловимую смесь неоцарской имперской амбиции с риторикой и тактикой советской эпохи** (The American Spectator. 15.06.2007).*

Наследие советского прошлого неумолимо преследует Россию на страницах американско-британской прессы: *Future Soviet Union* (The New York Sun. 13.08.2008); *A Socialist Totalitarian Monster* (The American Spectator. 25.11.2009); *The Evil Empire* (The American Conservative. 16.06.2008). В рамках метафоры пути Россия, как всегда, оказывается на перепутье: ***Russia is now at a crossroads: Either the Soviet Union will be restored or modernization will be re-attempted, but on a completely different basis. It will not be possible to restore the U.S.S.R. gently and gradually / Россия теперь на перекрестке: либо Советский Союз будет восстановлен, либо будет повторно предпринята попытка модернизации, на совершенно другой основе. Восстановить СССР постепенно и в умеренном темпе будет невозможно*** (The Times. 28.12.2004).

Монархическая метафора актуализируется при создании образов российских политических лидеров: *Russian Tsar* (The American Spectator. 29.08.2008); «*Vladimir the Lucky*» (The Heritage Foundation. 15.09.2006); *No Peter the Great* (National Review. 20.09.2004); *Rat King in The Nutcracker* (The Time. 30.12.2004); *The Gas Czar* (The American Spectator. 17.03.2008); *The New Tsar, same as the Old Tsar* (The American Spectator. 10.02.2010). Как видно, образ монарха многогранен, варьируется от русского императора до Мышиного короля из сказки Э. Гофмана и даже голого короля из произведений Г.-Х. Андерсена и Е. Шварца: ***Putin is leading Russia into a dead end. If Europe sees through his bluster, he will be revealed as a bully and a would-be emperor who is more naked than he realizes*** / Путин ведет Россию в тупик. Если Европа взгля-

нет сквозь его позерство, она увидит задиру и несостоявшегося императора. И этот король гораздо более гол, чем он думает (NY Times. 05.09.2008).

Следует отметить, что персонализированным символом новой, будущей России до сих пор остается В. Путин: *So keep your eye on little "Putkin" for the next several years — whether in or out of office. He's chairman of the board and CEO for life, and he'll be around running Russia, Inc. for a very long while* / Так приглядывайте за маленьким „Путкиным“ в течение следующих нескольких лет, независимо от того, сложит он с себя полномочия или останется у власти. Он — **председатель правления и генеральный директор Russia, Inc. по жизни, и он будет управлять этой корпорацией очень долгое время** (The American Spectator. 30.08.2007).

- Использование метафорических моделей с отрицательным концептуальным вектором. Наиболее востребованной является морбиальная метафорика, диагностирующая рецидив одного из многочисленных заболеваний станы, и как следствие, смерть пациента: *The erosion of a nation can easily proceed hand-in-hand with the cancerous bloat of its government: just look at the suffocation of Russia under the dead hand of the Soviet state* / **Эрозия нации может легко возобновиться вместе со злокачественной опухолью ее правительства: взгляните, как извивается задыхающаяся Россия в безжизненных руках советского государства** (The American Conservative. 02.06.2003). *With growing poverty, unemployment and inflation in their future, Russia's regions had little reason to stay with the dying empire* / В будущем растущая бедность, безработица и инфляция в регионах России были не слишком весомым поводом для того, чтобы остаться вместе с **умирающей империей** (The National Review. 20.04.2007).

Не менее актуальны зооморфные метафорические наименования с отрицательной коннотацией: *So it seems likely that the Russian bear will continue awakening, snarling, and growling in Western papers for the foreseeable future. If the Kremlin really wants to improve its image abroad, perhaps a better strategy would be to change its politics* / **Вероятно, в обозримом будущем в западных газетах русский медведь**

продолжит пробуждаться, реветь и рычать. Если Кремль действительно захочет улучшить свой имидж за рубежом, лучшая стратегия, наверное, состоит в изменении своей политики (The American. 19.03.2007).

- Востребованность исторических концептуальных метафор — эксплицитного или имплицитного сравнения прошлого и будущего, базирующегося на прецедентных именах и ситуациях. Исторические метафоры не только «придают нужную форму событию настоящего и прошлого» [Paris 2002: 426], но также влияют на формирование и формулировку долгосрочных целей общества, т. е. на будущее страны.

В британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза будущее России видится сквозь призму холодной войны, часто ассоциируется с фашистской Германией: *If one extrapolates Russia's development during the last eight years into the future, we will not only witness a **second Cold War**. The Russian Federation might become **something like a new apartheid state**. Some observers do, in this connection, not hesitate to speak of a "**Weimar Russia**" comparing post-Soviet conditions to those in **inter-war Germany** / Если экстраполировать развитие России в течение последних восьми лет в будущее, мы не только станем очевидцами второй холодной войны. РФ может стать похожей на новое „апартеидное“ государство. В связи с этим некоторые журналисты без колебания говорят о „Веймарской России“, сравнивая постсоветские условия с Германией, с периодом между двумя мировыми войнами* (Global Politician. 06.03.2008). *They (Russians) are too immersed in the weaving of their narrative that foretells the transformation of **Weimar Russia** into a nuclear-armed ideological competitor with the West / Они (русские) слишком увлечены хитросплетением собственного повествования, которое предсказывает преобразование Веймарской России в ядерного идеологического соперника Запада* (The American Conservative. 06.10.2008).

Журналисты отбирают среди фактов и явлений прошлого те, которые, по их мнению, служат некоей моделью, образом фактов и событий грядущего, индуцируя негативные ас-

социации и логические связи. Видимо, поэтому частотными также являются параллели с 90-ми гг.: *Following his (Putin's) example, other siloviki took their money and themselves to nations which combined warm climates with the absence of extradition laws. The regime's second-string authoritarians — men very similar to the no-hopers who had attempted the 1991 Soviet coup — had no idea of how to cope with Russia's proliferating problem / Последовав примеру Путина, остальные силовики, собрав в кучку себя и собственные деньги, эмигрировали в страны с теплым климатом и отсутствием законов об экстрадиции. Управленцы второго эшелона — очень похожие на безнадег, предпринявших попытку государственного переворота в 1991 — понятия не имели о том, как справиться с растущими проблемами России* (The National Review/ 20.04.2007).

Исторические личности, с которыми британо-американские СМИ ассоциируют будущее России — И. Сталин, А. Гитлер, Иван Грозный, Петр I, Ю. Андропов, Б. Ельцин: *Russia has now had 50 years to recover from Stalinism but the consequences of the massive Stalinist effort to create reality by force set the stage for a downward spiral that threatens Russia's future. As Stalin's popularity grows, there is a possibility that he will join the pantheon of Russian national heroes that includes Peter the Great and, to a degree, Ivan the Terrible. If this happens, the evil that Stalin exemplified will be treated as a legitimate part of the Russian national tradition / У России было 50 лет, чтобы оправиться от сталинизма. Но последствия попытки Сталина с помощью силы создать нужную реальность подготовили почву для развития (страны) по нисходящей спирали, что угрожает будущему России. Поскольку популярность Сталина растет, существует вероятность того, что он присоединится к пантеону российских национальных героев, который включает Петра Великого и, в определенной степени, Ивана Грозного. Если это случится, зло, которое олицетворяет Сталин, будет рассматриваться как законная часть российской национальной традиции* (The National Review. 14.03.2003).

- Выбор видовременных форм глагола. Помимо использо-

вания группы будущих и ряда настоящих времен, типичных для описания будущего события в английском языке, в анализируемом корпусе текстов зафиксированы прогнозы, нацеленные на определение того, что произойдет с Россией в будущем, которые составлены с использованием группы прошедших видовременных форм английского языка: *Moscow's paralysis **was** due in part to the slow-motion collapse of the Putin regime* (Past Simple); *Former president Putin **was** still **fighting** to stay in Brazil* (Past Continuous); *Russia **had gone** from weakness to impotence* (Past Perfect); *Chinese workers **had been migrating** to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years* (Past Perfect Continuous). Выбор прошедших времен для описания будущих событий выполняет прагматическую функцию, работая на создание образа предсказуемого, предрешенного «ужасного будущего», описывая его атрибуты в ультимативной форме.

- Немногочисленность употребления лексем со значением «роста, развития», работающих на создание образа «светлого» будущего: *Russia can still continue to grow, albeit at a slower rate, even if oil prices fall. The Russian economy is rich in natural resources and human capital. Foreign debt is low, reserves are high, and Russia can bridge whatever deficits arise by borrowing abroad at low rates / Россия все еще может продолжать развиваться, хотя и более медленными темпами, даже если цены на нефть упадут. Российская экономика богата природными ресурсами и человеческим капиталом. Внешний долг небольшой, резервы велики, и Россия может справиться с любым затруднением, с любым дефицитом за счет займов за рубежом по низким ставкам* (NY Times. 25.03.2004). Лекарство, способствующее возрождению России и ее переходу на путь к «светлому» будущему, связано с экономическим ростом и развитием: *The key to Russia's future security is in the rapid development of the country's economy and its integration into the trade and investment order of Europe, the United States and other open societies. As the Russian economy continues to grow, it will help provide Russia with the resources to finance the social and security needs of its people / Ключ к будущей безопасности*

России — быстрое развитие экономики страны и ее интеграция в торговый и инвестиционный рынок Европы, США и других открытых обществ. Если российская экономика продолжит расти, это поможет обеспечить Россию ресурсами для финансирования социальных потребностей в безопасности ее народа (NY Times. 26.12.2001).

Охарактеризуем подпараметр «**Народонаселение**» (180 контекстов). СМИ отмечают существенные демографические проблемы: продолжительность жизни ниже восполняемого уровня, неуклонная убыль населения, миграционное нашествие, представляющее одну из основных угроз для внутренней стабильности, национальной безопасности и территориальной целостности страны. Например: ***Russia is sliding into a demographic abyss, compromising its long-term economic, health, development and security prospects, according a recent report from the National Bureau of Asian Research (NBR) / Россия катится в демографическую пропасть, подвергая серьезной опасности свое будущее в сферах экономики, здравоохранения, эволюционного развития и безопасности — к такому выводу пришли в своем недавнем отчете специалисты из Национального бюро азиатских исследований США (The Washington Times. 29.11.2004).***

В британо-американском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза для моделирования параметра «народонаселение» характерны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. Будущее, как правило, маркировано определенными временными рамками: ***By 2020 Russia's population had fallen below 100 million and was still heading downwards... Chinese workers had been migrating to the thinly populated Russian areas of Siberia and the southeast for the previous 30 years "to do the work that Russians won't do." There may have been as few as ten million ethnic Russians between the Urals and the Pacific by 2015... By 2020 much of the region was Russian in name only. Russia had gone from weakness to impotence / К 2020 году население России снизилось до отметки менее 100 миллионов и продолжало снижаться.... В течение предшествующих 30 лет китайские рабочие мигрировали в***

малонаселенные области Сибири и на юго-восток, „чтобы сделать работу, которую русские делать не станут“. К 2015 году на территории между Уралом и Тихим океаном этнических русских могло насчитываться лишь десять миллионов... К 2020 году большая часть региона лишь номинально была российской. Слабая Россия стала бессильной (The National Review. 20.04.2007). Конкретные временные рамки, заданные авторами аналитических статей, акцентируют фатальность и неизбежность прогнозируемых процессов.

- Приведение статистических показателей, характеризующих состояние населения и его воспроизводство со ссылками как на зарубежные, так и на российские источники: **According to U.N. projections, Russia's population will plummet from 146 million in 2000 to 104 million in 2050. Russia will go from being the 6th-most-populous country in the world to being the 17th / Согласно прогнозам ООН, население России резко снизится с 146 миллионов в 2000 до 104 миллионов в 2050. Среди самых населенных стран Россия с шестого места спустится на семнадцатое** (The Spectator. 28.04.2005). **Russia is a poor country with a rapidly aging population and a bleak future. Russian experts project that over the next 15 years, Russia's working-age population could collapse by 14 percent to 25 percent / Россия — бедная страна с быстро стареющим населением и безрадостным будущим. По прогнозам российских экспертов, в течение следующих 15 лет доля работоспособного населения России может снизиться с 14 до 25 %** (The American Observer. 12.03.2008).

- Частые повторы и варьирование лексем со значением «уменьшения» населения: *to fall, to decline, to rapidly age, to collapse, to plummet, to rapidly decrease, decline, demographic abyss, demographic disaster, mourning Mother Russia* и др., — создающих стойкую картину автоматизированной приемлемости информации.

- Востребованность метафорических единиц с ярко выраженным отрицательным концептуальным вектором. Вновь среди самых продуктивных моделей выступает морбиальная метафора: *Most of us are grateful for the fall of communism, but*

*the phrase “epidemic of collapse” is not a bad description of what Russian society is suffering through right now. **You can measure that collapse most broadly in the country’s phenomenal population decline** / Большинство из нас благодарно падению коммунизма, но „эпидемия коллапса“ является достаточно точным описанием того, что происходит сейчас в российском обществе. **Наиболее сильно состояние коллапса иллюстрирует феноменальное снижение народонаселения страны** (The Spectator. 28.04.2005). *Russia, we are told, is on the march, seeking to reconstitute its lost empire. Never mind that the Russians first need to reconstitute their lost population — **their birthrate is decreasing so rapidly that they’ll soon be placed on the endangered species list** / Нам говорят, Россия — на полном ходу, она стремится воссоздать потерянную империю. Неважно, что русским сначала нужно воспроизвести свое потерянное население — **коэффициент рождаемости уменьшается настолько быстро, что скоро русские будут занесены в список вымирающих видов** (The American Conservative. 06.10.2008). Зооморфная метафорика, часто в соединении с метафорой болезни, также активно участвует в формировании картины пессимистического будущего страны: **Russia is the canary in the coal mine of below replacement fertility demography** / Россия — канарейка в угольной шахте, страна, где уровень рождаемости населения ниже уровня смертности (The American Spectator. 10.11.2009). Жизнь канарейки в угольной шахте коротка: в прошлом угольные шахты не были оснащены системами вентиляции, поэтому шахтеры при разработке новых угольных пластов обычно приносили канарейку в клетке. Канарейки чувствительны к метану и угарному газу, пока канарейка продолжала петь, шахтеры были уверены в собственной безопасности. Мертвая канарейка была сигналом к эвакуации.**

• Цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации. Авторы некоторых аналитических статей ссылаются на еще не созданные тексты: *As Oxford’s Regius Professor of History, Pavel Stroylov, has written in his classic The Fall of the Russian Republic: “In Russia itself, the successful separation of the Far East pro-*

*voked a chain reaction. Within a year, another half a dozen independent republics were proclaimed in Siberia. Russia's de facto Eastern border was now at the Ural Mountains. Once the siloviki fled Russia entirely, the task of defending its territorial integrity was inherited by colonels. In early 2023 they withdrew the most loyal forces from North Caucasus and stationed them along the Volga River. That left the small Muslim republics in Caucasus to their own fate.” / Как написал Павел Стротилов, профессор истории Оксфорда, в классическом произведении „Падение Российской Республики“: „**В самой России успешное отделение Дальнего Востока спровоцировало цепную реакцию. В течение года в Сибири были провозглашены несколько независимых республик. Фактически теперь восточная граница России проходила по Уральским горам. Когда все силовики уехали из России, защита территориальной целостности стала задачей военных. В начале 2023 года они вывели свои самые преданные силы с Северного Кавказа и разместили их на Волге, предоставив мелкие кавказские мусульманские республики их собственной судьбе**“. История многих цивилизаций учит: за депопуляцией страны рано или поздно следует ее территориальный распад [см. Фальцман 2005: 134]. СМИ предрекают появление новых многочисленных общественно-политических формаций на бывшей территории Российского государства: *Russia itself is not very different, with some two dozen democracies, kleptocracies, and outright tyrannies / В России наблюдается похожая ситуация: десятка два демократий, клептократий и откровенных тираний* (The National Review. 20.04.2007).*

По мнению зарубежных журналистов, демографические тенденции современной России неблагоприятно влияют на позиционирование страны как динамично развивающейся, страны, у которой есть будущее.

Следующий компонент — «**Вооруженные силы**» (84 контекста). Сценарное представление будущего в рамках данного параметра связано с предыдущим — демографический кризис, переживаемый Россией, отражается на военном потенциале: *Russia's low birth rate means that its army proba-*

bly will be weak for years to come / Низкий уровень рождаемости в России говорит о том, что ее армия, вероятнее всего, будет слаба в течение долгих лет (The American Conservative. 27.08.2007). Отмечается нарастание технической отсталости в сфере вооруженных сил: **Arms industries can't grow like magic beanstalks. Even if Russia and China wanted to acquire arsenals to match ours, they'd have to buy them from us / Военная промышленность не растет как волшебные бобы. Даже если бы Россия и Китай хотели обзавестись запасами вооружений, соответствующими нашим, им пришлось бы купить их у нас** (The American Conservative. 26.01.2009).

Для моделирования параметра «вооруженные силы» в России будущего типичны следующие черты.

- Темпоральный схематизм. Во-первых, «настоящее» всегда привязано к определенному событию, которым чаще всего является Парад Победы на Красной площади; во-вторых, характерна «сжатая ретроспекция» — имперские амбиции России, унаследованные от советской и царской эпох: **Russia is telling Britain and the West that she is no longer the broken state she was 15 years ago. They see they have a window of opportunity while America and Britain are locked into wars in Iraq and Afghanistan. But I see this not really as a sign of strength, but of weakness. Russia sees herself surrounded by former enemies and is suffering from paranoia. Their armed forces, though Putin is spending money on them, are in a very sorry state / Россия говорит Великобритании и Западу, что она более не является ослабленным государством, которым была 15 лет назад. Она полагает, что пока Америка и Великобритания „заперты“ в войнах в Ираке и в Афганистане, ей предоставляется удобный момент. На мой взгляд, это скорее признак слабости, чем силы. Россия считает, что она окружена прежними врагами, и страдает от паранойи. Ее вооруженные силы, хотя Путин и тратит на них деньги, находятся в очень жалком состоянии** (London Evening Standard. 11.05.2007). **The parade is a signal to the world and to the Russian people that the armed forces matter again. Strategically, the display of newly-built weapon systems is intended to show that the Russian military is resurging with mod-**

ern arms. **This is a hallmark of Putin's new Russia and a revival of the Soviet and czarist tradition of showing off the country's military prowess / Этом парад — сигнал миру и русским людям о том, что вооруженные силы вновь имеют значение. Стратегически демонстрация нового оружия нацелена на то, чтобы показать: российские вооруженные силы возрождаются и имеют современное оружие. Это символ новой путинской России, возрождение советской и царской традиции — выставлять напоказ свое военное искусство** (The Heritage Foundation. 11.02.2008).

- Апелляции к прецедентным событиям: *Today's Russian armed forces are facing their deepest crisis since **the fiascos of the Russo-Japanese War and World War I. Both of these earlier defeats led to revolutions and the eventual collapse of the Romanov empire** / Нынешние российские вооруженные силы в таком глубочайшем кризисе, какого не было со времен неудач в Русско-японской войне и в Первой мировой. Оба поражения привели к революциям и, в конечном итоге, — к развалу империи Романовых* (The Gardian. 12.12.2006). Отталкиваясь от настоящего положения дел и проводя аналогии с прошлым, СМИ прогнозируют будущее развитие событий — крах государства.

- Сравнения, помогающие представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту: ***America spends several times as much as Russia on defense, possesses a superior nuclear force and vastly better conventional military, and enjoys a GDP a dozen times that of Russia. The Europeans have an even greater economic advantage and also outspend Moscow militarily. The Russian Humpty Dumpty has fallen off of the wall and Moscow can't put it back together without spending money it doesn't have** / Америка тратит в несколько раз больше, чем Россия, на оборону, обладает более совершенным ядерным оружием, ее традиционные вооруженные силы значительно лучше, а ВВП в десятки раз превосходит российский. Европейцы обладают еще большим экономическим преимуще-*

ством и превосходят Москву в военном отношении. Русский Шалтай-Болтай упал со стены, и Москва не сможет поднять его, не потратив денег, которых у нее нет (The American Spectator. 02.04.2009).

- Востребованность зооморфной метафоры, которая, с одной стороны, вызывает негативные ассоциации, с другой — несет в себе позитивный концептуальный заряд: **THE BEAR SHARPENS ITS TEETH. Moscow: The graying bear is getting a make-over. Russia's military is launching its biggest rearmament effort since Soviet times, including a \$650 billion program to procure 1,000 new helicopters, 600 combat planes, 100 warships, and 8 nuclear-powered ballistic missile submarines / МЕДВЕДЬ ТОЧИТ ЗУБЫ. Москва: Стареющий медведь готовится к перевоплощению. Россия начинает самое масштабное перевооружение армии с советских времен стоимостью 650 миллиардов долларов, на которые будет закуплено тысяча вертолетов, 600 боевых самолетов, 100 военных кораблей и 8 ядерных подлодок** (Christian Science Monitor. 28.02.2011).

Стержневым элементом военного планирования в будущем остается возможность использования стратегических ядерных сил. Но даже наличие ядерных вооружений не позволит России восстановить статус «Великой державы»: **The Russian army relied on Muslims for 50 percent of its conscripts... Russia's armed forces were showing in the Caucasus that they lacked equipment and morale. Almost the only weapon that the Kremlin had in this crisis was its nuclear armory. But how could it be used? High oil prices had been the more important of the two factors sustaining Russia's claim to be a great power. The other was its Soviet-era nuclear armoury / Российская армия на 50 % от общего числа призывников состояла из мусульман... Вооруженные силы России демонстрировали на Кавказе нехватку боевого духа и техники. Практически единственным оружием Кремля в этом кризисе был его ядерный арсенал. Но разве он мог им воспользоваться? Высокие цены на нефть оставались наиболее важным из двух факторов в претензиях России на роль Великой державы. Вторым фактором был ядерный арсенал, унаследованный ею от советской**

эпоху (The National Review. 20.04.2007).

Подпараметр «**Природные ресурсы**» (140 контекстов). Согласно СМИ, Россия зависит от добывающих отраслей промышленности, т. е. от цены на нефть, и является «центром силы» прежде всего за счет энергетического фактора: **Russia aims to become a major energy supplier and provider of raw materials to countries of the Asia-Pacific region, including China, Japan, South Korea, and the United States. Such a goal, if accomplished, will greatly enhance Russian leverage in the Pacific Rim / Россия стремится стать основным поставщиком энергии и сырья** в странах Азиатско-тихоокеанского региона, включая Китай, Японию, Южную Корею и Соединенные Штаты. **Если цель будет достигнута, это расширит зону влияния России в Тихоокеанском регионе** (The Heritage Foundation. 30.01.2009).

В политическом дискурсе британо-американских СМИ для моделирования параметра «Природные ресурсы» в рамках рассматриваемого хронологического среза характерны следующие черты.

- Употребление метафорических единиц с положительным концептуальным вектором:

- движение вверх, возрождение: **Fueled by energy revenues, Russia's resurgence in international affairs will continue / Заправившись доходами от продажи энергоресурсов, Россия вновь выплывет на поверхность международных отношений** (The American Conservative. 24.03.2008);

- восстановление, выздоровление: **Russia's economic recovery centers around high oil prices, rather than market-oriented reforms / Восстановление экономики России сосредоточено вокруг высоких цен на нефть, оно не ориентировано на рыночные реформы** (The American Spectator. 14.12.2006).

- метафора игры в виде «возвращение в игру», «готовность к игре»: **Russia, awash in oil and gas revenues, is back in the game in both Europe and Eurasia, ready to flex its muscles / Россия, наводненная доходами от продажи нефти и газа, вновь в игре как в Европе, так и в Евразии, она готова поиграть мускулами** (The American.

27.08.2007).

- Использование модальных глаголов со значением возможности, вероятности действия в настоящем и будущем: *Russia **might** regain its old position as a superpower on the basis of its oil and natural gas holdings alone. Russia **may** emerge as a superpower / Являясь собственницей нефти и природного газа, Россия **может** вернуть свой прежний статус супердержавы. **Может быть**, Россия появится в качестве супердержавы* (The American Spectator. 06.07.2007). *When it comes to energy, Russia **can** do what it wants, when it wants / Когда доходит дело до энергоресурсов, Россия **может** позволить себе делать что захочет и когда захочет* (The American. 01.03.2006). Однако всякие попытки преодолеть зависимость от внешнего воздействия, позиционировать себя в качестве энергетической державы встречают противодействие Запада. СМИ недвусмысленно намекают, что топливно-энергетические ресурсы страны исчерпаемы и невозобновимы. Акцентирует это положение следующая черта, характерная для рассматриваемого параметра.

- Употребление прошедших видовременных форм глагола при моделировании развития событий в будущем: *Moscow's revenue from oil prices **was falling** by a larger percentage every year. Neither private investors nor international agencies **were willing** to plug the gaps in the Kremlin's finances... Marginal fields **closed down** and exploration **was curtailed** / Доход Москвы от продажи нефти с каждым годом **уменьшался**. Ни частные, ни международные инвесторы **не желали** латать дыры в кремлевских финансах... Месторождения с ограниченными запасами нефти **были закрыты**. Работы по обнаружению новых месторождений **сокращены*** (The Sun. 23.04.2007).

Раскрывая основную тональность описания России и ее вероятного будущего американской и идеологически близкой к ней британской прессы, следует отметить, что в центре внимания оказываются внутривосточные проблемы — «внутренняя политика», как один из базовых параметров когнитивно-дискурсивной матрицы (2000—2011). Будущее представлено двумя вариантами развития событий (рис. 3). «Темное будущее»: Россия — малоэффективное, глубоко

коррупцированное и недемократическое государство с неуклонной убылью населения, отказавшееся от модернизации своей экономики, целенаправленно превращающее себя в «энергетическую супердержаву», которой ей не быть вечно. «Светлое будущее»: Россия — богатая энергоресурсами страна с выздоравливающей экономикой, способная возродить вооруженные силы и вновь стать сверхдержавой. Заданные в каждом конкретном тексте концептуальные рамки обуславливают способы интерпретации событий.

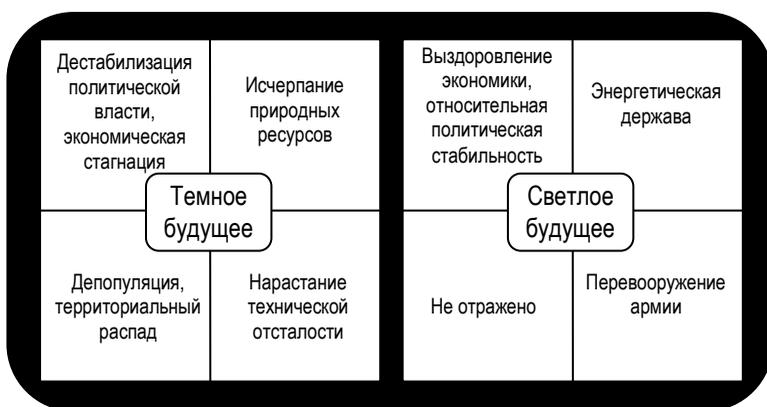

Рис.3.

Когнитивно-дискурсивная модель будущего
(параметр «Внутренняя политика»)

Проведенное исследование показало, что в политическом дискурсе британо-американских СМИ рассматриваемого хронологического среза доминирует образ «ужасного будущего» (95 % проанализированных концептов). Политическому дискурсу по природе свойственны апокалиптические настроения: будущее «представляется в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания не допускает иного варианта развития событий» [Руженцева 2004: 137]. В представлении «ужасного будущего» звучат апокалиптические нотки конца пути, а вместе с ним — жизни общественно-политического строя и страны в целом, что связано с желанием уменьшить

степень влияния политического соперника, сформировать негативное отношение к событиям и явлениям социальной и политической жизни страны. Моделирование «светлого будущего» носит преимущественно окказиональный характер (65 контекстов, что составляет 5 % от корпуса проанализированных текстов).

Оценочная рамка модели будущего формируется богатым арсеналом языковых средств. Центром оценочной стороны образа будущего выступают средства, направленные на оценку будущих результатов действий, изменений в состоянии. В качестве способа аргументации своей оценки авторы используют построение прогноза, версии, демонстрирующей возможные последствия изменений, характер их возможного влияния на будущее положение дел. Все оценки группируются вокруг этого центра, «работают» на его семантику. Ядром оценочного аспекта является концептуальная метафора. Прагматический потенциал рассмотренных концептуальных метафор и соответствующих им сфер метафорического притяжения разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании будущего. Метафора фиксирует всю сложную гамму отношений членов социума к общественно-политической системе предполагаемого будущего: скептицизм, насмешку, ненависть, опасение и др. В рамках метафорических моделей, употребляющихся для моделирования образа будущего России, актуализируются различные содержательные аспекты, что в значительной степени зависит от идеологической позиции автора текста, его интенций и иных дискурсивных характеристик. В рассмотренных примерах «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [Дэвидсон 1990: 188], образуя, таким образом, взгляд читателя на грядущий период развития общества. Используя метафоры для создания образа «ужасного будущего», политики апеллируют к чувству страха, ориентируют аудиторию на будущие беды России, что нацелено на дискредитацию политического оппонента. В рамках создания образа «темного» будущего особенно востребованы морбидальные и зооморфные наименования. Реже будущее предстает перед читателями в светлом ключе. Как правило, ме-

тафоры, нацеленные на создание «светлого» будущего, стерты, «бесцветны», не рожают манящих образов прекрасного будущего. Здесь особенно активны пространственные метафоры и метафоры пути, предлагающие возможности для движения, развития и роста.

Помимо метафоры, к приемам выразительности, способствующим выдвигению на первый план прагматически значимой оценочной информации, в рамках созданной когнитивно-дискурсивной модели будущего относятся:

- темпоральный схематизм, включающий три составляющие: «сжатая ретроспекция» — Россия будущего представлена как система, настроенная на державность, ее имперские рецидивы связаны с прошлым (советская эпоха, царизм); «событийное настоящее»; будущее, как правило маркированное определенными временными рамками, которые акцентируют фатальность и неизбежность событий;

- высокая степень интертекстуальности модели;
- цитирование, повышающее убедительность и вескость преподносимой информации;

- частые повторы и варьирование определенных слов и сем, создающие стойкую картину автоматизированной приемлемости информации;

- сравнения и контраст, помогающий представить предпринимаемые действия, политический курс своей страны в выгодном свете, одновременно сформировав негативное отношение общественности к оппоненту;

- выбор видовременных форм глагола: прогноз, нацеленный на определение того, что произойдет с Россией в будущем, составлен с использованием не только будущих и настоящих, но и прошедших видовременных форм английского языка, выполняющих прагматическую функцию;

- сложноподчиненные предложения с придаточными условия, причины и следствия, вопросительные предложения, вводные слова, выражающие итог, и экспрессивные синтаксические средства, являющиеся грамматическими способами выражения оценочной мыслительной деятельности журналиста, — рассуждения, объяснения или обоснования;

- модальность, а именно использование модальных глаго-

лов, модальных слов и косвенных наклонений как средств выражения гипотетичности.

Следует отметить, что будущее России на страницах британо-американской прессы определяется не только объективными характеристиками страны (реальные достоинства или недостатки и формальные показатели состояния и основных тенденций развития). На формирование модели будущего влияет специфика субъективного восприятия России зарубежной аудиторией, что в значительной мере детерминируется идейно-политическими установками этой аудитории, исторически сформировавшимися стереотипами мышления, инерцией культурно-политических предрассудков, штампами исторической памяти, что, в свою очередь, предопределяет выбор лингвистических средств при создании модели будущего развития страны. Моделирование на базе когнитивно-дискурсивной матрицы — новый способ структурирования представлений о закономерностях образа будущего, их интерпретация в рамках конкретной объяснительной структуры на основе диагностирования субъективного мира политики как пространства смыслов, задающих ориентиры политической деятельности, анализа динамики новых вызовов и признания влияния глобализации на формирование нового политического порядка в России.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М. : Прогресс, 1990.

Малая российская энциклопедия прогнозистики / И. В. Бестужев-Лада (гл. ред.), А. И. Агеев и др. — М. : Институт экономической стратегии, 2007.

Мэтьюз Р. Новая матрица, или Логика стратегического прервосхождения / Р. Мэтьюз, А. Агеев, З. Большаков. — М. : Олма-пресс ; Институт экономических стратегий, 2003.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в рос-

сийском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.

Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивное прогнозирование: разработка метамоделей // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 171-175.

Фальцман В. Новые стратегии для будущего России // Экономические стратегии. 2005. Вып. 4. С. 132—136.

Paris R. Kosovo and the Metaphor of War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117 (3). P. 424-451.

УДК 81'27:323.2

ББК Ш100.3 ГСНТИ 16.01.33; 16.21.51 Код ВАК 10.02.04

М. А. Степанова

Нижевартовск, Россия

**СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ
«RUSSIAN THREAT / РУССКАЯ УГРОЗА»
В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

АННОТАЦИЯ. *Анализ фрагментов современного англоязычного политического дискурса с целью выявления особенностей трансформации идеологемы «советская угроза».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; идеологема; «советская / русская угроза».*

М. А. Stepanova

Nizhnevartovsk, Russia

**STRATEGY OF USAGE OF THE IDEOLOGEM «RUSSIAN
THREAT / РУССКАЯ УГРОЗА»
IN MODERN POLITICAL DISCOURSE**

ABSTRACT. *Analysis of the fragments of modern political discourse in English aimed at revealing peculiarities of transformation of the ideologem “Soviet threat” is presented.*

KEY WORDS: *political discourse; ideologem; “Soviet/Russian threat”.*

В период после окончания Второй мировой войны в контексте жесткого военного противостояния СССР и стран НАТО особый статус в англоязычном политическом дискурсе получила идеологема «Soviet threat / советская угроза», которая являлась базовым элементом, определяющим построение всей западной идеологической системы на протяжении нескольких десятилетий.

Однако с началом в СССР в середине 1980-х гг. радикальных социально-политических преобразований стал происходить глобальный процесс трансформации устоявшихся идеологических систем. Безусловно, этот процесс не мог не

определить новую стратегию использования существовавших идеологем, если под идеологемой понимается «единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе тексте креолизованном) и — шире — в дискурсе собственно языковыми единицами разных языковых уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева 2009].

С распадом Советского Союза и появлением суверенной России, как правопреемницы СССР, происходит естественный процесс замены в политических номинациях компонента «Soviet / советский» на «Russian». Заметим, что специалисты по переводу всегда подчеркивают, что передача английского «Russian» на русский язык определяется контекстуально: *русский* (национальная идентификация) либо *российский* (принадлежность к государственным институтам). В этой связи следует сказать, что исследователи политического дискурса отмечают дезориентацию западного читателя (реципиента) в использовании терминов «Soviet» и «Russian» в политической лексике в период перестройки, поскольку эти термины, «**традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы**, уже не являлись взаимозаменяемыми и нередко употреблялись в СССР для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонниками демократических перспектив развития страны» [Будаев, Чудинов 2009:372] (выделено нами — М.С.).

Таким образом, на смену мощной идеологеме «советская угроза / Soviet threat» постепенно приходит новая идеологема «русская угроза / Russian threat», несколько менее политизированная, не актуализирующая столь явно ведущий смысловой компонент прежней идеологемы — «нападение, активные боевые действия».

Новая идеологема, безусловно, сохранила основную — милитарную — семантику предыдущей единицы, но стала включать дополнительные семантические компоненты, которые отсутствовали прежде: угроза со стороны организованной преступности и коррумпированных чиновников. Приведем выдержку из аналитической работы одного из слушателей Колледжа канадских вооруженных сил (the Canadian Forces College):

«*Westerners underestimate the extent to which **organized crime and corruption** have hampered Russian political and economic reforms*» (Люди на Западе недооценивают то, насколько **организованная преступность и коррупция** препятствуют политическим и экономическим реформам в России) [Cook 1998] (выделено нами — М.С.).

К официальным документам относится подготовленный в июне 2001г. американским департаментом юстиции (U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Washington, DC) многостраничный доклад под заглавием «The Threat of Russian Organized Crime» (Угроза российской организованной преступности) [<https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/187085.pdf>]. Введение к докладу начинается словами:

«*In the decade since the collapse of the Soviet Union, the world has become the target of a new global crime threat from criminal organizations and criminal activities that have poured forth over the borders of Russia and other former Soviet republics such as Ukraine*» (За те десять лет, что прошли с момента распада Советского Союза, мир стал мишенью для новой глобальной угрозы со стороны криминальных организаций и криминальной деятельности, льющейся потоком с территории России и других бывших советских республик, таких как, например, Украина).

Справедливости ради, следует уточнить, что начало трансформации идеологии и привнесение новых смыслов хронологически не совпадает с моментом распада СССР (конец 1991г.), этот процесс начался несколько раньше. В качестве примера можно привести реализацию новых смыслов рассматриваемой идеологии в некогда нашумевшем фильме «Красная жара» (Red Heat, 1988г.), где бравый офицер советской милиции (А. Шварцнеггер) отправляется в США с целью препроводить на родину сбежавшего грузинского наркоторговца.

Надо сказать, новые смыслы трансформированной идеологии достаточно продуктивно эксплуатируются сценаристами при создании разного рода художественных фильмов, в особенности фильмов, снятых в жанре экшен. Как известно, такие фильмы, рассчитанные на массового зрителя, выстраиваются не на исторически точных и достоверных

данных, но на неких приближенных к массовому сознанию фактах. Так, например, до сих пор для простого западного обывателя нет особой разницы между постсоветскими Россией, Украиной, Казахстаном.

В первое послеперестроечное десятилетие в массовом сознании все еще прочно сохранялось некогда существовавшее жесткое разделение на «свой / чужой» с привязкой к странам блока НАТО и Варшавского договора. К примеру, культовый американский боевик «Три икса» (англ. «XXX»), снятый в **2002**г., сюжетно выстроен на неких событиях, происходящих на территории Чехии: секретный агент, выполняя задание, погибает, успев передать *Агентству национальной безопасности* один из фрагментов сложной молекулы *сербского* вируса, и теперь уже другой агент должен просочиться в криминальные круги, находящиеся в *Праге*, но таинственная девушка *Елена*... [<http://en.wikipedia.org/wiki/XXX>]. Как видно из самого поверхностного перечисления сценарных ходов, антигерои — это выходцы из стран бывшего соцблока.

Таким образом, достаточно продолжительное время после распада СССР и ухода советской политической системы существовал некий бленд, совмещение идеологем «Soviet threat» и «Russian threat», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и социалистических стран.

По всей видимости, должно пройти еще несколько десятков лет, чтобы в массовом сознании укрепилось разграничение собственно России от того, что когда-то называлось СССР. Так, вплоть до настоящего момента даже граждане России, имея тесные семейные, родственные, дружеские связи в бывших республиках СССР, часто не воспринимают теперь уже независимые государства как нечто другое, чужое, отделившееся.

Автор этих строк была свидетелем того, как аудитория кинозала смеялась, увидев надпись «*Чорнобиль*». Казалось бы, контекст фильма достаточно четко показывает, что место действия — Украина, и вполне понятно, что надпись сделана на украинском языке, но секундный кадр показывает, насколько глубокий импринтинг имеет привычная для росси-

ян внешняя форма этого событийного имени — *Чернобыль*. Расширим несколько ситуативный контекст и поясним, что аудитория именно так — смехом — отреагировала на указанную надпись еще и потому, что возникло ощущение: съемочная группа высокобюджетного, самого технологически современного фильма — «*Transformers: Dark of the Moon*» (2011) — в очередной раз не смогла найти квалифицированного специалиста, чтобы написать или сказать что-то на хорошем русском языке, без ошибок или сильного акцента.

В подтверждение нашего предположения приведем выдержки из заметок блоггеров (орфография и пунктуация сохранены) [<http://www.kinomania.ru/news/15958>]:

>> *(Diesel-UA) В Голливуде ведь миллион миллионов специалистов по всему на свете, а на человеке, который мог бы им грамотно на русском три слова написать, до сих пор экономят. Очень нравится еще как их "русские" по русски разговаривают. Особенно радуется фраза "наздравие!", которая произносится "русскими" в моменты водкипоглощения.*

>> *(Tor) В Трансформерах Чернобыль с ошибками тоже написан.*

>> *(YOJICK) То, что было написано в TF3 "ЧОРНОБИЛЬ" это, господа, по-украински. А если Вы заметили, то позже на дверях при входе в здание было написано "чернобыльская...". Так, что там всё нормально. За исключением того, что украинских космонавтов на зло называли русскими... :)*

По всей вероятности, истинная причина неадекватного восприятия орфографически правильно написанного текста кроется именно в том, что российская аудитория воспринимает Чернобыль не территориально, а событийно: не как часть независимой Украины, но как элемент исторической эпохи, где и жители современной России, и жители суверенной Украины были единой нацией, имели единый государственный язык.

Нельзя не отметить, что с момента трагических событий в Чернобыле прошло уже 25 лет, и ключевые образы «ядерная катастрофа в России», «смертельная опасность», «паника», «ужас» постепенно начали уходить из массового сознания жителей западных стран.

01.03.2011г. на одном из интернет-сайтов, посвященных Чернобыльской катастрофе (<http://voicesfromchornobyl.wordpress.com>), был размещен анонс фильма «*What do you know about Chernobyl?*» (*Что вы знаете о Чернобыле?*). Анонс фильма представляет собой несколько мини-интервью (на английском языке) с обычными людьми на улицах Лос-Анджелеса, Калифорния, США (январь 2011г.). Половина опрошенных — люди в возрасте 20-30 лет — просто не знают, о чем идет речь:

1. (журналист) *We are just asking if anybody knows about it* [*Мы просто интересуемся, знает ли кто-нибудь об этом*]. — (ответ) *I don't. I don't know absolutely anything* [*Я — нет, не знаю об этом совершенно ничего*].

2. (журналист) *What comes to mind when she says the word Chernobyl?* [*Что приходит на ум, когда она (журналист) произносит слово Чернобыль?*] — (ответ) *Chernobyl?* [*явное недоумение*] — (журналист) *Chernobyl*.

3. (журналист спрашивает о Чернобыле) — (в ответ собеседник недоуменно переспрашивает) *About...* [*О...*] -- (журналист) *Chernobyl* [*Чернобыле*]. — (ответ) *I never heard that* [*Никогда не слышала об этом*]. — (надпись-комментарий в кадре) *She's studying a World History textbook.* [*Она читает учебник по всемирной истории*].

4. (журналист) *Do any words or phrases come to mind? Thoughts?* [*Какие-нибудь слова, фразы всплывают в голове? Какие-то мысли?*] — В ответ девушка отрицательно качает головой.

5. (ответ) *The only thing about Chernobyl is that it's dangerous... I'm thinking Russia.* [*Единственное, что знаю, там опасно... Думаю, это в России*].

Этот небольшой опрос показал, что поколение американцев, которое выросло в период перестройки и распада Советского Союза, уже, по всей видимости, не имеет ярко выраженных ассоциаций «Россия — ядерная страна — опасность». Однако так совпало, что фильм, о котором шла речь выше, был снят за несколько месяцев до катастрофы на АЭС в провинции Фукусима, Япония, в марте 2011г. Эта катастрофа породила волну новых страхов, и главным лейтмотивом последовавших за этим многочисленных публикаций и вы-

ступлений экспертов стало сравнение двух аварий. Приведем лишь несколько примеров:

1. (заголовок публикации на новостном портале CNN, 12.04.11) *Q&A: Is Fukushima as bad as Chernobyl? (Фукусима так же страшна, как Чернобыль?)* [<http://articles.cnn.com/2011-04-12/world/japan.nuclear.disaster.fukushima>];

2. (заголовок публикации в «The Guardian», 12.04.11) *Nuclear crises: How do Fukushima and Chernobyl compare? (Ядерный кризис: в чем схожи Фукусима и Чернобыль?)* [<http://www.guardian.co.uk/world/2011/apr/12/japan-fukushima-chernobyl-crisis-comparison>];

3. (заголовок публикации на новостном портале BBC, 12.04.11) *How does Fukushima differ from Chernobyl? (Чем Фукусима отличается от Чернобыля?)* [<http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-13050228>];

4. (заголовок публикации в «The Telegraph», 16.03.11) *Japan nuclear plant: Just 48 hours to avoid 'another Chernobyl. (Японская атомная станция: всего 48 часов, чтобы предотвратить 'новый Чернобыль')* [<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/japan>].

Нельзя не согласиться с тем, что «комплексность реализации идеологием <...> задается фактором событийности», который «является объективным» [Купина 2009 : 208]. Актуализация смыслов «Россия — ядерная катастрофа — опасность — смертельная угроза» в связи с трагедией в Фукусиме заставляет по-другому оценивать те кадры о чернобыльских событиях из американского блокбастера «*Transformers: Dark of the Moon*» (премьера, напомним, состоялась в июне 2011г.), о которых упоминалось выше. Экспозиция фильма, где показан «Чернобыль», задается таким образом, что зритель невольно ассоциирует США с положительными героями фильма, а Россию — с отрицательными. Несомненно, фильм, рассчитанный на молодую аудиторию, в совокупности с информационным потоком о событиях в Фукусиме привнесет свое в актуализацию идеологического смысла «Россия = смертельная опасность» у людей этой возрастной категории.

В интересном социолого-психологическом исследовании, результатом которого стала публикация в 1999г. монографии

«Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века», высказывается мысль о том, что в обществе всегда существует некий общий подсознательный экзистенциальный страх, однако большая часть массовых страхов имеет специфический характер [Шляпентох, Шубкин, Ядов 1999:5]. К подобным страхам в современном мире авторы относят, в частности, технологические катастрофы, крупномасштабные теракты, ядерную войну, тотальную войну или вторжение соседей. Предметом своего исследования авторы видят «страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа» [там же].

Авторы исследования, которое выполнялось с привлечением эмпирических данных, полученных главным образом в России, видят свою задачу в доказательстве существования и необходимости изучения особого типа мышления — *катастрофического*, который может возникать в обществе и в определенных условиях распространяться в широких масштабах [там же : 6].

В этой связи интересна параллель с другими исследованиями, результаты которых представлены в коллективной монографии «Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control» («Лелея страх: риторика и политическая экономика социального контроля») [Chaput, Braun, Brown 2010] (перевод заглавия взят из обзора Е.В. Шустровой [Шустрова 2011 : 76], где приводится достаточно детальное описание содержания основных разделов монографии).

Авторы монографии полагают, что события 11 сентября 2001г. (серия терактов, крушение Всемирного торгового центра) стали толчком к возникновению нового социального напряжения внутри американского общества, послужили отправным моментом развития «дискурса страха» (fear discourse / discourse of fear) — именно так авторами характеризуется состояние нынешнего риторического дискурса (rhetorical discourse) в Соединенных Штатах Америки.

В предисловии к работе авторы указывают, что риторика, базирующаяся на страхе крушения империи (первая глава монографии так и называется “Electing Empire: Systemic Chaos and the Fear of Falling”), проникла во все сферы существо-

вания современного американского общества: «... *the complex rhetorical aspects of fear be understood as working in and through multiple sites rather than as isolated and distinct*» [Chaput, Braun, Brown 2010: viii].

Здесь же авторы приводят, как нам кажется, важный тезис о взаимовлиянии, о причинно-следственных отношениях между «риторической ситуацией» («rhetoric situation») и реальными историческими событиями («history»). Напомним, что риторическая ситуация есть система взаимосвязанных факторов: «1) отношения между участниками речевой ситуации; 2) цели участников (их речевые намерения, т.е. то, что они хотят получить в результате речевого события); 3) предмет речи и отношения участников к нему» [Михальская 1996: 56].

Как показывают авторы, в современной американской риторике существует два противоположных подхода к пониманию того, что является первичным: 1) некое референтное событие (т.е. событие объективной реальности, см. работы В. З. Демьянкова), которое создает почву для появления риторической ситуации; 2) риторическая ситуация, некий риторический дискурс (rhetoric discourse), результатом которого могут стать определенные события.

Представляет, что в приложении к исследуемому нами предмету оба мнения о взаимовлиянии риторики и событийного ряда вполне справедливы. В первом случае, когда риторика определяется текущим событийным фоном, идеологема «Russian threat» может рассматриваться с точки зрения ее существования и функционирования в качестве отражения реальных исторических событий.

Примером того, как риторическая ситуация организуется конкретными событиями, является всплеск антироссийских настроений и резкая актуализация идеологемы «Russian threat» в англоязычном политическом дискурсе в 2006-2008гг.

После событий 11 сентября 2001г. идеологема «Russian threat» на некоторое время ушла из политического лексикона: произошло смещение идеологического ракурса, основной внешней угрозой был объявлен терроризм со стороны радикальных исламистов. Новая активизация идеологемы связана с целым рядом факторов. Общим между ними стало недо-

вольство союзников по НАТО отношениями России с некоторыми бывшими республиками СССР, которые на тот момент стали входить в сферу интересов НАТО:

1. газовый конфликт между Россией и Украиной (начало конфликта — март 2005г.);

2. экономические санкции России в отношении Грузии (начало конфликта — октябрь 2006г.);

3. кибератака, организованная с территории России в отношении Эстонии (апрель 2007г.);

4. конфликт между центральной частью Грузии и Южной Осетией, во время которого Россия оказала военную поддержку Южной Осетии (август 2008г.).

Все перечисленные выше события спровоцировали волну публикаций в западных СМИ, основной задачей которых стало аргументированное доказательство появления «**new Russian threat / новой угрозы со стороны России**». Приведем лишь несколько примеров.

В ведущем британском издании «The Telegraph» 19.08.2007г. опубликована статья под заголовком «*Prepare to face the Russian threat*» (*Приготовьтесь встретиться с русской угрозой*). В этой статье автор уверенно заявляет, что, возможно, Россия и находится на грани демографической катастрофы, но у нее все еще колоссальные запасы ядерного оружия, и часть его направлена на Великобританию. А то, как Россия обходится с республиками, получившими независимость после крушения СССР, является очевидным свидетельством того, каким образом эта страна готова угрожать своим менее сильным соседям. И далее автор приводит в качестве примера прекращение Россией поставок газа в Украину:

Russia may be a country on the brink of demographic collapse, with a diminishing life expectancy and a falling birthrate - but it still possesses a colossal nuclear arsenal, some of which is no doubt aimed at Britain. The way that Russia has treated the republics that gained independence after the fall of the Soviet Union provides ample evidence of the way the country is prepared to bully less powerful neighbours. Russia has, for instance, simply cut off gas supplies to Ukraine when it wanted the country to pay a higher price.

В этой же статье автор в довольно осторожной форме говорит о том, что нынешний глава РФ (В. Путин), **«кажется, хочет вернуться к чему-то похожему на холодную войну»** (*The present ruler of Russia appears to want to return to something approximating to the Cold War*) (выделено нами — М.С.).

В публикации «*New Russia, new threat*» (*Новая Россия, новая угроза*) (02.09.2007; издание «Los Angeles Times») профессор политологии Стэнфордского университета Майкл Макфол (Michael McFaul), рассуждая на тему взаимоотношений России и США, говорит, что Россия поддержала США после событий 11 сентября и твердо встала на сторону борьбы с международным терроризмом. Однако в текущей внешней политике Кремля произошел явный сдвиг, что стало представлять новую потенциальную опасность для США и их союзников (в числе, которых названа Грузия). По мнению автора, открытый военный конфликт между США и Россией маловероятен, но намечающаяся автократия и отношения России с соседями (Украина, Грузия, Эстония) создают серьезную опасность для США и их союзников:

...after 9/11, <...> Putin placed Russia firmly on the side of the West in the global war on terrorism. <...> But today, integration with the West is no longer a goal of Russian foreign policy. <...> reflect the fundamental shift in Kremlin thinking about global politics and constitute new potential threats to U.S. influence. <...> The probability of direct military conflict between Russia and the U.S. is very low. At the same time, an autocratic, anti-Western Russia poses serious trouble for America and its allies. Putin's Russia <...> has cut off gas to Ukraine, imposed economic sanctions on Georgia and launched a cyber war against a NATO ally, Estonia. A Russia <...> might be tempted to pursue even more provocative policies, such as deploying military power to secure independence for the territory of Abkhazia inside Georgia.

Таким образом, новыми смысловыми компонентами идеологемы «Russian threat» становятся:

1. угроза энергетической зависимости стран-соседей от России;
2. киберугроза;
3. наметившаяся автократия.

Все эти новые семантические компоненты дают основание для понимания возросшей тревоги партнеров по НАТО в отношении России: страна, катившаяся в 1990-ых гг. в бездну хаоса, теперь явно укрепила свое экономическое и политическое влияние на мировой арене. Впрочем, эти смыслы вовсе не имплицитны, в той же статье «*New Russia, new threat*» профессор-политолог совершенно открыто заявляет об этом:

«When the U.S. emerged as the world's undisputed superpower in the 1990s, Russia looked weak in the aftermath of the collapse of the Soviet Union and subsequent economic depression. Today, according to the Kremlin, fortunes have turned. The U.S. is bogged down in unwinnable wars in Afghanistan and Iraq, and morally discredited in the eyes of the international community as a unilateral, interventionist power and violator of human rights. By comparison, Russia sees itself as stronger and more respectable» [В то время, когда США в 1990-ых гг. стали безоговорочной сверхдержавой, Россия, казалось, растеряла силы в результате распада СССР и последовавшего экономического упадка. Сегодня, как заявляет Кремль, ситуация изменилась к лучшему. США увязли в бесконечных войнах с Афганистаном и Ираком и морально дискредитированы в глаза мировой общественности как страна, причастная к интервенции и нарушению прав человека. В сравнении с этим Россия оценивает себя как страну более сильную и уважаемую].

Ряд конкретных событий, перечисленных выше, несомненно, определил смену в западной политической риторике в отношении России. На сегодняшний день актуализации идеологемы «*Russian threat*» в связи с событиями 2006-2008гг. привела, по нашему мнению, к обратному эффекту: риторика начинает влиять на принятие конкретных политических решений.

Осознание западными политиками социально-политического и экономического укрепления России, анализ сегодняшней роли России на политической арене способствует тиражированному использованию образа России как источника опасности, угрозы. Нескончаемый поток реплик, замечаний, заявлений со стороны известных и влиятельных деятелей на Западе, в которых напрямую говорится о «рус-

ской угрозе», способствует дальнейшему нарастанию напряженности в отношениях между Россией и странами НАТО.

С 2007г. в мировых СМИ активно обсуждается вопрос о создании по инициативе США противоракетной системы на территории Чехии и Польши, в непосредственной близости от границ России. Ответная реакция России, в виде заявлений официальных лиц (в том числе президента Д. А. Медведева и премьер-министра В. В. Путина) о недопустимости таких действий и возможном противодействии со стороны России, расценивается западными средствами массовой информации как «агрессивная». В статье, опубликованной 01.12.2010г. в издании «Гардиан» под заголовком «*Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders*» (Россия грозит новой гонкой вооружения и новым ядерным оружием у границ Европы), читаем:

In typically aggressive language in an interview with CNN, Vladimir Putin, the Russian prime minister, said the Kremlin would have no option but to respond with a new generation of nuclear weapons if its proposals on a joint missile shield "are met only with negative answers" (В типично агрессивной манере в интервью CNN Владимир Путин, российский премьер-министр, заявил, что Кремлю не останется ничего другого, как ответить новым поколением ядерного оружия, если его предложения по построению совместной противоракетной системы «будут встречены отказом») (выделено нами — М.С.).

В том же интервью В. В. Путина телекорпорации CNN от 2 декабря 2010г. известный американский телеведущий Ларри Кинг, услышав ответ российского премьер-министра «*это не наш выбор, мы этого не хотим. И это никакая не угроза, мы просто говорим о том, что нас всех ожидает, если мы не сможем договориться о совместной работе. Вот и все. Повторяю, нам бы этого очень не хотелось*» провоцирует российского премьер-министра вопросом: «**Вы говорите, что это не угроза. Но звучит это как будто бы угроза. Wall Street Journal полагает, что вы выдвигаете тактические боеголовки к территории союзников НАТО, как недавно весной. Это правда?**» (выделено нами — М.С.).

В качестве некоторого резюме: на момент написания

этой статьи (июль 2011г.) Россия все еще не имеет письменных заверений со стороны НАТО о неиспользовании новой противоракетной системы в отношении России:

«Совет Россия — НАТО в части договоренностей по ПРО не продвинул стороны ни на миллиметр», — оценил встречу в Сочи [04.07.2011г.] заведующий информационно-политическим отделом Института политического и военного анализа Александр Храмчихин, добавивший, что стороны продолжают придерживаться своих взаимоисключающих позиций и никто не готов на уступки. Впрочем, по мнению эксперта, «переговоры зашли в тупик не вчера, поэтому в Сочи ничего страшного не произошло, стороны лишь очередной раз собрались, чтобы понять, что договориться не удастся». Но в Кремле РБК daily заверили: «Переговоры продолжаются» [РБК daily; 05.07.11].

Таким образом, наращивание смысловых компонентов идеологемы «Russian threat», эскалации использования данной идеологической единицы в англоязычном политическом и медийном дискурсе и падение уровня политического доверия между Россией и странами НАТО, на наш взгляд, взаимообусловлены.

Вместе с тем в современном англоязычном политическом дискурсе существует и другое мнение относительно реальности «русской угрозы». Некоторые политики считают, что Россия все еще страна, не оправившаяся от экономического кризиса и не имеющая достойного потенциала, чтобы представлять собой какую-либо угрозу для стран НАТО. Определенной антитезой идеологеме «русская угроза» является утверждение о том, что «Russian threat is a myth / русская угроза — это миф» (см., например, публикацию «*"Russian threat" myth revived*» («Русская угроза»: новый миф) [<http://dlib.eastview.com/browse/doc/22430479>].

В статье «*BERMAN: Russia's real threat? Failure*» (Берман: Россия — это реальная угроза? Все нет), опубликованной в «Вашингтон таймс» 31.01.2010г., автор пишет о российских демографических проблемах и бесперспективности, в этой связи, развития России как государства:

<...> further into the future, the strategic challenge posed by Russia might not stem from its strength, but from its weakness

(<...> в будущем попытки России укрепить свои стратегические позиции будут идти не от ее силы, а от ее слабости).

О «русском медведе» (извечном символе России) некоторые авторы говорят как о «бумажном медведе» — «*Russia: Big Threat or Paper Bear?*» (Россия: большая угроза или бумажный медведь?) [<http://www.lewrockwell.com/margolis/margolis142.html>].

Тем не менее, подобное представление о России не подразумевает полного отказа от использования образа «*Russian threat*». Приводя аргументы в пользу мнения о неспособности России быть явным врагом НАТО, авторы таких публикаций предостерегают от полного доверия российским политикам.

Поводя итог нашему исследованию, сделаем некоторые выводы:

1. в годы холодной войны ведущей идеологической единицей, определяющей развитие всей западной идеологической системы, стала идеологема «*Soviet threat* / советская угроза»;

2. с распадом СССР и появлением суверенной России идеологема «*Soviet threat*» не уходит из политического лексикона, но происходит естественная смена номинаций «*Soviet threat*» → «*Russian threat*»;

3. процесс замены номинаций не совпадает хронологически точно с датой распада СССР: продолжительное время после развала советской политической системы существовал некий бленд, совмещение идеологем «*Soviet threat*» и «*Russian threat*», поскольку понятие «советский» ушло с крахом Советского Союза, но суверенная Россия не была явно дистанцирована от бывших союзных республик и стран соцблока;

4. трансформированная идеологема сохраняет основной семантический компонент идеологемы-предшественницы: угроза использования военной силы;

5. с конца 1980-ых гг. идеологема начинает приращение новых смыслов, основными из которых являются: угроза со стороны организованной преступности, коррумпированных чиновников, угроза энергетической зависимости, киберугроза, угроза проявления автократии;

6. антитезой идеологемы «*Russian threat*» является идеоло-

гизированное сочетание «Russian threat is a myth» (русская угроза — это миф) и семантически сходные комбинации;

7. активизация идеологемы является событийно обусловленной;

8. развитие риторического дискурса, насыщенного определенной идеологемой, и принятие конкретных политических решений являются взаимообусловленными.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии / — Советское прошлое и культура настоящего. Монография; [отв. ред. Н.А.Купина, О.А. Михайлова]. — Т.2. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. — С. 349-378.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. — Серия литературы и языка. — 1983. — Т.42. — № 4. — С.320-329.

Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. — М.: Московский общественный научный фонд; Институт социологии РАН; Университет штата Мичиган, 1999. — 347с.

Купина Н.А. Советские идеологические традиции сегодня / Советское прошлое и культура настоящего. — Монография; [отв. ред. Н.А.Купина, О.А. Михайлова]. — Т.2. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. — С. 186-208.

Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. — 2009. — №4 (30). — С. 32-40.

Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. — М.: Академия, 1996. — 192с.

Новейший философский словарь. — Минск: Книжный дом 2003. — 1280с.

Шустрова Е.В. Исследование политической коммуникации в США: новые перспективы (2009—2011) // Политическая лингвистика. — 2011. — №1(35). — С. 74-86.

Chaput C., Braun M., Brown D. Entertaining fear: rhetoric and the political economy of social control. — N. Y.: Peter Lang, 2010.

ИСТОЧНИКИ

Интервью Владимира Путина Ларри Кингу. URL: <http://ria.ru/interview/20101202/303390492.html>

Провалились: переговоры Россия — НАТО по ПРО на высшем уровне зашли в тупик. URL: http://pda.rbcdaily.ru/2011/07/05/focus/562949980577358_news.shtml

BERMAN: Russia's real threat? Failure. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2010/jan/31/russias-real-threat-failure/>

Cook D.G. The Empire Strikes Back: Russia's Strategy is Still a Threat to Canada's Security. URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/0027.htm>

McFaul M. New Russia, new threat. URL: <http://www.latimes.com/news/opinion/la-op-mcfaul2sep02,0,2227138.story>

Prepare to face the Russian threat. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/telegraph-view/3642059/Prepare-to-face-the-Russian-threat.html>

Russia threatens arms race and new nuclear warheads on Europe's borders. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/dec/01/russia-putin-missile-defence-threat>].

УДК 811.161.1'276

ББК Ш141.2-451 ГСНТИ 16.21.07; 16.21.47 Код ВАК 10.02.19

П. Червиньски

Катовице, Польша

НОМИНАТИВЫ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА: КОММУНИКАЦИЯ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР МАРГИНАЛЬНОГО

АННОТАЦИЯ. *С позиции когнитивной лингвистики анализируется ситуация противоборствующего сосуществования различных коммуникативных, или номинативно-предметных, миров в рамках национального языка. Как наиболее яркий и ограниченный по описываемым ситуациям и подразумеваемым интенциям, а потому наилучшим образом подходящий для детального анализа и отработки научных методик, описывается номинативно-предметный мир русского молодежного сленга. Выделяются стоящие за тематическими группами прагматические установки (инкорпоративный ценностный медиатив, локально-системный ориентатив, экзистенциальный (ролевой) изолятив и др.), описываются парадигматические связи групп.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *теория номинации; коммуникация; когнитивистика; номинативно-предметный мир; маргинальность; молодежный сленг; субкультура.*

P. Chervinsky

Katowice, Poland

NOMINATIVES OF THE YOUTH SLANG: COMMUNICA- TION AND OBJECT WORLD OF MARGINAL

ABSTRACT. *From the point of view of cognitive linguistics, context of struggling existence of different communicative or nominative-object worlds in the frames of national language is analyzed. Nominative-object world of Russian youth slang was chosen, being the brightest and limited in the described situations and implied intentions, and because of that, being the best material for detailed analysis and approbation of scientific methods. Pragmatic aims (incorporative, value, mediative, local-systemic orientative, existential (role) isolative, etc.) which are behind the thematic groups, are identified; paradigmatic connections of*

the groups are studied.

KEY WORDS: *theory of nomination; communication; cognitive linguistics; nominative-object world; marginality; youth slang; subculture.*

Соотношение семантического и коммуникативного в языке создает изначальное противоречие, преодолеваемое обычно с большим или меньшим успехом непосредственно в условиях речевого контакта. Речевой опыт, а также общность или достаточная пересекаемость картин мира, совпадение когнитивных и концептуальных представлений у коммуникантов дают им возможность данное противоречие избежать. Однако далеко не во всяком случае и далеко не равным образом. Особые трудности возникают на переходах, в условиях взаимодействия представителей разных коммуникативных групп, — трудности понимания, то есть опять-таки коммуникативные трудности, источник которых, начало — в различии номинативно-предметных миров, в различии представлений о мире и характере названия его элементов.

Язык не случайно воспринимается и изучается в последнее время в языкознании прежде всего как способ классификации мира, как способ матричного представления о нем. Идеография, концептология, когнитивная лингвистика, развитие структурно-семантических методов и классификаций, составление соответствующих лексиконов и словарей — идеографических, полевых, понятийных, предметно-номинативных, ассоциативных, лексико-тематических, лексико-семантических, изучение лексики языка с точки зрения номинатора, с позиции «классификатора» — всё это следствие неразрешенного противоречия между семантикой и коммуникативностью, называемыми в речи «предметом» и вербально-речевой его поведенческой «ролью» в составе и условиях коммуникативного речевого акта — противоречия, осознаваемого едва ли не как основное в условиях самых различных по своему характеру интеркоммуникативных взаимодействий.

Само по себе утверждение отличий предметного мира — национальных, культурных, профессиональных, психологи-

ческих, возрастных, социальных — по языкам, языковым вариантам, коммуникативно-речевым проявлениям, формам мало что помогает увидеть в его коммуникативных (предметного мира) различиях. Неудача известного «академического» проекта преобразования языка на Лапуту у Дж. Свифта с тасканием за собой мешков с предметами для разговора «без языка» объяснима не только всем очевидной тяжестью и неудобством чисто физического характера и даже не только индивидуальными и групповыми различиями в существующих представлениях о мире, сколько в особого рода, по-видимому, *коммуникативной преобразованности, претворенности* номинативов — слов как имен и названий предметов и отношений, воспринимаемых и конкретных, не говоря уже об отвлеченных и представляемых, воображаемых и мыслимых.

Поставленный перед необходимостью классифицировать, дифференцировать как-то свой коммуникативно-предметный мир, прежде чем начать говорить, чтоб быть правильно и адекватно понятым, коммуникант, говорящий наверняка оказался бы в положении не менее трудном, чем лапутянин с мешком, в растерянности решающий, что же в него положить, отправляясь в дорогу. Одна только номинативно-предметная классификация и различение, что есть что, составила бы немалую трудность, определение же коммуникативное и смысловое сказанного, того, что сказали, намереваемся, можем сказать, задача почти что не разрешимая.

Одна из трудностей заключается в проблеме коммуникативной саморефлексии. И дело не только в том, что непросто решить, что же мы говорим на самом деле, когда хотим то-то и то-то сказать, поскольку сразу же возникает вопрос, что действительно, что на самом деле хотим, и кто и что из того, что сказано, понимает, выносит, — сколько также и едва ли не в первую очередь в том, что мы из себя как говорящие представляем, какую коммуникативно-номинативную матрицу воплощаем своим речевым проявлением.

Затронутые проблемы отнюдь не случайно рассматривались на материале языковых маргинальностей — в условиях взаимодействия, стыка, на грани общего, как общеупотребительного, и ограниченного, маргинального, того, что уже за

пределами общего и выступает как дополнительное по отношению к нему. На переходе от одного к другому, при восстанавливаемом, домысливаемом и взаимоотталкиваемом взаимодействии одного и другого, при внутреннем их, коммуникативно включенном контрасте, многое может быть очевиднее и понятнее, чем при независимом, изолированном, отделенном их существовании и использовании.

Молодежный сленг в этом отношении и для этих целей предоставляет удобный языковой материал, именно как материал *маргинального*, т. е. находящегося в отношении *дополнительности* к своему основному, развивающегося к нему в параллель, взаимодействующего, с ним соотносящегося и соотносимого, но существующего вместе с тем как номинативно-коммуникативная самостоятельная отдельность.

Природа сленга, сочетающего в себе, в отличие от жаргона, территориального говора, черты некоей общей употребительности, распространенности, общезначимости, с чертами одновременно употребления ограниченного, поскольку это всё же не то, что общенациональный язык, понятный для всех носителей, — воплощающего, тем самым, в себе черты *ограниченной универсальности*, номинативной и коммуникативной двойственности, и есть, пожалуй, наиболее соответствующая понятию и природе самой маргинальности, как переходной коммуникативной сфере.

Природа молодежного сленга, теоретически (но вряд ли практически, по крайней мере для русского языка и других славянских) отличимого от сленга как такового, сленга вообще (но что он такое, если не теоретическая абстракция?), — это природа прежде всего особой, собственной позиции номинатора и коммуникатора, природа особой лингвopsихологической коммуникативной системы мер, своей собственной исходной точки отсчета, природа особой классифицирующей матрицы и парадигмы ориентиров, оценок и координат.

Представим себе, что изучение языка, например языка иностранного, начиналось бы не с произношения, представления слов и грамматики, а с классификационных матриц, с представления номинативно-семантического языкового пространства. Допущение номинативно-семантической общности

языков различной природы, фактически коммуникативная универсализация, значительно затрудняет задачу и искажает во многом смысл, понимание нами изучаемого языка, порождая и далее нелегко преодолеваемые при коммуникативном взаимодействии трудности.

Одновременно и вместе с тем, универсализация семантических представлений могла бы подействовать нивелирующе на образ мира затем у каждого, нейтрализовав в какой-то части его охраняемые индивидуальность и своеобразие. Возможно, боязнь такой коммуникативной саморефлексии и вызывается трудно достижимое затем понимание в условиях интерактивного, межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Предложенный способ порядка начального освоения коммуникативных систем вместе с тем легко представим и едва ли не единственно возможен, по-видимому, при гипотетическом изучении чего-нибудь принципиально иного — скажем, в условиях коммуникаций с системами «не человек» — животные, инопланетяне, пришельцы, умершие, духи, представители параллельных миров. Первое, видимо, с чего следует в этом случае начинать — с определения действующих коммуникативно-номинативных матриц и парадигм, с «предметного мира», а не со *слов* и *грамматики* «языка». Пресуппозиции универсального образа мира наших представлений о той системе, каковой является *человек*, т. е. мы сами, не дают нам возможность увидеть различия там, где привычно хотелось бы видеть и видятся сходства.

Такой реальной, а не гипотетической иносистемой по отношению ко всем нам привычному языку оказывается коммуникативно-номинативный мир маргинального и, в частности, молодежного сленга. Подход к его изучению с точки зрения *слов* и *грамматики* мало что может дать в отношении коммуникативного смысла. В то время как выяснение того, чем отличается его образ мира, картина мира, даже просто сам его номинативно-предметный мир, от мира, освоенного и актуализированного в языке, языке для всех, возможно, давало бы больше, чем даже простое знание маргинальных слов, самого его лексикона.

Искомый образ номинативной картины мира для русского

языка хорошо представляет «Русский семантический словарь» [РСС], в классификационных схемах последовательно, по уровням отражающий классы, множества, подмножества и затем лексико-семантические ряды существующих номинативов — слов как значений слов (семантем, семем).

Одно только сопоставление по группам и в целом отраженной в РСС картины предметного мира для языка с такой молодежной сленгой дало бы немало в отношении понимания номинативной и коммуникативной природы последнего. Возможно, в дальнейшем подобные сопоставления, равно как и не менее интересные и показательные семасиологические сопоставления по разным национальным языкам и внутри одного языка языковым вариантам и формам на основе чего-то универсального и различного, станут возможны.

Однако при подобных сопоставлениях следовало бы, по видимому, предварительно для себя уяснить, что при этом с чем сравнивается, с точки зрения чьей позиции и на чем поле оно происходит: с точки зрения какого языка по отношению к какому другому, сопоставляемому языку. Ибо при этом возможны и неизбежны потери системного, коммуникативного, парадигматического характера для сравниваемого языка, ведущие не к пониманию его особенностей, устройства и свойств, а к определению несходств одного и другого; сравнение двух предметов между собой, как известно, мало что говорит о природе самих предметов, оно только помогает не смешивать их между собой в дальнейшем.

Поэтому более продуктивным и перспективным видится в этом отношении всё же первоначально иной подход, не включающий возможности применения первого и отчасти включающий даже его в себя (поскольку сама *дополнительность*, корреляция к основному — особенность маргинального, свойство его). Смысл предлагаемого подхода заключается в определении исходной коммуникативной позиции, или позиций, если таковых оказывается более, чем одна, что весьма для маргинативов возможно, — выражающей, проявляющей, передающей себя в системе коммуникативно-номинативных значений и категорий, преобразующих, претворяющих номинативно-предметный и маргинальный по своему характеру мир.

И в этой связи маргинальное, понимаемое коммуникативно и широко, оказывается и предстает как коррелятивное, *дополнительное*, потому что оно компенсируемое и вытесненное. Сленг существует как форма коммуникативного проявления субкультуры, *суб-* — поскольку есть некое *нечто* в ней, что не может быть выражено в общей форме, не поддается универсальному выражению, не может быть принято, понято и даже воспринято всеми, поскольку коммуникативное общего не соответствует внутренней данности данного маргинального, не отвечает ей.

Изначально слова для сленга не то же, что те же слова в языке, поскольку иной предстает система, семантически их насыщающая. Стремление передать затрагиваемое отличие наблюдается, в частности, в тематической рубрикации, принятой в практике некоторых польскоязычных словарей общего типа (SPP, SEP, SPPiW), первые два из которых тематический принцип избрали как основной, алфавитное расположение оставив для указателей (так же, как в РСС).

Тематическое подразделение, по-видимому, может быть коммуникативно ориентированным для данного языка, его варианта, и, соответственно, коммуникативно не ориентированным, отражающим, передающим некоторый общепонятный и не оговариваемый специально порядок, отражающий так или иначе принятые в идеографических исследованиях подразделения и классификации.

Так подразделения корпуса в SPP и SEP, например, по-разному, но антропоцентричны, воплощая тем самым принцип, известный и принятый в идеографии. В SPP (для удобства сопоставления дадим в переводе на русский):

1. **Человек:** 1.1. Названия, определения человека; 1.2. Внешний вид человека — тело человека и его части; 1.3. Физические действия и состояния — физиологические действия: 1.3.1. Движение — нахождение в определенном месте; 1.3.2. Еда — питье ... 1.4. Психические действия, состояния, особенности ...

2. **Человек и другие люди:** 2.1. Национальность — социальный статус; 2.2. Общественные условия жизни человека: 2.2.1. Семья; 2.2.2. Работа — зарабатывание денег — финансы; 2.2.3. Школа — образование ... 2.3. Отношения между

людьми: 2.3.1. Отношение к другим людям; 2.3.2. Действия во вред кому-либо; 2.3.3. Действия в чью-то пользу; 2.3.3. Товарные контакты — неформальные связи между людьми; 2.3.4. Любовь — эротика — сексуальная жизнь; 2.3.5. Говорение — вербальные формы контакта.

3. Человек и ситуации: 3.1. Способ совершения действия — характер событий; 3.2. Намерение в совершении действий, их развитие и завершение — невозможность действий...

4. Человек и ценности: 4.1. Занятие должности — оценка — ценностность; 4.2. Бездеятельность — пассивность — незаинтересованность.

5. Физическое окружение человека: 5.1. Материальные предметы и их свойства: 5.1.1. Деньги; 5.1.2. Одежда; 5.1.3. Продукты питания; 5.1.4. Инструменты — приборы... 5.2. Натуральная среда и ее элементы ... 5.3. Место проживания ...

6. Время, пространство, мера.

В SEP: 1. Физические черты человека: 1.1. Определения возраста; 1.2. Определения уродства; 1.3. Определения лысины; 1.4. Определения толщины...

2. Части тела: 2.1. Определения ягодиц; 2.2. Общие определения половых органов ... 2.6. Названия других частей тела.

3. Части гардероба. 4. Нагота. 5. Физиологические действия ... 6. Физиологические состояния женщины. 7. Сексуальная жизнь ... 8. Болезни. 9. Смерть и явления с ней связанные. 10. Отталкивающий вид или запах. 11. Недостатки, вредные привычки, пороки. 12. Нарушения и наказания... 13. Ругательства... 14. Религиозные верования. 15. Финансовое положение, деньги. 16. Политика... 17. Определения профессий, магазинов и пунктов обслуживания.

РСС преследует и отражает последовательно функциональный и грамматический принцип, отталкиваясь от частеречного, лексико-грамматического и далее номинативно-семантического подразделения слов как лексических значений (основная единица лексикографического описания в словаре):

Слова указующие (местоимения); слова именующие

(имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы); слова собственно связующие (союзы, предлоги и их аналоги); слова собственно квалифицирующие (модальные слова и сочетания; частицы и междометия).

Слова именующие, подразделяясь далее на части речи, для имен существительных представляют такую картину:

Слова, именующие конкретный предмет: всё живое, вещь. Слова, именующие отвлеченное понятие: явление, ситуацию, событие. Слова, именующие как конкретный предмет, так и отвлеченное понятие — с дальнейшим впоследствии подразделением.

Как тематический принцип, характерный для SPP и SEP, так и функционально-номинативный и лексико-грамматический, принятый в РСС, представляются коммуникативно не ориентированными, по крайней мере в двух отношениях, с двух последовательно связанных между собой сторон: в отношении коммуникативной заряженности предметного, номинативного мира, с точки зрения коммуникатора, говорящего, экспликативно-оценочно-ценностного ядра для описываемого словарем языка (1) и в отношении его коммуникативной позиционной категориальной лингвopsихологической насыщенности (2).

В отношении общенационального языка отражение первого (1), а тем более второго (2) представляется крайне сложной, если вообще, прежде всего для (2), каким-либо образом осуществимой задачей (отсюда, по-видимому, неприемимость чего-либо подобного для материала РСС).

В отношении языковых вариантов и коммуникативно-речевых форм, каковыми являются просторечие и разговорная речь (материал SPP и отчасти SEP) такое, по-видимому, с необходимыми подразделениями возможно, хотя и не так показательно, как в отношении, скажем, таких маргинальных и *дополнительных* форм, как жаргоны и сленг. Для них коммуникативно ориентированный к номинативно-лексическому материалу подход представляется крайне важным, по названным раньше причинам компенсаторности и вытеснения в противопоставляемый общему употреблению и общей понятности слой субкультуры и подсознания.

В отношении сленга, как, впрочем, по-видимому, и в отношении всякой другой языковой формы-варианта, существенным представляется определение его предметно-номинативного, релятивно-связующего и оценочного компонентов, каждый из которых для своей формы окажется специфичен, а связи, соотношения между всеми тремя не случайными, обусловленными коммуникативной природой формы.

Предметом настоящего изучения был первый, предметно-номинативный компонент молодежного сленга. Оценочность и релятивность учитывалась при определении смысловых и коммуникативных особенностей этого первого компонента, который рассматривался при этом не в полном своем составе, представленном в словаре [Никитина 1998], бывшем основным источником материала, а только в составе синонимических рядов (см. Указатель: [Никитина, 1999: 543—579]).

Обращение только к этой части, т. е. к словам, имеющим некую континуальную длительность, множественную семантическую представленность, не единичность в синонимическом ряду, дает возможность увидеть то, что репрезентивно в сленге, что актуально и значимо в нем.

Синонимические ряды были сгруппированы по группам, смысл которых определялся не столько темой, сколько характером релятивно-оценочной и функционально-предметной направленности входящих в ряд единиц. Итогом было определение не столько фрагментов предметного мира, актуальных и действенных в сленге, хотя и их также, сколько через них — векторов ориентации, проявления и функционирования, своего рода экзистенциональных валентностей номинативно-предметного мира. Для этих целей релевантными и представлялись синонимические ряды; одностепенные, единичные в своих смысловых и номинативно-коммуникативных позициях лексемы и семантемы не подходили.

Выделились примерно такие группы (примерно — поскольку избранный метод не предполагает единственности и жесткости в разрешении, порядок пока не существен, не отражая никакой номинативной последовательности):

- поп-музыка и всё, что с ней связано — группы, певцы,

любители, игра на музыкальных инструментах;

– учеба, работа, получение образования, экзамены, преподаватели, школа, вуз;

– семья, родители, ребенок, дети, жена;

– сексуальная сфера;

– наркомания и наркотики;

– средства передвижения, транспорт, общественный, свой;

– представители разных национальностей, иностранцы и инородцы (нерусские);

– аксессуары, предметы одежды, внешность, вид;

– алкоголь и алкоголизм, спиртные напитки, пристрастие к ним, их питье;

– представители власти и взаимодействие с ними — милиция и таможня;

– общение, коммуникация, взаимодействие, говорение, **контакты и связи**, взаимоотношение между собой и внутри своей группы;

– лишенные, не имущие, не обладающие, униженные, **деминутивы**;

– бизнес и деньги, их зарабатывание, предпринимательство, предприниматели;

– **ситуативные состояния внешнего по отношению к субъекту и деятельности**;

– компьютеры, техника;

– физиология, физиологические отправления и проявления;

– психические отклонения и странности.

В количественном отношении группы отнюдь не равны. Наиболее представительной оказалась группа контактов и связей. Поп-музыка, учеба, наркотики, сексуальная сфера, питье алкоголя, ситуативные состояния, компьютеры, физиология — достаточно представительны. Все прочие группы в количественном отношении незначительны.

Активность и представительность группы, как показатель, косвенным образом может служить свидетельством ее отношения к коммуникативному актуальному в сленге, к значимому его ядру, обусловленному и связанному с характером компенсаторности-вытеснения — как внутреннего, мотивиру-

ющего механизма представленной формы речи.

Расположение групп в отношении главной, ведущей группы, определяемой как ядро, по показателю значимой их представимости и „компенсаторной” природы значения каждой группы по отношению к общему, дает картину валентостных замещений и восполняющих механизмов субъекта сленга (под субъектом сленга следует понимать потенциального говорящего как носителя определенных и характерных вербальных привычек, моделей, пристрастий и ценностей представителей данной ментальной и субкультурной группы).

Активность и представительность группы «контакты и связи», по-видимому, отнюдь не случайна, однако прежде чем объявить или не объявить ее коммуникативным ядром (следует сразу оговорить, что не целостным, поскольку ее состав далеко не един и может быть далее дифференцирован), необходимо взглянуть на состав, значения и отношения групп друг к другу.

Группы коррелятивны, соотносимы друг с другом по внутренним показателям смысловых соответствий, и это одна из особенностей изучаемой парадигмосистемы, — коррелятивностью внутренней, неосознаваемой и часто весьма неожиданной для стороннего наблюдателя (позиция субъекта сленга не может и не могла бы при этом учитываться по целому ряду причин).

Определяемые в своем составе значения и отношения в группах выглядят следующим образом (при их выявлении учитывались номинативные, релятивные, оценочные и системоценностные, по возможности, показатели):

Поп-музыка. Дает проекцию системоценностных и поведенческих моделей, предоставляя возможность вхождения и социализации в молодежной среде, выступая, являясь средством ухода-противопоставления иносреде (родителей, старших, всех остальных). Отмечает в себе фамильярность, освоенность и непосредственность в отношении к называемым предметам, явлениям, возможен также налет неприятия чего-либо или кого-либо (из денотатов) для демонстрации собственной опытности, искушенности, наслышанности, пресыщения, информативной избыточности. Предполагает также демонстрацию близкого знакомства, способности дать оцен-

ку, осведомленности, ориентированности.

Представляет собой тем самым медиальность средового вхождения (включения) и может быть определена как инкорпоративный ценностный медиатив — как средство, способ реализации собственной средовой значимости (значимости в данной, своей среде, своей в ней необходимости и полноценности), будучи связана с категорией валоризации (как компенсация непризнания со стороны среды другого и общего — родителей, старших, общества).

К группе относятся, в частности, номинативы (даны в качестве иллюстрации, не полным списком): «АББА» /поп-группа/: баба, баобаб, жаба; АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ: Макар, Макар Андреевич; «БИТЛЗ»: — музыкант рок-группы «Битлз»: битл, битлак, битлюган, битлюк; «БОН ДЖОВИ» /рок-группа/: бонжи, Бон Жёванный, Боржоми; БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ /лидер рок-группы «Аквариум»/: БГ, Боб, Бог, Гребень; «ДЕТ ВОМИТ» /рок-группа DEATH VOMIT/: Дед вломит, Дед помер; „ИВАНУШКИ INTERNATIONAL” /поп-группа/: Болванушки International, Дубинушки International, Иванушки-дурачки, Иванцы, Кретиноушки International; МЕТАЛЛИСТ /любитель металлического рока/: металл, металлург, металлюга, пати; АККОРДЕОН: голенище, сапог; ГИТАРА: басуха /бас-гитара/, девушка, весло, доска /из цельного куска дерева/, лопата, обрубок /с укороченным грифом/; — акустическая: акустка, банка; ГРАМПЛАСТИНКА: винил, колесо, пласт, рекорд; ЗАПИСАТЬ / ЗАПИСЫВАТЬ /музыку/: нарулить, нарезать, писать; ИГРА /на музыкальном инструменте/: лабёж, лабня, полив; - в ресторане по заказу: карась, парнас; — на гитаре: запил, чёс; и т.п.

Учеба, работа, образование Дает представление о кусе, месте среды, более или менее постоянном в отношении своей к ней проекции. Обусловливает, предполагает демонстрацию умения приспособливаться, освоенности, знания адекватных к ней ценностей, своего в ней умения ориентироваться.

Системная ориентация; **локально-системный ориентив.**

АБИТУРИЕНТЫ: абита, абитень, абитура; БИБЛИОТЕКА: байбл, библио, библия, облбибл /областная/; ВОСПИТА-

ТЕЛЬНИЦА: воспитка, воспитуха, питка; ДВОЙКА /неудовлетворительная оценка/: бабан, банан, гусь, двойбан, двойной, кровать, напильник, параша, паяльник, утка, цара, цвайбан, цвайка, цыца, чекуша; ДИРЕКТОР /школы/: бабуля, дир, дирик, дирюга, дирюжник, диря, дуректор, дурик, хоз, хозяин, шеф; КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА: контра, контрабанда; ОТЛИЧНИК, зубрила /примерный ученик/: борода, ботан, ботаник, букварь, стилл, череп, чеснок; ПРОГУЛЯТЬ, пропустить урок; уйти с урока /без разрешения/: двигануть, загащить, задвинуть, закосить, свалить, сколоть, слинять, смочить, срыгнуть, срыть, давать ускорение, чухнуть; УЧИТЕЛЬСКАЯ /в школе/: дворянское гнездо, осиное гнездо, серпентарий; УЧИТЬ / ВЫУЧИТЬ УРОКИ /прилежно/: заниматься онализмом головного мозга, ботанеть, ботать, букварить, терзать букварь, дрочить, зарепиться, грызть кочерыжку науки, мозги массировать (насиловать); ШКОЛА: зона, казёнка, скул; ШПАРГАЛКА: шпага, шпора; — виды шпаргалок: бомба, гармошка; ЭКЗАМЕН: запара, исповедь, экзема; и т. д.

Семья, родители: демонстрация независимой от них зависимости, своей от них отдельности и несвязанности, претенциональности с их стороны (ролевая заявка связи); родители — то, что надо иметь, чтоб быть от них отдельно; жена — обуза, ребенок — отдельное существо, существо-физиологема (воспринимаемый с точки зрения его физиологических потребностей и проявлений).

Предполагает утверждение самости, являясь проекцией **эксистенционального (ролевого) изолятива**.

МАТЬ: мазер, маман, матрёна, маха, махан, паханка, ханочка; ЖЕНА, супруга: вайф (вайфа), паранджа, швабра; ОТЕЦ: батинок, ботинок, батон, дад, падре, папахен, папик, папоротник, пахан, предок, фазер (фазёр), хан; РЕБЁНОК: бебс, бэби (бейби), бэбиёнок, бэбик, бэбис, грызун, кинд, киндер, киндер-сюрприз, паскударик, пиплёнок, пукёныш, спиногрыз, чилд (чайлд), чилдран (чилдрен), шнурёнок; РОДИТЕЛИ: кости, начальство, олды, папаны, папики, парента, предки, пэренты (пэренсы, пренты), родаки, родяки, соседи, старцы, фазер-мазер, ханы, черепа, шнурки, шнуры.

Сексуальность. Предполагает со стороны говорящего в употреблении подчеркнуто-отстраненную незаинтересован-

ность, неангажированность, неучастие, с акцентом на внешнее, кинематику, двигательность (моторность) характерных для данной сферы действий и проявлений, представляя в своем значении и по отношению к субъекту **моторно-двигательный департитив**.

АБОРТ: разминирование, химчистка; **БЁДРА** /женские/: бедраж, корма, задний мост, окорока, станок; **БАБНИК**, любитель женщин: бабтист, клей, мальчик-колокольчик, трахальщик; **БЕРЕМЕННАЯ**: залётная, заряженная, женщина с бемолем; **БЮСТГАЛТЕР**: лифон, надгузник, наушники, шапочки для близнецов; **ГИНЕКОЛОГ** /врач/: ковырялка, работник органов; **ГОМОСЕКСУАЛИСТ**: голубарь, голубой, гома, гомик, гомусик, двустволка, половой демократ, додик, мужиковед, папа, педагог, педик, пэдэ, руслан, хали-гали, чебурашка /несовершеннолетний/; — активный: активист, Солидол Иванович, уважаемый; — пассивный, подвергшийся изнасилованию: обиженный, опущенный, петух, пидовка; **ГРУДЬ** /женская/: буфера /большая/, витрина, доки, литавры, логарифмы, сайзы, уши, шарик; **ГРУППОВОЙ СЕКС**: групповуха, хоровое пение, ромашка, фак-сейшен; **ДЕВСТВЕННОИЦА**: агу, витамин «Ц», запечатанная, целка, Клара Целкин, цилиндр необкатанный; и т. д.

Наркотики, наркомания. Представляют проекцию для носителя предметно-акционального мир, мира действий, предметов, состояний, в нем, для него и носителя актуальных (что делать, с чем делать и что испытывать, какие состояния переживать).

Группа представляет собой в этом отношении **акционально-предметный ориентатив**.

АБСТИНЕНТНЫЙ СИНДРОМ /наркотическое похмелье/: абстык, кумар, ломка (ломки), отходняк; — испытывать **АБСТИНЕНТНЫЙ СИНДРОМ**: колбасит /кого/, быть на кумаре, кумарит /кого/, ломаться; **АМПУЛА**: стекло, стекляшка; **АНАША**: дурбала, морковка, хэш, шала, шмаль; **АПТЕКА**: драга, драгстер (драгстор), калечная, калька, калюжная; **ВЕНА**: венник, веняк, кишка; — вскрыть / вскрывать себе **ВЕНЫ**: коцаться / покоцаться, полоскать (пописать) вены, попилиться, резаться; **ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ**: брюлики, галюн, глюк (глюки), глюкалово, мультики; **ГАЛЛЮЦИНИРОВАТЬ** /видеть галлюцина-

ции/: видеть брюлики, ловить / поймать глюки, глюковать; ГАШИШ: гаш, мацанка, план, пластилин, челим; ГЕРОИН: «г», гарри, гера, герасим, герыч, белый кайф, коричневый, китайский красный, белая леди, лошадь, мальчик, черный (коричневый) сахар; ДЕЛИТЬСЯ / ПОДЕЛИТЬСЯ /обычно — наркотиком/: греть / подогреть, попарить /кого/; ДИМЕДРОЛ: дима, димка; ДОЗА /наркотика/: вмазка, двига, дозняк; ДОПОЛНИТЬ ОСНОВНУЮ ДОЗУ НАРКОТИКА: догнаться, прибить, придавить; и т.д.

Средства передвижения, транспорт. Представляют собой функциональный и статусный дефинитив обладателя или пользователя, определяя его положение (что и кто — какое). Внешний вид, форма, характер, тип транспорта становятся средством распознавания и показателем, «лицом» своего владельца / пользователя, оболочкой, носителем его значимых и актуальных для говорящего (для среды молодежного сленга) свойств.

Функционально-статусный форматив.

АВТОБУС: буханка /ЛАЗ, УАЗ/, колбаса /двойной «Икарус»/, лоховоз, презерватив /»Мерседес» белого цвета/, сарай, скотовоз; АВТОМАШИНА /легковая/: кар, колёса, коробочка, кулебяка, лайба, тачка, телега; — старая, плохая: летающий диван, пончик, чух-пух; — милицейская: воронок, канарейка, луноход, ментовка, мусоровоз, синеглазка, упаковка, раковая шейка; — транспорт медвытрезвителя: воронок, хмелеуборочная, хмелеуборщик, цементовоз; — отдельные марки автомашин: «Ауди-100» — сигара; «BMW» — бомба, бумер, бэмвер; «Запорожец» — запор, мыльница, феррари; «Жигули» — жидули; «Мерседес» — мерс, мерзавец, мерин, мурзик; «Фольксваген» — коровка; АВТОСТОП /путешествие автостопом/: стоп, трасса, хич, хич-хайк (хитч-хайк); БИЛЕТ: вытирка, ксива, тикет; ЕХАТЬ /на автомашине/: колесовать, рулять; /на мотоцикле/: — быстро: копить, давать тону, топить; — на заднем колесе: давать дыбаря, вставать на козу, козлить; МОТОЦИКЛ: гроб, козёл, корыто, макака, мотайка, мотас, мотыч, пила, самокат, тачанка, тачка, телега; МОТОЦИКЛИСТ: байкер, рокер, щеня /молодой, начинающий/; ТАКСИ: кар, таксо, тачка, электричка; ТАКСИСТ: драйвер, мастер; ТРОЛЛЕЙБУС: привязанный, рогатка, рогатый, са-

рай, трали-вали; ШЛЕМ /у рокеров-мотоциклистов/: гермак, горшок, шлемак; ШОФЁР: водила, дальнобойщик /на дальних рейсах/, драйвер, ездюк, мазурик, чиф; ЭЛЕКТРИЧКА /электropоезд/: бичевоз, бригантина, лайнер, окурок.

Иностранцы, представители других национальностей (нерусские). Воспринимаются и предстают как разное, странное, необычное и смешное, как предметы, игрушки, ма-рионетки, предметы-картинки.

Предметно-развлекательный орнаментатив (колоризмы, функция *homo ludens*).

АЗИАТ /представитель народностей Средней Азии/: бас-мач, урюк, халат, чурка; АМЕРИКАНЕЦ /гражданин США/: америкос, стейс, штатник, юс; АМЕРИКАНСКИЙ: стейсовый, штатовский, штатский; ИНОСТРАНЕЦ: гамбургер, интура /собр./, турмалай, фирмач, фирмовой; ИТАЛЬЯНЕЦ: аллёр-рик, аллора, аллорец, аллорник, макарона, макаронина; КАВ-КАЗЕЦ: уголёк, хачик, чебурек, чернослив; НЕГР: черный болт, блэк, негатив, сажа, уголёк, чугун; ФИНН: турмалай, финик, чухонец; ЮГОСЛАВ: юг, южок; ЯПОНЕЦ: джапан, джэп; ЯПОНСКИЙ: джапановский, джапанский, джапэновый, самурайский.

Предметы одежды и внешнего вида, признаки внешности. Воспринимаются и предстают нередко как нечто глупо-«ненужное» (на другом или себе-«другом»), как то, что существует отдельно от своего носителя и одновременно характеризует его, как средство отождествления или разотождествления с собой и собой-другим. Предполагают возможность позволить себе что-нибудь этакое, что-нибудь лишнее, обнаружить привязанности, пристрастия, повывстав-ляться.

По своему значению группа может быть охарактеризована как **атрибутивно-оценочный (характеризующий) иденти-фикатив.**

АКСЕССУАР /мелкий/ как украшение, деталь экипировки, сувенир: мультка, прибамбасы, прибамбасики, фенечка, фень-ка, феня, фишка, фусечка, фуська, фуся, цацка; БРАСЛЕТ /у металлистов/: наворот, напульсник; БОТИНКИ, туфли: банты, гады /высокие, массивные/, гомоцы /модные/, колёса, копыта /на высокой платформе/, коры, коцы, чешки, шуз (шузы), шуз-

ня, шузняк; БУМАЖНИК: котлета, лопата; КАМУФЛЯЖ /костюм/: зеленка, комок; КЕПКА: аэродром, жириновка, плевок; КРОССОВКИ: бати, кроссы, сникерсы; ОДЕЖДА: дресс (дрессы), клозняк, клоуз, клосес, прикид, упаковка, шкура, шмотки, шмутъё. ОЧКИ: айзы, подфарники, слепотники, спектра; ДЛИННОВОЛОСЫЙ: битл, битлак, битлюган, волосатый, патлатый, хайрастый, хайратый, хэйравый; КУДРЯВЫЙ: вава, пушкарик; КУЛЬТУРИСТ: арнольд, бивень, брусок, брю, дутьш, кач, качок, квадрат, мясо, навороченный, пельмень, пузырь, рама, шварц; ЛЫСЫЙ, бритоголовый: головочлен, золотой, кудрявый, лысик, муходром, широкий пробор, светло-волосый, феликс; РАЗОДЕТЫЙ: навороченный, прикинутый, упакованный; и т. п.

Алкоголь, алкоголизм. Дает проекцию эмоциональной заинтересованности наблюдателя, его увлеченности, втянутости, участия и активности в действиях и состояниях другого, с оценкой и характеристикой проявлений того вовне; предполагает реакцию удовольствия наблюдать, подчеркивающего, актуализирующего некую зрительную и зрительскую витальность в субъекте.

Витально-эмоциональный наблюдательный агентив.

АЛКОГОЛИК: алик, бухларик, глюколов, дринкач, дринкер, изюм, политрук, политура, промокашка, синегал, синюга, синька, синяк, хроник; АЛКОГОЛИЧКА: буханка, синька, синячка; БЕЛАЯ ГОРЯЧКА: белка, белочка; БУТЫЛКА /спиртного/: банка, батл (баттл, ботл, боттл, ботла), баян, винт /с завинчивающейся пробкой/, лампочка, пузырь, снаряд, ствол, фаныч, штырь; — большая: огнетушитель, сабонис, фугас, фугаска, фуфырь; — литровая: бомбер, литрович; — поллитровая: бимбер, полбанки; — маленькая: малыш, раиска, Чебурашка; — пустая: корочки, обложка, покойник, пушнина, хрусталь; ВИНО: белинский /белое/, краска, краснота /красное/; — сухое: сухарь, сухач, сушняк; — низкого качества: бардюхан, гнилушка, рассыпуха, чемергес, шмурдяк; ВОДКА: белинский, трудная вода, водяра, газировка, бычий кайф, коленвал /некачественная/, косорыловка, синька, сникерс, чиниво; ВЫПИТЬ /спиртного/: боднуть, съездить в Бухару, приколоться по синей воде, вдеть, вмазать, встебужить,

выдринкать, выдринчать, газануть, дринкануть, дрынкнуть, кинуть под жабры, забодать, задринчить, заинтересоваться, засосать, закинуть кир, на лоб принять, махнуть, раскатать, раскатить, расписать, треснуть, ужалиться; **КОНЬЯК**: конина, конь; **ПЬЯНЫЙ**: под балдой, под банкой, бодун, бодунный, под бухом, горизонтальный, в состоянии готовальни, пьяный в дулло, ёж, заинтересованный, кирной, пьяный в корягу, на кочерге, кривой, пьяный в мясо, в нажоре, совершенно никакой, в отключе (в отключке), пьяный в педаль, подкачанный, глаза в пучок, рубероид, пьяный в рубероид, синий, удринченный; **СПИРТНОЕ**: бух, бухалово, бухло, кир, кирок, синее.

Представители власти и взаимодействие с ними.

Предполагают проекцию препятствия, опасности, неудобства; позицию силы и вредоносности, вызывая активно неприязненное к себе отношение со стороны субъекта — носителя сленга. Они — то, что следует избегать, куда не следует попадать, то, что обездвигивает, ограничивает, лишает свободы. Отношение (релятив) — настороженное, предупредительное, сигнальное, уныло констатирующее некую данную неизбежность.

Значение интенционально-сигнального дезадъектива.

АРЕСТ: винт, винтилово, вяз, вязалово, попадалово; **АРЕСТОВАТЬ / АРЕСТОВЫВАТЬ**, задержать / задерживать кого-л.: винтить / повинтить, свинтить, винтануть, вязать / повязать, замести, брать в менты, упаковать, хомутать / захомутать; **ДУБИНКА / милицейская**: черный болт, воспитатель, гуманизатор, демократизатор, наташка, татьяна; **ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ**: инкубатор, исправилровка; **КГБ**: комитет глубинного бурения, контора; **МИЛИЦИОНЕР**: бобмен, власть, гадмен, жаба, забрала (забрало), козлогвардеец, крокодил, мент, ментозавр, ментозаврик, ментура, мильтон, мусор, мусоргский, мусорок, полис, помидор, свисток, собачник, стервятник, хомут, хомутьё, цветной, шакал; **МИЛИЦИЯ**: контора, ментура, полис; — отделение милиции: берёза, легавка, ментура, мусарня, хомутская; **ОБЛАВА**: винт, винтилово, вязалово; **ПОМЕЩЕНИЕ**: — для задержанных в милиции: аквариум, обезьянник; **РАБОТНИК ГАИ**. гаишник: мастер (оператор) машинного доения, соловей; **ТАМОЖЕННИК**: стервятник, шмонала.

Коммуникация, взаимодействие, взаимные отношения, коммуникативные проекции и формы. Для них характерна высокая степень заинтересованности, участия и оценочности, активность, втянутость, значимость.

Значение данной группы можно определить как **акционально-ценностный (атрибутивно-оценочный) оператив**.

БОЛТАТЬ, пустословить: загружать. гнать (прогонять) телегу, (телеги), митрофанить; **БОЛТУН**: тележник, Троцкий, шептоник, якубович; **БИТЬ**, избивать кого-л.: гасить, делать, колоть, маздать, метелить, мочить, отоваривать, рихтовать, товарить, фэйсовать; **ВАЖНИЧАТЬ**, зазнаться / зазнаваться: депутата корчить, забургить, королиться, понты давить; **ВАЖНЫЙ**, высокого мнения о себе: выпендра, зю /о девушке/, пальцы веером, пендюк, сопли пузырем; **ВЕСЕЛИТЬ /публику/**: гнать веселуху, колбасить, корки (мочки) мочить; **ВЕСЕЛЬЧАК**: горбушник, кактус, оттяжник, пекарь, прехехе; **ВЕЧЕРИНКА**: буревестник, голливуд, гуделово, завис(ы), пати, разгуляево; **ВЗДОР**: — **ГОВОРИТЬ ВЗДОР**, ерунду: давить косяка, гнать (нести) пургу, гнать туфту (фуффло, фуфел), мозги пудрить (парить); **ВЛЮБИТЬСЯ**: зависнуть /на ком/, запасть /на кого/, расцвести, съехать /на ком/; **ВОЗРАЖАТЬ**, выступать против кого-л.: быковать, бычиться, возбухать, вякать, говорить в синкопу, хлеб крошить; **ВОСТОРГ**: балдѣж, улѣт; — междометное выражение восторга: абзац, классман, кобзон, ништяк, обсад, отпад, убой, улѣт, чума; **ВОСТОРГАТЬСЯ** чём-л.: затряхиваться, ходить кипятком, припереться, рубиться, входить в столбняк, тащиться, торчать, угорать, улетать, фанатеть, фигеть; **ГРУППИРОВКА**, группа. компания молодежи: база, кодла, кодяк, команда, мишпуха, сарафан, туса, тусовка, шара; — агрессивная: кодла, контора, моталка, шобла; **ГУЛЯТЬ / ПРОГУЛЯТЬСЯ**: бартыжать, проброситься, протусоваться, прошвырнуться, хиялять, шариться, шмендрять; **ДАТЬ**, отдать кому-л. что-л.: отписать, отсвинярить, отслюнить, отстегнуть; и т. д.

Не обладающие, лишенные, униженные, деминутивы. Представляют проекцию отношения нежелательности, снисходительного пренебрежения либо чего-то далекого чуждого низкого (статусного табу).

Значение можно определить как **негативный модуля-**

ТИВ.

БЕДНЫЙ /малоимущий, плохо обеспеченный материально/: беспрайсовник, беспрайсовый, ноль, нулевой, пустой, убитый; **БЕЗДОМНЫЙ**: бич, голошмяк; **БРОДЯЖНИЧАТЬ**, не иметь дома: бичевать, бомжить; **ДЕРЕВЕНСКИЙ ЖИТЕЛЬ**: кантри (кантры), кантрушник; **ПРОВИНЦИАЛ**: кантри, кантрушник, плуг, чмо; **ПРОВИНЦИЯ**, глушь: зажопинск, пырловка, пындровка; **ТОЛПА**: аул, коган, лом; **УНИЖЕННЫЙ**, морально опустившийся человек: задрочка, задроченный, чмо, чмошник.

Бизнес, деньги. Дают проекцию заинтересованности и участия.

Значение выводится как **оперативно-акциональный ориентатив.**

ВАЛЮТА: география, грецкие орехи, фура, цветник; **ДЕНЬГИ**: ахча, бабашки, бабки, бабульки, башельки, башли, бобы, ветер, воздух(и), деревяшки, деревянные /о рублях/, дрожжи, капуста, колы, лавэ, лавэшки, лангуста, мани, манька, металл, прайс, пятаки, сара, слёзы, солома, сольди, таньга, тити-мити, тугрики, филки, финаги, фисташки /крупные/, шайбочки, шкарёнки; **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**: дичка, карась, красненькая, тэн, тэнок, чирик, черепаха (деноминированных); **ДОЛЛАР(Ы) США**: бакс, грин, грюник, долларь, зелёные, капуста, унка /один доллар/; **ЗАРАБОТАТЬ / ЗАРАБАТЫВАТЬ /много/**: стругать бабульки (башельки) /настругать башелек, стричь капусту / настричь капусты, снимать, срубать; **ПЛАТИТЬ / ЗАПЛАТИТЬ кому-л.**: башлять / забашлять, разбашляться; **ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ /бизнесмен/**: бобёр, бык, крутой, пальцы веером; **ПРОДАТЬ что-л. /по высокой цене/**: впарить, втюхать, загнать, отшопить, толкнуть, фукнуть; **ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ**: полтонны, полштуки, пятак, пятихатка, пятихатник; **РАЗБОГАТЕТЬ**, получить прибыль: забуреть, навариться, (при)подняться; **РЫНОК**: барыка, туча; **СТО рублей**: горчичник, катька, рубль, стольник, стоха; **ФАРЦЕВАТЬ**: бомбить, уютожить; **ФАРЦОВЩИК**: мажор, уютюг; **ХОЗЯИН**, частный предприниматель: балабуз, бык, пивовар; и т.д.

Состояния внешнего, ситуативы объектов. Выступают как активно оценочные, интенсивно включенные, проявляя значения меры, степени действия и/или значимости по отно-

шению к субъекту, его проекциям, состояниям или действиям, как активно вторгающиеся, воздействующие на него релятивы.

Значение группы может быть определено как **ситуативно-количественный интерактив**.

БЕЗНАДЕЖНЫЙ: — безнадежное дело: безмазняк, глухарь; **БЕЗРАЗЛИЧНО**, всё равно кому-л.: до банки, по барабану, декаданс /кому/, монопенисуально, параллельно, по пистолету, пополам, по фигу (по фиг), по сараю, [сугубо] фиолетово; **БЕСПОЛЕЗНЫЙ**: безмазовый, без мазы; **БЕСПЛАТНЫЙ**: беспрайсовый, на халяву, халявный; **ВЕЗЁТ / ПОВЕЗЛО** кому-л.: масть идёт / пошла, пофартило; **ВСЁ В ПОРЯДКЕ**: ништяк, нормалёк, нормуль, ноу проблемз, всё пучок, в полном райте; **ИНТЕНСИВНО**: по полной программе, вчерняк; — делать / сделать что-л. **ИНТЕНСИВНО**, быстро: впиндюрить, закоцать, зафигачить / зафигачивать, менструачить; **КРАХ**: абзац, вилы, кончита, кранты, облом, оппаньки, палево, чума; — потерпеть **КРАХ**: обломаться, опуститься, прошариться; и т. п.

Компьютеры, техника. Обнаруживают и демонстративно подчеркивают знакомство, ориентированность, фамильярную осведомленность, привычность, искусственную опытность говорящего, предполагая снисходительную пренебрежительность по отношению к объектам номинативов. Данная группа себя проявляет как интенсивно компенсаторное средство, предполагая отменность приобщенности у говорящего, с обозначением *свой человек в системе, избранный, на короткой ноге с общим идолом-божеством*, большой знаток и эксперт в сложном деле, не всем доступном.

Значение может быть определено как **экспертно-ценностный медиатив**.

ВЕНТИЛЯТОР /в блоке питания компьютера/: жук, шуршун; **ВИНДОУС** /операционная система MS WINDOWS/: винды, виндюк, масдай (мастдай), мелкомягкие, окна, окноуз, окошки, ставни, стёкла, стекляшки, форточки; **ВИДЕОСИСТЕМА**: видак, видик, видюшник; **ВИНЧЕСТЕР** /жесткий диск компьютера/: веник, вентилятор, винт, жужулятор, хард; **ВИРУС** /компьютерный/: вирусяка, живность, жук, зверь; **ИГРА** /компьютерная/: бирюля, гама, гейма, груша, погамулька,

цаца; — игра-боевик: стрелялка, стрелялово; КЛАВИАТУРА: кея, клавиша; КЛАВИША, кнопка: батон, клавиша, педаль; — нажать / нажимать клавишу, кнопку: плюхнуться на кею, топтать (тискать) клавишу, клацнуть педалью; КОВРИК /для мыши/: крысодром, мышкодром, мышедром, подмышка, тряпка, тряпочка; КОМПЬЮТЕР /PC/: аппарат, бандура, банка, железка, комп, компик, компухтер, контупер, машина, писишка, писюк, псих, путер, тачка, цампутер; КСЕРОКОПИЯ — делать КСЕРОКОПИЮ.; ксерить, ксерачить / наксерачить, отксерачить; МАТЕРИНСКАЯ ПЛАТА /компьютера/: мамка, материнка, матрёшка; МЫШЬ /компьютерный манипулятор/: зверь, крыса, муся, мыша, мышатина, хвостатая; ПЕНТИУМ /компьютер IBM Pentium 586/: пентюх, пеньтюх, петух, петя; ПРИНТЕР: дрюкер, лазарь /лазерный/, печаталка, принтак, чепатор; СИДИ РОМ /CD ROM/: сидивёртка, сидишник, сидюк, сидюшник; ФАЙЛ: файлец, файлос, филе; и т.д.

Физиология, физиологические проявления характеризуются прежде всего своей интенсивностью, для них характерны задействованность, включенность, полнота отдачи, активность участия в почти всегда интенсивном действии, переживаемом состоянии, состоянии, воспринимаемом и переживаемом нередко как действие.

Значение можно определить как **акционально-агентностный интенсив**.

ВОШЬ: бэтээр, машка, мустанг, шаршики /мн./; ДЕФЕКАЦИЯ, об акте ДЕФЕКАЦИИ: (с)бросить бомбу, отложить личинку, принять от шефа факс; ЕДА, пища: баклан, берло, жор, жральня, жрачка, питашка, поедуха, рубон, хавка, хавчик, чифан, шамовка; ЕСТЬ / СЪЕСТЬ что-л., поесть чего-л.: бакланить, берлять, бомбить холодильник, друшлять, загрузиться, зажевать, итать, ударить по кишке, поштивать, хавать / захавать, похавать, схавать, схомячить, точить / заточить, харчеваться, храпать; ЖАЖДА, о ЖАЖДЕ: жаба гложет, жабры горят, сушняк, трубы горят; ЗАД, ягодицы: антифэйс, буль, бэк, бэксайд, верзоха, гаубица, корма, ленинские места, станок, телевизор; НОГА, ноги: заготовки, кегли, клешня, клюшка, кособланки /кривые/, пики, шасси; рука: весло, кегля, клешня, присоска, хенд; СИНЯК: финик, фингал; СПАТЬ:дохнуть, давить на массу, кочумать, слипать, фазить, хорька да-

вить; — хочется спать: плющит /кого/; СТОЛОВАЯ: бацилла, ништяковая, ништячка, ништячная, тошниловка; ТУАЛЕТ: ви- талик, дабл, джонсон, белое здание, Иван Иванович, нули, очко, рудник, северок /общественный/, сингл, междугородный телефон, толчок; — школьный: КПЗ, КПД, ромашка; и т. д.

И наконец, **психические отклонения, умственные не- достатки** и странности можно определить как **акционально- воздействующий результатив**. Для них характерно отно- шение получения, следствия, действия со стороны, откуда- то, как стихия, независимое от воли переживаемое состоя- ние.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА: дурка, креза (крэза), крезаторий, крезихауз, крезовник, крэйзер, крэзуха, сквореч- ник; СОЙТИ / СХОДИТЬ С УМА: башню сорвало (снесло, от- вернуло) /кому/, вальты прилетели (катят), двинуться, ехать / съехать, завернуться, клины ловить, крейза (крэза) катит, крезовать / крезануться, крыша съехала (поехала, течёт, по- текла), кукушка поехала, лыжи не едут /у кого/, офигеть, при- париться, шизануться, ширма поехала; СТРАННЫЙ: глюч- ный, задвинутый, крезовый, сюрный, шизовый; — о человеке: с гусями, дурик, с задвигами, с кукушкой, с прибабахом, с прихватом, с тараканами в голове, фанат; — что-л. СТРАН- НОЕ: креза, шиза; СУМАСШЕДШИЙ: двинутый, дурик, задви- нутый, крезанутый, креси /крэйзи/, крезовник, шиза, шизану- тый, шизик, шизо.

Корреляции групп, парадигматические их связи и соот- ношения заключены, проявляют себя в обозначенных и вы- веденных категориальных значениях. Отношения в парах вы- страиваются по типу взаимной соотносительной дополни- тельности, по типу дихотомии левого-правого, группируясь по видам компенсаторности-замещения от некоего скрытого, но осязаемого центра, который определяется, видимо, отноше- нием, актуализируемым в группе **музыка-поп** и отчасти **ком- пьютеры** и связанном с идеей признания / непризнания, утверждения собственной значимой ценности через внутрен- не отрицаемое, отвергаемое неприятие, отторжение, уход от другого.

Активность, представленность группы **коммуникация и взаимоотношения**, большое число и множественность осно-

ваний ее составляющих, можно рассматривать как следствие, результат ее деятельностной проективности в отношении «я» субъекта. Во взаимодействиях, в отношениях в группе, в своей среде реализует носитель сленга внутреннее ядро, свою ценность. Ядро его, тем самым, по своему характеру, коммуникативно, тем самым, не самодостаточно, не защищённо, оно открыто и требует, ищет, предполагает поддержку со стороны, в своей среде и внутри среды, среди ее представителей, во взаимодействии и в отношениях с ними.

Группа **коммуникация и взаимоотношения** коррелирует с группой **состояния внешнего, ситуативы** по показателю, основанию *реализация / (не) способствование* к проявлению и проекции «я»-ядра, в отношении внутреннее, субъектное, и внешнее, или объектное, воздействующая и испытывающая воздействие сферы деятельности.

Парадигматична пара **наркотики, наркомания и учеба, работа, образование**: акционально-предметный и локально-системный ориентатив. Первое (наркомания и наркотики) — представляет поле активно направленной и ориентированно заместительной деятельности, едва ли не как основной. Второе (учеба, образование) — дает проекцию умения и способности к овладению социальным местом, ведущей функцией и внешне-внутренней, контагиозной, связанной с действиями и проявлениями субъекта в системе, становясь, тем самым, средством инициации и аттестации «я» в коллективе, средством проверки его умения и достоинств.

Группа **поп-музыка** коррелирует к группе **семья, родители** по показателю инкорпоратива / изолятива. Первое — то, что средство и медиатор вхождения, набор моделей и форм к подражанию, принятию и заимствованию. Второе — то, что должно быть и есть, но в чем находясь, необходимо противопоставлять себя этому, отрицать, демонстрировать свою независимость, отдельность и изолированность, активно не принимать навязываемые модели и формы.

По показателю внешнее и движение, моторика и форматив образуют пару группы **сексуальная сфера и средства передвижения, транспорт**. Пару по показателю эмоциональный департитив и заинтересованная эмоциональная витальность участника как наблюдателя образуют

группы **сексуальность** и **алкоголизм, питье алкоголя**. Коррелятивны группы **предметы одежды, внешность** и **иностранцы и инородцы** по показателю внешнее яркое, предметность, идентификатив. Соотносимы группы **бизнес, деньги** и **деминутивы, лишенные**, обнаруживая при этом одно-временно связь, отношение к субъектной сфере — как внешнее, противопоставленное субъекту сленга и не свое. Соотносимы **физиология** и **психические недостатки и отклонения** — по показателям результата, акциональности и воздействия, интенсива участия и стихийности.

Простая схема взаимодействия групп, концентрирующихся вокруг своего ядра, коммуникативно-номинативного по своей формальной природе, могла бы выглядеть, без учета оттенков, следующим образом:

I. Сфера реализации (основная):

1. Деятельностная самореализация:

родители и семья (значение начинательности и отделения-изолятива) // **поп-музыка** (включение и реализация ценности) — **компьютеры** (отмеченность приобщения).

2. Ориентированно деятельностная активность:

учеба, образование и работа (системные место и функции, инициация, проявление способностей, приспособляемость) // **наркомания и наркотики** (предметно-акциональный мир).

3. Условия проявления:

коммуникация, взаимодействие и взаимные отношения в группе (значимый способ действия-проявления) — **состояния внешнего и ситуативы объектов** (сфера способствования / неспособствования и обстоятельств).

II. Сфера позиции наблюдателя-идентификатора, участника / неучастника:

1. Эмоциональность, витальность / двигательная моторность:

алкоголизм и питье алкоголя // **сексуальная сфера**.

2. Форма-статус; отождествление / разотождествление; колорит:

средства передвижения, транспорт — **одежда и внешний вид** — **инородцы и иностранцы**.

3. Внешнее несвое: избегаемое, не принимаемое, невоз-

можное либо не достижимое для себя:

не имеющие, лишенные (деминутивы); бизнес, деньги, предприниматели.

III. Сфера сменяемых напряженности / расслабления, смены тона, оттенков, фона, интенсивная и активно задействуемая:

физиология, физиологические отправления; психические отклонения и странности.

IV. Сигнальная сфера активного неприятия как ограничения и препятствия, сфера носителя вредоносной силы:

представители власти (милиция и таможня).

Представленная парадигмосистема не претендует на единичность, отражая, передавая, возможно, одну, внутри молодежного сленга, позицию. Позиционная множественность, как свойство любого сленга и всякого маргинального, при разностороннем и более пристальном к слову, его семантике, отношении позволит раскрыть некий подсознательный, неосознаваемый носителями (и неносителями) субкультурный слой, скрываемый во всяком акте коммуникации, как маргинальном, так и немаргинальном, в смысловом своем отношении, по-видимому, различный, но *позиционном* и *компенсаторном*, хотя и по-разному, почти всегда.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме «языковой картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. — М., 1988.

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 1993. Вып. 25 : Проблемы культуры речи.

Грачев М. А., Гуров А. И. Словарь молодежных сленгов. — Горький, 1989.

Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4.

Елистратов В. С. Арго и культура // Елистратов В. С. Словарь московского арго. — М., 1984.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми вы все встречались : толковый слов. рус. общего жаргона. — М. :

Азбуковник, 1999.

Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона // Russistik. 1994. № 1-2.

Иванов Вяч. Вс. О языке как модели мира // Интеллектуальные процессы и их моделирование. — М., 1987. С. 142—153.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., 1976.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.

Караулов Ю. Н. [и др.] Русский ассоциативный словарь. — М., 1994.

Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. 1993. № 2.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке. — М., 1990.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — М., 1994.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. С. 16-22.

Никитина Т. Г. Так говорит молодежь : словарь молодежного сленга. — СПб., 1998.

Психолингвистические проблемы семантики. — М., 1983.

Роль человеческого фактора в языке. — М., 1988.

РСС = Русский семантический словарь : толковый слов., систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 1998.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / под ред. Е.А.Земской. — М., 1996.

Словарь молодежного жаргона / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж, 1992.

Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. — Вологда, 1971.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М., 1990.

Язык и когнитивная деятельность. — М., 1989.

SPP = Anusiewicz J., Skawiński J. Słownik polszczyzny potocznej. — W-wa ; Wrocław, 1996.

SEP = Dąbrowska A. Słownik eufemizmów polskich. — W-wa, 1998.

SPPiW = Grochowski M. Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów. — W-wa, 1995.

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.07; 11.15.89

Код ВАК 10.02.19

Н. М. Чудакова

НижнийТагил, Россия

АВГУСТ 1991-ГО: КОГДА ЗАТИХ ВЕТЕР, НАЧАЛСЯ СПЕКТАКЛЬ

АННОТАЦИЯ. *Анализируется динамика метафорического представления провала путча ГКЧП в дискурсе СМИ 1991—2011 гг. Демонстрируется смена ключевой метафоры на театральную с отрицательным оценочным вектором, подробно описана структура метафорического представления путча ГКЧП как спектакля.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая метафора; ГКЧП; дискурс СМИ; метафорическая парадигма; ключевая метафора.*

N.M. Chudakova

Nizhny Tagil, Russia

AUGUST OF 1991: WHEN THE WIND DIED DOWN, THE SHOW BEGAN

ABSTRACT. *Dynamics of metaphorical representation of the failure of putsch of the State Committee on the State of Emergency (SCSE) in Mass Media discourse of 1991-2011 is analyzed. Change of the key metaphor to theatrical one with the negative evaluative vector is shown; structure of metaphorical representation of the SCSE putsch as a theatrical show is presented.*

KEY WORDS: *political metaphor; State Committee on the State of Emergency; Mass Media discourse; metaphorical paradigm; key metaphor.*

19 августа исполнилось двадцать лет августовскому путчу. Попытка ряда первых лиц СССР, образовавших Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), не допустить развала Советского Союза имела обратный эффект. На обломках советской империи образовалось множество независимых государств, каждое из которых выбрало

свой путь развития.

Эффективным инструментом для постижения и оценки того, что происходило с нашим обществом в тот период, становится политическая метафора: «В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание» [Будаев, Чудинов 2010: 30].

Двадцать лет с этапного момента нашей истории. Двадцать лет — целая эпоха: изменения, произошедшие в России за это время, привели к изменениям в оценке и восприятии данного события: «Мир меняется, а потому меняются и наши когниции мира, и модусы самопонимания» [Демьянков 1994: 25]. Динамика — одна из доминант метафорической картины мира в дискурсе СМИ, в том числе и электронных. Мы уже говорили о существовании двух видов динамических изменений, а именно: смене самой метафорической парадигмы и смене ее эмоциональной, оценочной составляющей. Смена собственно метафорической парадигмы может проявляться по-разному. Во-первых, возможно замещение ключевой метафоры эпохи; во-вторых, насыщение дискурса СМИ новыми, значимыми для данного политического периода метафорами; в-третьих, самоограничение, свертывание некоторых утративших свою актуальность метафор, и, наконец, возможна переактуализация «старых» метафор, уже бывших в употреблении, но получивших в новых условиях существования дополнительные смысловые и эмоциональные наслоения. Существенное влияние на данные процессы оказывают изменения в политическом устройстве государства, социальные установки, определенные обществом на данном этапе развития, а также пристрастие автора текста, его языковой вкус и лингвистический опыт [Чудакова 2006].

Сравнительный анализ метафорической репрезентации августовского путча 1991 г. в текстах СМИ того времени и сегодняшних позволяет говорить о смене ключевой метафоры в представлении данного события. Так, в начале 90-х гг. XX в. россияне считали, что путч провалился из-за сопротивления народа и российских властей во главе с Борисом Ельциным; победа над путчистами воспринималась как «победа демо-

кратической революции»: ПОБЕДА НАД ПУТЧЕМ — ЭТО ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕТРА ПЕРЕМЕН, ВЕТРА СВОБОДЫ, ВЕТРА РЕВОЛЮЦИИ. В процессе метафоризации актуализировались в основном общекультурные смыслы концептов (воздух — это свобода, ветер — это живое дыхание): *ветер перемен, свежий ветер, легкий романтический ветер, животворящий воздух свободы, воздух Свободы и Человеческого Достоинства* и т. д. Ср.: **Ветер перемен в те августовские дни 91-го года захлестнул практически всех** (Св. Верещагина); *Нам казалось, мы одержали первую демократическую победу, ведь на дворе дул ветер перемен начала 90-х* (Л. Огородникова); *Советское общество легко поддавалось соблазну перемен, которые нес легкий романтический ветер августа 1991 года* (А. Рябов).

Однако по прошествии двадцати лет оценка событий августа 1991 г. существенно изменилась. Это связано, с одной стороны, с тем, что августовские события постепенно стираются из памяти россиян: как показал опрос ВЦИОМ, проведенный в преддверие двадцатилетия путча, сейчас большинство граждан (68—72 %) уже не помнит участников тех событий. По сравнению с 1994 г. сегодня оценку действиям ГКЧП затрудняются дать вдвое больше россиян (13 % против 26 %). При этом относительное большинство полагает, что это был просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны (41 %). Каждый четвертый опрошенный согласен с мнением, что это трагическое событие, имевшее губительные последствия для страны (25 %). Победой демократической революции, покончившей с властью КПСС, события 20-летней давности считает каждый десятый респондент (9 %) (Шишлин Вл. «Лебединое озеро» 20 лет назад).

С другой стороны, как считает С. Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», «...к светлым воспоминаниям примешивается чувство горечи от осознания того факта, что надежды миллионов людей обернулись жестокими разочарованиями. ... Всплеск народного самосознания был быстро сбит целой серией страшных ударов — развалом СССР, рыночной „шоковой терапией“, а потом еще и черным октябрем 93-го, надолго повергшим общество в политическую апатию» [Миронов]. Яркий антропоморфный образ разочарования от

полученной свободы СВОБОДА — ЭТО УРОДЛИВАЯ СОСЕДКА ПО КОММУНАЛЬНОЙ КУХНЕ создал Дмитрий Терехов: *Свобода эта только первые 3 дня в 1991 году казалась нам ангелом неземной красоты. Со временем она стала быстро стариться, вся обрюзгла, заплешивела, у неё, милешки, образовался крючковатый нос, прыщи и изо рта стало мерзко пахнуть. Словом, она всё больше напоминала сварливую и злобную соседку на коммунальной кухне, которая любит портить чужие щи на общей плите. Впрочем, так же как и соседку по кухне, мы её сами не выбирали. Она сама пришла и упала в наши объятия в конце августа 1991 года. Так вот и носим до сих пор...* [Терехов].

В результате метафоры *ветра* и *воздуха* теряют свою актуальность, происходит их постепенное свертывание в дискурсе и замещение концептом «сквозняк», основная прагматическая задача которого — предупредить о том, что стоит опасаться явлений, приводящих к неприятным последствиям. Эмотивным противопоставлением концептов «ветер» — «сквозняк» в дискурсе СМИ создается и актуализируется ценностная бинарная оппозиция «надежда — разочарование». Ср.: *О том, что власть в стране могут захватить люди в погонах, заговорили с того дня, как подул „свежий ветер перемен“, оказавшийся банальным сквозняком* (Н. Поросков); *От ветра демократических перемен, который пришел в Россию в 1991-м, сегодня почти ничего не осталось* ([http](http://)); *Свежий ветер, это, к сожалению, то, что можем создавать мы сами в большом количестве. Большого количества людей, способных этот ветер создать, пока не наблюдается. Вот в 90-е их было достаточно большое количество* (И. Ермоленко: [http](http://)).

На основании анализа дискурса электронных СМИ 2010—2011 гг. нами была определена доминантная метафорическая модель, актуализированная для осмысления событий августа 1991 года: ПУТЧ 1991 — ЭТО ЗРЕЛИЩЕ/СПЕКТАКЛЬ.

Понятие спектакля нуждается в описании его основных характеристик, что позволит структурировать данное понятие, а затем представить его фреймово-слотовую организацию:

- зрелищность;
- разделение сценического и зрительского пространства;
- актерская работа;
- режиссерская работа / авторское начало;
- сюжет пьесы / замысел;
- костюмы;
- декорации;
- посещаемость;
- культурная компетентность зрителей;
- симпатии зрителей и др.

Кроме того, русский реалистический театр всегда утверждал приоритет сопереживания и эмоциональной целостности в восприятии спектакля, который создавался благодаря глубине и психологизму происходящего на сцене.

Квинтэссенция спектакля проявляет себя при описании политических событий в СМИ, однако имеет совершенно другие цели — это может быть не только и не столько желание осознать происходящее, обозначить свою позицию, сколько желание манипулировать общественным сознанием, стремление к сознательному управлению бессознательными импульсами толпы. Вот первое, что объединяет спектакль и политику, — *появившийся образ не самостоятелен, им управляют, его создают.*

«Пьеса — это конструкция мира, в котором мы живем, в восприятии человека ..., находящегося в состоянии шаткого равновесия между жизнью и смертью, нормой и патологией...», — отметил А. Е. Строганов, один из ярких современных драматургов России. Сегодня кризис 1991 г. в восприятии обычного человека — это особый спектакль, типизированная модель которого выглядит следующим образом.

ФРЕЙМ 1. ВИДЫ ЗРЕЛИЩА / ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Фрейм достаточно детализирован: *спектакль, карнавал, маскарад, фарс, оперетта, пьеска, самодеятельность, сериал* и др. Метафоры данного фрейма являются доминантными и продуктивными: ***Три дня 19-21 августа — это самая чёрная дата русского календаря за весь XX век. Дата чудовищного предательства, обмана, трусости, подлости и низости! Дни спектакля, под названием ГКЧП***

[Терехов]; У меня уверенность на 90 %, что ГКЧП — часть спектакля. Ни одной серьезной фигуры и **слишком много деталей, указывающих на инсценировку** (<http>); ...три дня в августе 1991 года стали представляться то ли **карнавалом**, то ли одним из вариантов „оранжевых“ революций [Серова]; ...началось все красиво, но из-за нерешительности высшего руководства ГКЧП превратился в **спектакль** (В. Жириновский); Как бы ни были **потешны** предстоящие выборы и как бы нас ни **веселили политическими спектаклями**, будущая судьба России настолько тревожна, что мы должны будем рассматривать выборы как нравственную консолидацию всех людей России [Миронов]; Все, кто говорит, что это **опереточная постановка, что это все было несерьезно и смешно**, — они не правы [Бурбулис]; Да и вообще в реальности путча не было. Странные события в Москве 19—21 августа можно назвать **фарсом, опереттой**, чем угодно, но не попыткой государственного переворота [Комарицын]; Это политическая провокация, которая поставила под удар и страну, и партию. И добавил, что больше не собираюсь участвовать в **этом маскараде и ухажу** [Проханов] и т. д.

Общий семантический компонент данных метафорических выражений — ‘игра на зрителя, безудержная и нередко наигранная веселость, неестественность и лживость происходящего’, часто поддерживаемый атрибутивными словами: **спектакль грязный, бездарный, иезуитский, заранее спланированный** и др. Ср.: **Весь этот фарс с ГКЧП представляется каким-то грязным спектаклем, даже, может быть, каким-то ритуальным действием, предназначенным для прикрытия истинной цели, давно спланированной по индонезийской модели 1965 года, по разгрому партии и власти; Да, ГКЧП оказался бездарным спектаклем, возможно, даже и специально спровоцированным с известным заранее исходом** (<http>); Неужели до сих пор не ясно, что это был **фарс, иезуитский спектакль, поставленный для того, чтобы мы своими руками/Душами „задушили гадину“** (<http>) и т. д.

ФРЕЙМ 2. НАЗВАНИЕ ПЬЕСЫ

Три дня в августе, Путч, ГКЧП (<http>) — в названиях со-

держится нейтральная констатация факта. Сочетание «*Три дня в августе*» апеллирует к известному фильму Е. Киселева 1992 г.

ФРЕЙМ 3. РАБОТНИКИ ТЕАТРА

Слот 1. Режиссер / сценарист / кукловод / продюсер

А кто же режиссер-то? А продюсер кто? Главреж Горбачёв, второй режиссёр Ельцин; от ГКЧП осталось ощущение, что актеры понесли отсебятину. Так что режиссер-то хреноватенький был ([http](#)); Видимо, он <Луго>, занимаясь несколько лет делами партийного контроля и будучи по совместительству министром внутренних дел СССР, обладал некой информацией, которая делала его крайне опасным для **истинных режиссеров ГКЧП** [Завтра]; **ГКЧП — сценарий, написанный американцами с целью уничтожить СССР** ([http](#)); **Актеры и режиссеры...** С актерами все понятно, но **режиссеры выписали и провели спектакль** (этот спектакль — всего лишь часть сериала) **качественно, с учетом психологии масс того периода, и — результат достигнут** ([http](#)); **Пьеска „Три дня в августе“, написанная Горбачевым и исполненная подобранными им актерами из ГКЧП и сторонников выпестованного Горби мужественным борцом ЕБН, была лишь ФИНАЛОМ самой успешной (после Солидарности в Польше) ЦВЕТНОЙ революции** ([http](#)); **КПСС легко уступила власть, устроив спектакль ГКЧП в августе 1991 г., который должен был лишь имитировать борьбу** ([http](#)); **ГКЧП был хитро срежиссирован, чтобы окончательно добить КПСС и не дать провести ревизию партийной кассы. Когда склад пустой, его поджигают. История СССР-России последних 20 лет развивается по тщательно разработанному сценарию ЦРУ** ([http](#)); **Иные считают, что „кукловодом“ был сам Михаил Сергеевич** [Проханов] и т. д.

Отметим, что в основе специфической роли, которую играет политическая метафора в общественно-политической жизни, лежит противопоставление метафорического объекта и метафорического образа: это могут быть две прямо противоположные точки. Подобное противопоставление таит в себе заданную определенным адресантом точку зрения: так, в

качестве руководителей, создателей ГКЧП называются М. Горбачев, Б. Ельцин, КПСС, американцы, ЦРУ.

Слот 2. Актеры и роли

(актеры, массовка, роли героя и злодея, статисты)

ГКЧП был спектаклем. Хотя, похоже, с неожиданным для самих актеров концом: их использовали „втемную“ (http); Вы будете настаивать, что массовка остановила армию? ... армию тоже как массовку использовали. Просто армия про это не знала (http); Понятно, что и армия, и милиция участвовали в событиях ГКЧП, поскольку и Язов, и Пуго были его членами, но, скорее, как „массовка“, создавали необходимые декорации. А режиссёры находились тогда в нашем ведомстве. Сейчас все больше тех, кто считает как сам „путч“, так и „победу над ним“ всего лишь заведомым фарсом, инсценировкой, спектаклем для публики, разыгранным лидерами „новой демократической“ России. Спектаклем, в котором все роли были заранее predeterminedены: роль „освободителя“ играл Ельцин и его окружение, членам ГКЧП досталась роль „коллективного злодея“, а народным массам отводилась самая незавидная роль — безвольных статистов и пассивных зрителей (http) и т. д.

В качестве метафорических наименований для политических лидеров были выбраны общепринятые амплуа героя и злодея. Сценические функции амплуа героя-освободителя заключаются в преодолении драматических препятствий в самых разных планах — самоотвержения, патетики, — что вполне соответствует, например, выступлению Б. Ельцина на танке.

Слот 3. Оценка замысла и исполнения

ГКЧП — блестящая инсценировка; Это был огромный политический спектакль, который не только полностью овладел сознанием „зрителей“ во время самой акции, но и создал условия для длительной последующей программы манипуляции сознанием (http); Попытки ГКЧП и его представителей совершить путч изначально не могли завершиться успехом. Мне кажется, все эти действия — заранее подготовленный сценарий, который несколько

небрежно, но все же был разыгран. Кто был в этом замешан? Наверное, Горбачев и Ельцин (Вл. Пузий); „Замысел хороший, исполнение убогое“. Такую оценку доводилось слышать в преддверии 20-й годовщины августовского путча. Одни этой фразой характеризуют действия путчистов, а другие — тех, кто отвоевал ростки демократии и не сумел вырастить из них дерево (http) и т. д.

ФРЕЙМ 4. ЗРИТЕЛИ

Как ни обидно, но всё было спланировано за „бугром“, а мы лишь зрители. Развалили великую страну, и теперь мы независимы на радость партнёрам, друзьям и т. п. Истинных героев покажет время... (http).

Взаимодействие театра и зрителя есть активное взаимодействие, однако зрители (народные массы) не являлись активными участниками спектакля-зрелища — такова оценка современных СМИ.

ФРЕЙМ 5. ОФОРМЛЕНИЕ, ДЕКОРАЦИИ

Хотя спектакль под названием „ПУТЧ“ был поставлен на уровне колхозной самодеятельности, но элементы оформления на сцене присутствовали в виде танков, бэтээров, автоматчиков и организованной массовки — „возмущенного народа“. А главное, была настоящая кровь (http).

Таким образом, на базе метафорической модели ПУТЧ 1991 — это ЗРЕЛИЩЕ / СПЕКТАКЛЬ можно представить следующий когнитивный сценарий: события августа 1991 г. были неискренними, фальшивыми, заранее спланированными либо М. Горбачевым, Б. Ельциным, КПСС, либо американцами, ЦРУ. Б. Ельцин играл роль героя-освободителя, а основные исполнители (участники ГКЧП: Б. Пуго, Г. Янаев, Вл. Крючков, Дм. Язов, В. Стародубцев, В. Павлов, А. Тизяков, О. Бакланов) — роль коллективного злодея. Роль массовки, сами того не подозревая, выполняли народные массы и армия. Последствия, к которым привели либо сам путч, либо его подавление, оказались губительными для страны.

Так театральные метафоры, выявляя и гротескно усиливая явления и процессы, произошедшие в нашем обществе

20 лет назад, представляют сегодняшнее восприятие тех событий. В данном случае речь идет о динамичности не только внешней, но и внутренней: создаваемые метафорами образы, выполняя роль документального свидетельства, функционируют в дискурсе «настоящего», но вместе с тем полны памяти о предшествующем и предсказанием будущего.

Для осмысления событий двадцатилетней давности дискурс современных СМИ, в том числе и электронных, использует целый спектр метафор уже из других областей-источников. Это метафоры *техногенных катастроф*: ПУТЧ 1991 — это **ЧЕРНОБЫЛЬ** (*Путч 1991 года стал политическим Чернобылем советской тоталитарной системы* [Бурбулис]) — акцентируются семы «трагедия», «катастрофа»; *милитарные* метафоры: ПУТЧ 1991 — это **РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА** (*...в некотором смысле события 1991 года можно назвать жесточайшей религиозной войной* [Бурбулис]) — акцентируются семы «страх», «страдания», «смерть», «насилие», «горе»; *метафоры боев без правил*: ПУТЧ 1991 — это **ДРАКА** (*Стародубцев также разубеждает, что СССР был потерян в результате „драки Горбачева с Ельциным“; Сейчас 43 % россиян, по опросам социологов, считают, что путч был всего лишь банальной дракой в верхах за власть <<http://www.ntv.ru/novosti>>*) — акцентируются семы «агрессия», «бессмысленность»; *морбиальные* метафоры: **ГКЧП** — это **АГОНИЯ** (*Одни считают сам факт создания Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) агонией режима* [Серова]; *Заговор провалился, но даже если бы тогда власть осталась у путчистов, вряд ли они смогли сохранить страну — лишь продлить агонию* [<http://www.ntv.ru/novosti>]; *Путч — это была последняя импульсивная реакция, но она была провальна* [И. Бунин]) — акцентируется сема «смерть»; *сказочные* метафоры: **ГКЧП** — это **ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ** (*ГКЧП было змеем об очень многих головах, и эти головы сами себя грызли* <А. Невзоров>) — акцентируются семы «зло», «насилие»; *механистические* метафоры: СССР В АВГУСТЕ 1991 — это **БЕЗНАДЕЖНО СЛОМАННЫЙ МЕХАНИЗМ**, а **ГКЧП** — это **НАРОДНЫЙ УМЕЛЕЦ** (*Чрезвычайный комитет пытался закрутить гайки у безнадежно сломанного механизма; ...Они, вероятно, ду-*

мали, что можно остановить развал экономики, междуусобицу на Кавказе и бегство прибалтийских республик, если **потуже закрутить гайки** [Р. Соболев] — акцентируются периферийные семы «сожаление», «небрежное отношение»; **музыкальные метафоры**: СССР В АВГУСТЕ 1991 — это РАЗЛАДИВШИЙСЯ ОРКЕСТР (*К моменту начала путча страна походила на **разладившийся оркестр. Дирижерскую палочку все игнорировали.** Казалось, борьба идет за нее — ведь от того, в чьих она руках, во многом зависит репертуар и звучание оркестра* <А. Волнов>) — акцентируются семы «фальшь», «провал»; **артефактные метафоры**: ГКЧП — это СПИЧКА НА ПОЖАРЕ (***Не хватало только спички, чтобы вспыхнул пожар. И такой спичкой стал Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), созданный в августе 1991 года*** [Проханов]) — акцентируется сема «причина пожара» и др.

В заключение отметим, что политические метафоры актуализируют те черты политического события, которым приписывается смысловая доминанта: путч 1991 г. сквозь призму метафор *ветра* и *воздуха* начала 90-х — свобода, сквозь призму *театральных* метафор 2011 г. — фальшь и обман. Несмотря на то что подобная актуализация достаточно условна и во многом определяется политическими пристрастиями адресанта, отметим, что все рассмотренные нами разнообразные контексты объединяются общей негативной оценкой произошедшего в августе 1991 г.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2010. С. 29-35.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

Чудакова Н. М. К вопросу о трансформации метафорической картины мира в дискурсе СМИ // Языковая личность — текст —

дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. (Самара, 3-5 окт. 2006 г.). — Самара, 2006. Ч. 2. С. 42-47.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

Август 1991-го глазами путчистов и их противников: кто виноват и что было бы в случае победы ГКЧП. URL: <http://www.newsru.com/russia/19aug2011/20putch.html>.

Юрий Баранчик: диагноз — «политика сдач» — поставлен верно. URL: <http://www.iarex.ru/articles/15986.html>.

Геннадий Бурбулис: «Распад СССР — моя личная трагедия». URL: <http://www.iarex.ru/news/18686.html>.

Вести. URL: <http://www.vesti.ru/doc>.

Вышенков Е. 20 лет со смерти СССР. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/08/18/059/>.

ГКЧП как провокация. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Falternathistory.org.ua%2Fgkchp-kak-provokatsiya&text>.

Главное и подробности. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/08/18/615707-glavnoe-i-podrobnosti.html>.

Желтов О. «Цунами-23», или «Государственный комитет по чрезвычайному положению (в миниатюре)», или «déjà vécu («уже пережитое»)»? URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url>.

Комарицын С. Гибель империи. URL: <http://www.gornovosti.ru/tema/history/gibel-imperii.htm>.

«Лебединое озеро» 20 лет назад. URL: <http://www.interfax.ru/politics/txt.asp?id=204189>.

Миронов С. Август 91-го: 20 лет спустя. Надежды, обернувшиеся разочарованиями. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/08/18/focus/562949981289071>.

Петров Н. СМИ: От путчистов ждали террора. URL: www.utro.ru/articles/2011/08/19/993182.shtml.

Предчувствие путча. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2011/08/17/615338-predchuvstvie-putcha.html>.

Проигранное будущее России: 20-летие. URL:

<http://www.nakanune.ru/articles/15684/>.

Проханов А. ГКЧП С ДВОЙНЫМ ДНОМ. Политическая ловушка, уничтожившая Советский Союз? URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url>.

Путч 20 лет спустя глазами очевидцев. URL: <http://www.baltinfo.ru/2011/08/18/Putch-20-let-spustya-Glazami-ochevidtcev-223606>.

Пятый канал. URL: <http://5-tv.ru/video>.

Серова Н. Двадцать лет без «совка». URL: <http://utro.ru/peredovica/>.

События августа 1991 года назвали «религиозной войной». URL: <http://www.iarex.ru/news/18683.html>.

СССР: О событиях августа 1991 года двадцать лет спустя. URL:

<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.great-country.ru>.

Терехов Дм. Чёрная дата русского календаря. URL: http://www.ruskline.ru/analitika/2011/08/23/chyornaya_data_russkogo_kalendarya/.

Труд. URL: http://www.trud.ru/article/19-08-2011/266594_pervyj_den_bylo_strashno_a_potom_smeshno.html.

«Эсер»: СССР не был обречен на распад. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/08/19/881017.html>.

20 лет назад в Москве начался путч. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/236713/>.

Polit Online. URL: <http://www.politonline.ru/ventilyator/9056.html>.

URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IZwfqHOrMjEJ:avmalgin.livejournal.com>.

URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:MoICeCv26NIJ:www.uralpressa.ru>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Будаева Дания Ризаевна, младший научный сотрудник Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

Budaeva Daniya Rizaevna – Junior Research Officer, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Адрес: 622031, Нижний Тагил, Красногвардейская, 57.

E-mail: info@ntspi.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет.

Volkova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation, Faculty of Linguistics and Translation, the Chelyabinsk State University.

Адрес: 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, каб.349(1).

e-mail: tatia.volkova@gmail.com.

Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков; Кемеровский государственный университет.

Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Chair of General Linguistics and Slavic Languages; Kemerovo State University.

Адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, каб. 6420.

E-mail: kondr25@rambler.ru.

Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of PR and Advertising; the Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

e-mail: chur-irina@yandex.ru.

Полякова Лилия Сергеевна, кандидат филологических наук,

Polyakova Liliya Sergeevna, Candidate of Philology, Assistant

доцент кафедры иностранных языков № 2, Магнитогорский государственный технический университет.

Professor of the Chair of Foreign Languages № 2, Magnitogorsk State Technical University.

Адрес: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38.
E-mail: liliya-mgtu@mail.ru.

Русова Ирина Александровна, канд. филол. наук, доц. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры».

Rusova Irina, Doctor of Philology, Associate Professor, Linguistics and Crosscultural communication Department, Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous Region — Ugra.

Адрес: 628400, Сургут, пр-т. Ленина, 1.
E-mail: irina_rusova@list.ru.

Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет.

Solopova Olga Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Senior Lecturer of the Chair of General Linguistics, the South Ural State University

Адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
e-mail: solopovaolga@narod.ru.

Степанова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Нижневартковский государственный гуманитарный университет.

Stepanova Marina Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Linguistics and Translation Department, the Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Адрес: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56.
e-mail: mstepanova2@gmail.com.

Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Силезский университет.

Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language, Silesian University

Адрес: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.
e-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Чудакова Наиля Муллахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования, заместитель директора Института филологии и массовых коммуникаций, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Chudakova Nailya Mullahmetovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Philological Education, Deputy Director of the Institute of Philology and Mass Communication, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy.

622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: chudakova_n@rambler.ru
